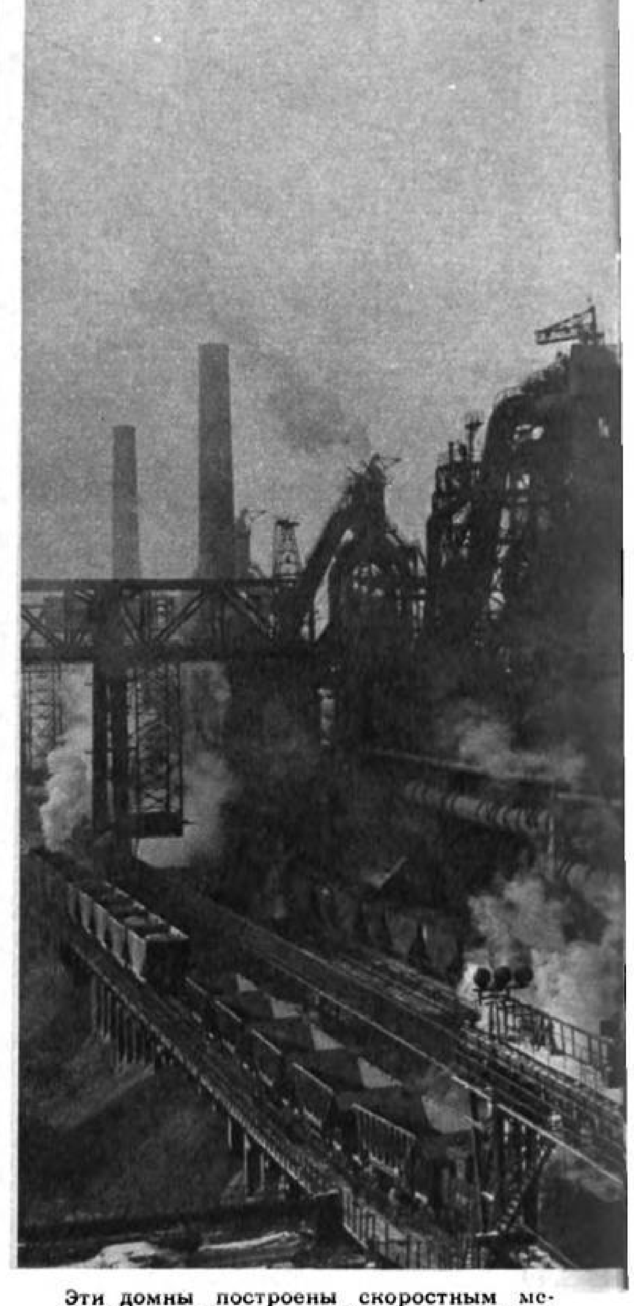

Продолжаем печатать заметки Дмитрия Горюнова
ЗДРАВСТВУЙ, КУБА!
В. Ревунов
СОЛОВЬИНАЯ НОЧЬ,
повесть.
НА ЧЬЕМ ИЖДИВЕНИИ КАСПИЙ?
ОГОНЁК
№ 14 АПРЕЛЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Отец и сын — два строителя, два инженера — Василий Георгиевич и Владислав Канищевы.

Эти домны построены скоростным методом лауреата Ленинской премии В. Г. Канищева.

ФАМИЛЬНАЯ ПР

Красив город Днепропетровск, один из важнейших металлургических центров нашей Родины.

Утро. Идут по широким улицам люди. Торопятся к мартенам, станкам, в институты, конструкторские бюро... Идут по улицам люди. Мы не знаем их имен и фамилий, но дела их известны многим и многим.

Давайте познакомимся с теми двумя, что шагают рядом. Это отец и сын, Василий Георгиевич и Владислав Васильевич Канищевы. Многое, что строилось и строится в Днепропетровске, связано с фамилией Канищевых. Еще дед Георгий Канищев работал здесь, в городе, кровельщиком.

Василий начинал трудовую жизнь маляром. А сейчас он — главный инженер института Приднепровский Промстройпроект. После войны по проектам этого института восстанавливались заводы, разрушенные фашистами, теперь строятся новые предприятия и сооружения: доменные печи на заводах родного города, в Запорожье, Макеевке, прокатные цехи в Кривом Роге, на Запорожстали, на заводе в Днепродзержинске...

Знают работы днепропетровского проектного института и в Китае, Болгарии, Венгрии, Польше.

В 1959 году за коренные усовершенствования методов строительства доменных печей Василию Канищеву присуждена Ленинская премия.

Идут по улице двое. Отец и сын. Два строителя, два инженера. Владислав не так давно закончил институт, но в строительстве родного города есть уже и его вклад.

Д. ПРИКОРДОННЫЙ

За чертежной доской обсуждают проект фабрики В. Г. Канищев, главный конструктор А. Л. Шевченко и инженер Е. А. Алехина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 14 (1763)

2 АПРЕЛЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

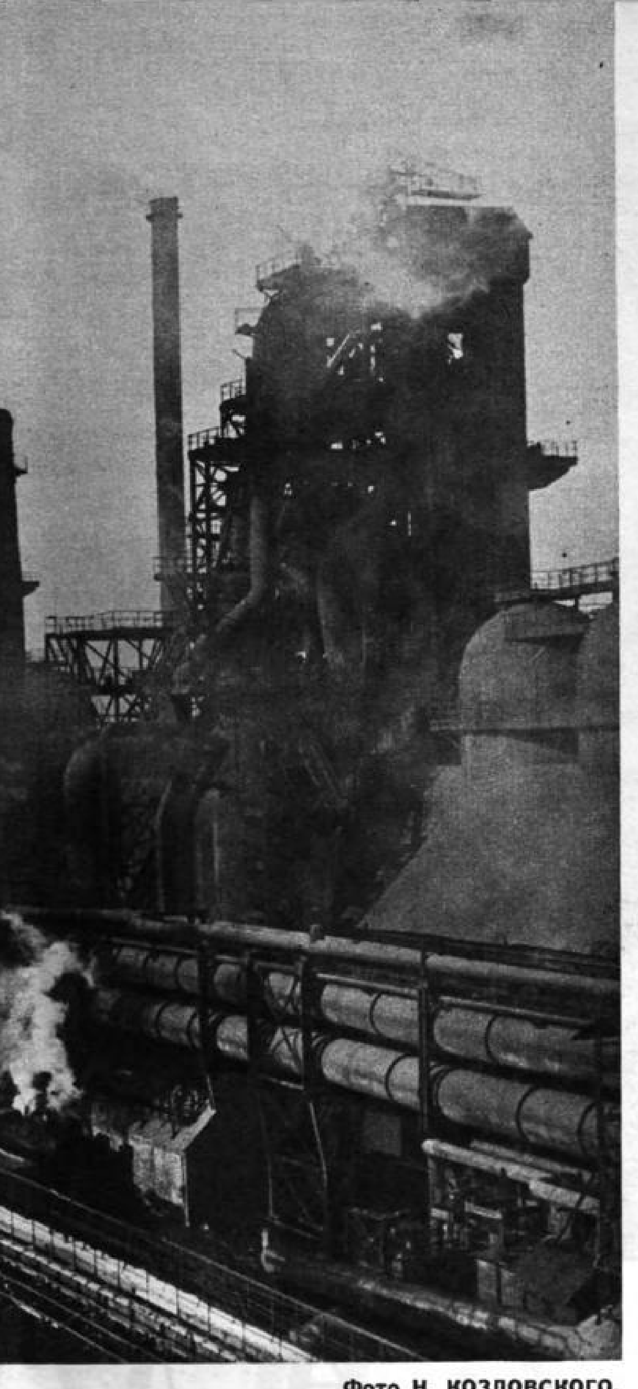

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

ОФЕССИЯ

На чертежах все гладко. А как будет на практике? В. Г. Канищев приехал на завод крупнопанельного домостроения.

ПО ПРИЗЫВУ НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЕВА многие выпускники 1-го Московского медицинского института решили поехать работать на целину. Они уже имели назначение в Москву и другие города Центральной России, но молодежь хочет трудиться на переднем крае!

На снимке (слева направо): Ю. Я. Глейзер, О. А. Белокриницкая, Д. В. Белокриницкий, А. Н. Маркарян и Р. Г. Асланян.

Фото О. Кнорринга.

ПЕРВЫЙ КОМИССАР ЛЕГЕНДАРНОГО КРЕЙСЕРА «АВРОРА» А. В. Белышев недавно ушел на пенсию.

Последние годы Александр Викторович работал главным механиком Центральных производственных и ремонтных предприятий Ленэнерго. Тепло и торжественно проводили старого большевика на заслуженный отдых сослуживцы, товарищи.

Приказом командования «Авроры» А. В. Белышеву присвоено звание почетного матроса крейсера. Капитан 1-го ранга И. М. Гойлов вручил Александру Викторовичу бескозырку, на которой сияют золотые буквы — «АВРОРА».

Фото И. Орлова.

ДОЖДЬ ПОСЫЛАЕТ МАШИНА. В Грузинском научно-исследовательском институте гидротехники и мелиорации создали машину-дождь.

С одной позиции этот агрегат может оросить дождевыми каплями почти полтора гектара земли. Дождевальный дальноструйный агрегат (ДДА-52) уже находится в серийном производстве, и встретить его можно во многих хозяйствах республики.

Сейчас в институте создан ряд других агрегатов, и один из них предназначен для поливки узкорядных насаждений. Он с собственным двигателем, может работать на бездорожье, в любых условиях. Агрегат можно устанавливать на грузовиках, лодках, плотах, передвигать между насаждениями.

Фото В. Джейранова.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ-СЕВЕРЯН. На прошлой неделе в Доме творчества ленинградских писателей в Комарово литераторы малых народов Севера провели свою первую конференцию. В ней участвовали 31 писатель: сын уэлленского охотника чукча Ю. Рытхэу, нанаец Г. Ходжер, ненец И. Истомин, хант И. Шульгин, эвенк И. Удыгир, ульч А. Вальдю...

После вступительного слова А. Прокофьева с докладами о путях развития прозы, поэзии и фольклора северных народностей выступили критики В. Друзин, А. Дымшиц, ученый-североввед М. Воскобойников, прозаики Г. Ходжер, Ю. Рытхэу.

Семинарами по прозе, поэзии и фольклору руководили писатели Москвы, Ленинграда и других городов.

На снимке: участники конференции (слева направо): Ю. Рытхэу, А. Прокофьев, В. Тымпетувге, А. Кымытваль, В. Кеулькут.

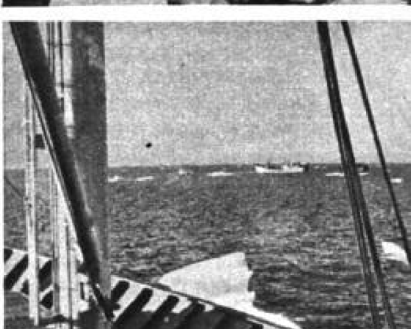
Фото Н. Карасева.

МОСКВА, ЛЕНИНГРАД, ТАШКЕНТ ПРИНИМАЮТ ГОСТЕЙ ИЗ ДАЛЕКОЙ АФРИКИ. По приглашению Комитета советских женщин нашу страну посетили общественные деятельницы и представительницы женского движения Ганы и Марокко.

На снимке: гостьи из Ганы и Марокко в детском саду молочного комбината в Москве.

Фото Галины Санько.

К БЕРЕГАМ КАНАДЫ, на Ньюфаундлендские банки, собираются рыбаки из разных стран за пучеглазым окунем и быстрой треской. Приходят сюда и советские траулеры.

К обнаружившему мощный косяк судну непременно подтягивается весь флот: рыбаки из Мурманска и Клайпеды, из далекой Франции или Испании. Нет-нет да и сцепятся тралами. Но в тесноте — не в обиде!

Часто морякам мешают туманы. В белесой мгле, внезапно затемняющей горизонт, трудно определить положение встречного судна. Тут уж приходится мобилизовать все средства: не отходят от окон рубок капитаны, выставлены впередсмотрящие, вахтенные штурманы не сводят глаз с экранов радиолокаторов.

Промысел продолжается: стране нужно много рыбы — и ни штормы, ни туманы не остановят советского рыбака.

На снимке: промысел окуня у берегов Лабрадора.

Фото В. Колещука, капитана дальнего плавания.

«ЗДРАВСТВУЙ, КНИЖКИНА НЕДЕЛЯ!» В дни школьных каникул во многих городах Советского Союза проходила неделя детской книги.

На снимке: в Колонном зале Дома союзов идет большое весеннее представление.

Фото М. Озерского.

ПО ДОРОГАМ

— Рассказать вам о пассажире пятого корабля-спутника Звездочке? — повторяет нашу просьбу врач-экспериментатор и протягивает печатный бланк.— Вот ее документ.

У нас в руках космический паспорт. В его верхнем левом углу фотография Звездочки. В паспорте указан возраст подопытного животного, вес, время прибытия в виварий, поведение во время тренировки, результаты анализа крови и другие данные.

Визу на путешествие в космос выдал ветеринар, сделав медицинское заключение о состоянии здоровья животного перед стартом корабля.

Врач-экспериментатор ведет нас в соседнюю комнату. Здесь его радостным лаем встречает небольшая собака светлой масти с острой мордочкой, настороженно поднятыми ушами. Это новый всемирно известный четвероногий космонавт — Звездочка.

Знаменитая путешественница «не зазналась» — охотно дает себя погладить, поднимаясь на задние лапки, выпрашивает сахар и благодарно виляет хвостом.

— Как видите, Звездочка чувствует себя превосходно,— говорит врач.— На этот орбитальный полет на корабле-спутнике было несколько претендентов. Но лучшей оказалась Звездочка. Ведь требования к четвероногим космонавтам довольно жесткие.

Кроме абсолютного здоровья, от подопытных животных требовались спокойный нрав, послушание, способность хорошо поддаваться тренировке, легко усваивать условно-рефлекторные связи.

В подготовке Звездочки к полету мы широко использовали опыт, полученный при рейсе второго космического корабля с собаками Белкой и Стрелкой на борту, а также недавнего полета собаки Чернушки.

Подопытному животному операционным путем были вживлены в тело электродатчики для изучения в полете биотоков скелетных мышц и мышц сердца. Как показал опыт, такое крепление проводников вполне надежно. Звездочке сшили специальную летную одежду, такую же, как у Белки, Стрелки и Чернушки. Она проволокой крепилась к лотку, но сохраняла животному некоторую свободу движений. Собака могла сделать шаг к кормушке и принять пищу.

— А что, собственно, едят собаки в космосе?

— Питание животных в космосе,— отвечает врач,— проблема довольно сложная. Хотя первые полеты, как известно, продолжаются сравнительно недолго, тем не менее животные испытывают огромную физическую нагрузку. Поэтому их следует основательно кормить как перед стартом, так и во время космического путешествия.

Прием пищи в условиях невесомости имеет свои особенности. По утверждению некоторых зарубежных исследователей, пища рассыпающаяся распылится, ее частицы могут попасть в дыхательные пути и легкие. Столь же сложно в условиях невесомости утолить жажду из открытого сосуда. Лишенная веса вода выскальзывает из него, всплывает в воздух и разбегается мелкими шариками, которые при дыхании, следуя за током воздуха, могут попасть животному в легкие.

Звездочка, как и Чернушка, снабжалась в полете пищей и водой уже проверенным способом. Автомат подавал собаке чашечку со спрессованным брикетом, который состоял из питательной смеси: размельченных мяса, колбасы, комбинированного жира, геркулеса, воды, агар-агара и основных витаминов. Таким образом животное одновременно утоляло и голод и жажду, а для того, чтобы пища не портилась, ее перед тем, как закладывать в автомат, стерилизовали в автоклаве.

Для отправления других физиологических функций на животных надевали специальные резиновые костюмы со шлангом, которые после полетов Белки и Стрелки были усовершенствованы.

Рассказывая о подготовке к полету четвероногих космонавтов, врач-экспериментатор показывает нам несколько клеток различного размера.

— В этих клетках,— объясняет он,— животное привыкает подолгу находиться неподвижно в тесном помещении. Сначала собаку содержат в большой клетке, потом в клетке поменьше и, наконец, в такой, объем которой равняется объему кабины корабля-спутника. Продолжительность пребывания в клетке начинается с нескольких часов и постепенно увеличивается. Например, первый космический путешественник Лайка спокойно прожила в тесной клетке двадцать суток.

З е м л я: — Быстро ты, однако, обернулась.

Рисунок М. Ушаца.

1

— Полет человека в космос приближается,— заявил вице-президент Академии наук СССР А. В. Топчиев на пресс-конференции советских и иностранных журналистов в Москве.

2

Слава, как всегда, беспокойна.

Чернушка и Звездочка.

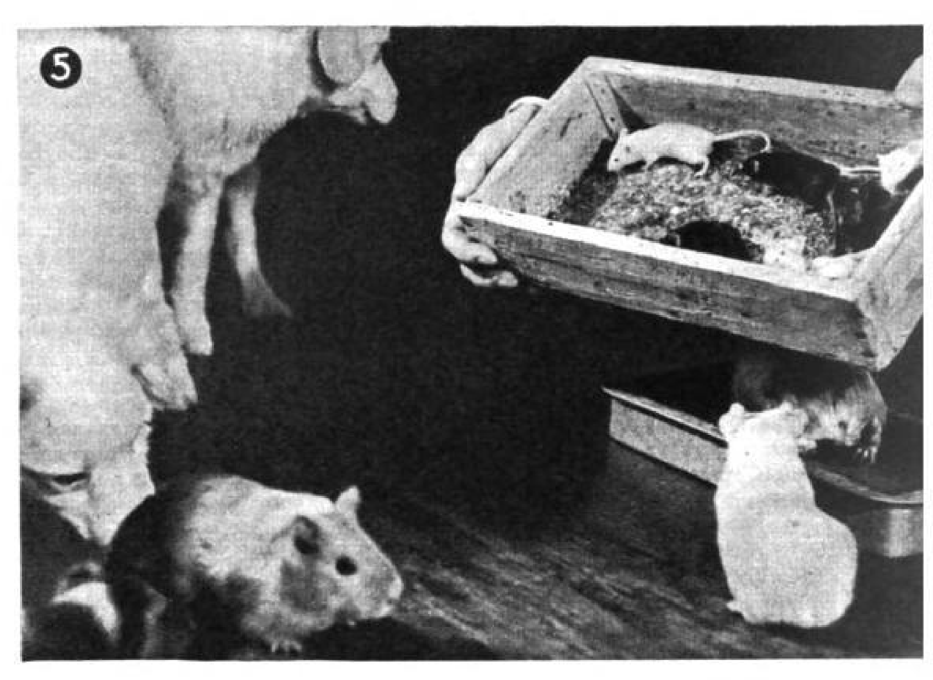
Потомство Стрелки чувствует себя отлично.

Они познакомились в космосе.

Фото Ю. Кривоносова.

КОСМОСА

А. ГОЛИКОВ,
И. СМИРНОВ

В просторной комнате посередине стоит цилиндрический контейнер со съемной крышкой и смотровым люком. Сделанный из алюминиевого сплава, укрепленный на силовой раме, он тускло поблескивает, напоминая какой-то фантастический снаряд. С контейнера снимают крышку. Внутри очень компактно размещено разнообразное оборудование.

— Это кабина малого объема,— объясняют нам.— Животные находятся здесь в условиях, близких к орбитальному полету на корабле-спутнике. Здесь отсутствуют всякие внешние раздражители и царит полная тишина. Химические соединения поглощают углекислоту и в достаточном для дыхания количестве выделяют кислород.

Звездочка находилась в кабине малого объема по нескольку суток, при этом аппаратура, такая же, как на корабле-спутнике, регистрировала ее жизнедеятельность.

Длительную тренировку Звездочка проходила на различных аппаратах, создававших большие перегрузки, которые возникают в космическом полете. Затем занятия перенесли на ракетодром, где собака привыкала к виду ракетных установок, к гулу ракетных двигателей.

Надо сказать, что на этот раз в предполетной подготовке мы не упустили и вопросы эстетики. Хотелось, чтобы новый четвероногий астронавт предстал перед восхищенным миром красивым. Лаборантки тщательно вымыли собаку, а когда шерсть просохла, расчесали ее расческой. Ведь эта расческа, — улыбается врач, — тоже стала исторической.

Длительная и кропотливая подготовка животного к полету себя оправдала. Перед стартом Звездочка вела себя совершенно спокойно: с большим аппетитом поела, дала себя одеть. Но, самое главное, Звездочка хорошо выдержала огромные перегрузки, которые возникают при взлете и при возвращении космического корабля на землю.

Результаты первичного обследования показали, что характеристики основных физиологических показателей собаки Звездочки практически не отличаются от данных, зарегистрированных перед полетом.

Благодаря нормальным условиям жизни, которые были созданы на борту корабля-спутника, а также безотказной работе технических средств, обеспечивающих возвращение корабля на землю, хорошо перенесли путешествие и другие члены космического экипажа: лабораторные мыши, морские свинки, лягушки...

С помощью телевизионных устройств мы следили за поведением Звездочки во время полета. Когда ракета набирала скорость, сила перегрузки распластала собаку на полу. В состоянии невесомости она некоторое время плавала в воздухе, насколько позволяло крепление, а потом встала на ноги, осмотрелась. Когда в обычный час автомат подал пищу, собака поела.

Звездочка хорошо себя чувствовала и после приземления. Когда ее вынули из кабины корабля-спутника, она понюхала землю, словно здоровалась с родной планетой, а потом с удовольствием съела кусок колбасы.

Известно, что подобные полеты подопытных животных и тщательное исследование их предшествуют полету в космос человека. Программа медико-биологических исследований предполагает изучение не только непосредственного влияния многочисленных и необычных факторов на организм животных, но и их отдаленного действия. Так, например, космическая радиация отражается на организме не только в момент непосредственного воздействия, но и в значительно отдаленные сроки. Поэтому собаки Белка и Стрелка, а теперь Чернушка и Звездочка — очень ценные объекты для науки.

— А можно посмотреть на Белку и Стрелку?

— Белки сейчас здесь нет, а Стрелку покажу. Собаки еще находятся под медицинским наблюдением. Производится биохимическое и иммунологическое исследование животных, а также исследование органов грудной полости. Все уже проделанные исследования говорят за то, что космическое путешествие на здоровье животных не отразилось. Больше того, как известно, после космического полета Стрелка произвела на свет потомство и при его воспитании проявила все свойственные собакам особенности материнского поведения и рефлексы.

Для науки это обстоятельство исключительно важно...

Вслед за врачом мы идем в виварий, где содержат подопытных животных. В большой клетке помещаются Стрелка и шесть забавных, веселых щенят.

— Это первые «космические» щенки,— улыбается врач.— В их рацион входит молоко, витамины, каждую неделю ветеринар осматривает животных, взвешивает их. Пока щенки развиваются нормально.

Сведения, которые получены в ходе исследований, не дают основания предполагать, что орбитальный полет на корабле-спутнике вокруг планеты отразится на здоровье человека.

— Звездочка, на место!

Рисунок Е. Ведерникова.

СТЕПНАЯ

Ставрополье... Светает еще поздно. Низко над горизонтом висит солнечный «плафон» — матовый, будто снегом припорошенный шар, слабо освещенный изнутри. Покачиваются неопрятные, слежавшиеся за ночь на мокрой земле слои тумана, иногда такого плотного, что даже близко к полудню машины продвигаются на ощупь, с широко раскрытыми глазами включенных фар.

Но вот белесый полог дрогнул, поднялся выше, еще выше, клочья его поползли в сторону. Взору открывается прикавказская степь во всех ее земных подробностях. А над степью возникает Эльбрус. Солнце, прорвавшееся сквозь заслоны отлетающих облаков, еще не коснулось земли, а уж он, приподняв над двуглавой вершиной само небо, играет рубинами всех своих ледников. Молчаливый свидетель веков, пролетевших над этой степью со времен Сарматского моря до наших дней...

А какие они здесь, наши дни?

Чувство новизны, приподнятости, которое сродни вешнему половодью, завладело степным людом. Фальшивая зима настораживала, как настораживает нездоровый румянец на лице прихворнувшего человека. Оттого и весну здесь ждали с нетерпением. Не холода надоели — ждали, чтобы начать год по-новому, перепахать заново то, что вспахано мелко. Были огрехи, были. И не все быльем поросли...

На совещании краевого партийного актива произошло следующее. К трибуне подошел Николай Прокофьевич Гасан, бригадир из Кочубеевского района. Он рассказал о том, как колхозники бригады собрали по шестьдесят четыре центнера кукурузного зерна с гектара. Не звено, а бригада — цифра замечательная! Бригадиру поаплодировали. А он заверил, что новое обязательство — восемьдесят пять центнеров — бригада также выполнит с честью.

Снова аплодисменты. Бригадир отошел было от трибуны, но тут его остановил голос из президиума. Из-за красного стола поднялся председательствующий:

— Товарищ Гасан! Берите сто центнеров! А что? Давайте!

Колхозный бригадир не спешил с ответом, он-то уж знал, что ничего не стоит назвать сейчас любую цифру, а придет осень... Ведь он только что, товарищи хорошие, об этом так ясно говорил! И как сердце болело, когда обрушились по весне три шквала черной бури, как рисковала бригада, впервые применяя микроэлементы — этот способ обработки семян пока несовершенен; и о том, как ждали июньского дождя, как достали гербициды, а опрыскивателей в колхозе не было; как тяжело и невыгодно на сотнях гектаров убирать кукурузу вручную...

— Ну? По сто? Берите и меня в компанию, вдвоем вырастим! А?

Молчал бригадир. А из президиума уже несколько угодливых голосов кричало:

— Да чего там, согласен он! Растерялся. Согласен!

И снова аплодисменты.

Но он промолчал: не мог согласиться на такое самолично, не посоветовавшись с бригадой.

...И вот я еду в кочубеевский колхоз имени Чапаева, в бригаду Гасана. Что за люди в бригаде? Чем встречают весну? Почему именно восемьдесят пять, а не сто центнеров, которые им так лихо предложили записать в обязательство? Какова арифметика их полей и ферм?

За стеклами «газика» промелькнули хутора Веселый, Петровский. Наконец показался Черкасский — четвертая бригада, та самая, которую уже много лет возглавляет Николай Прокофьевич Гасан.

На хуторе тихо. Ранние сумерки, поголубевшие хаты. Вдоль полей разбегаются лиловые в этот предзакатный час лесополосы. Совсем рядом над сумеречной, сразу похолодавшей степью возвышается окрашенный далеким солнцем Эльбрус: до него километров триста, а стоит он будто вон за той скирдой.

К конторе подлетел гнедой жеребец, заложенный в легкую коляску. Приехал бригадир. Подвижный, хотя и тучный человек средних лет. Приветливый. Разговор, понятно, вокруг январского Пленума ЦК, о земле, погоде — о ней не потому что говорить не о чем, а с тревогой и надеждами: для этих людей сегодняшняя погода — это боронование и сев завтра. Дошли до кукурузы. Ей в бригаде отвели четыреста гектаров.

— С них вам предстоит взять по сто центнеров?

Николай Прокофьевич сразу догадывается, о чем речь. Понимающе улыбается.

— Что ж, и такой урожай нам под силу. Люди в бригаде золотые. Как вернулся из города, всех собрал сразу же. Дело нешуточное. Рассказал, какую цифру нам заломили в Ставрополе. И ничего, не сробели.

Почему же не сробели? Сто центнеров — огромная сумма. А слагаемые? Что за величины? Бригадир отшучивается:

— Сами, небось, слышали, что краевое начальство в бригаду попросилось.

Резон в этой шутке был, но мне хотелось добраться до самой сути тех расчетов, которые позволяли бригаде с уверенностью отстаивать свои обязательства и предостерегали ее от соблазна назвать нереальные пока цифры. Ведь в отличие от плана обязательства не получают, а берут.

— Что значит сто центнеров с гектара? — спросил бригадир и сам же ответил.— Это значит: на каждом стебле надо получить по початку весом в двести пятьдесят граммов. Так, конечно, по теории, а в жизни... В жизни нужна прочная агрономическая база.

Сам Николай Прокофьевич — агроном. Кукурузу бригада из года в год получает отменную. Шесть лет настойчивых поисков, опытов. Уже два-три года подряд звенья Хмельницкой и Швецовой получают по восемьдесят три — восемьдесят пять центнеров с гектара.

— Вот мы и хотели в честь съезда в этом году взять такой урожай не в двух-трех звеньях, а всей бригадой. Восемьдесят пять — дело реальное! Все плюсы и минусы подсчитали. А плюсы у нас вот какие. Казаки, бывало, не то что в степь, да еще под кукурузу, а даже на огороды навоз не всегда вывозили. У нас какое о земле мнение? Оглоблю воткнешь — тарантас вырастет! Только это все — бахвальство. Чернозем, он тоже и воды требует и удобрений обязательно.

Я оглянулся, Николая Прокофьевича слушали агрономы — бригадный, Володя Мяленко, и колхозный, Григорий Григорьевич Варехин, и случившиеся в конторе колхозники, и приехавшая в колхоз председатель райисполкома Витальева.

— Ну, а в этом году,— снова улыбнулся бригадир,— руководство края вызвалось помочь, так что, может, и суперфосфат нам подбросят.

Николай Прокофьевич — человек по-житейски, по-доброму хитроватый. Такие все в дом — в общий котел бригады, колхоза. Они не скупы, а экономны; не хитры, а смекалисты; если какую инструкцию и нарушают, то не иначе как с пользой для народа, государства. Других целей и масштабов не знают! Бригадир рассказал о такой своей инициативе (он мне по секрету, а я всему свету, потому что речь идет о творчестве на земле): в бригаде попробовали несколько загустить посевы кукурузы. Сантиметры, отвоеванные у инструкции в пользу кукурузы, позволили разместить на гектаре почти на шесть с половиной тысяч стеблей больше. Для обработки междурядий никакой помехи, а прибавка урожая составила несколько центнеров зерна на каждом гектаре.

— Трудно до нас новшества доходят,— говорит бригадир.— Сейчас горожане некоторые о кукурузе знают больше, чем колхозники. В городе книги, кино, лекции, а тут одна газета, да и в ней чаще всего цифры только. Как получен урожай,— о том ни слова. Мы граничим с краснодарцами, там у меня приятель есть, бригадир тоже. Сойдемся с ним на меже — вот и весь обмен опытом.

Я слушал бригадира, а сам припомнил большеротого человека, встреченного в Ставрополе: «Опять кукурузу на щит поднимают. Недурненько. Оч-чен-но выгодная культура, доложу я вам! Она мне много тыщ принесла, хоть старыми, хоть новыми считайте. Три издания брошюры. Да плакаты, да... Оч-чен-но доходная...»

Разговор происходил до постановления о реорганизации Министерства сельского хозяйства СССР. Теперь-то ясно, что наука отныне будет гнездиться не в кабинетах ретивых издателей брошюр, а в создаваемых сейчас опытно-показательных хозяйствах, на земле. Правда, и сейчас Гасан, говоря в общем-то верные для большинства колхозов вещи, явно прибеднялся. Он-то как раз опытом «на меже» не ограничивается: переоборудовал сеялку, достал гербициды и микроэлементы...

— Может, и по сто центнеров соберем. Во всяком случае, для восьмидесяти пяти есть полный расчет, а оставшиеся пятнадцать — за счет энтузиазма!

Смеется бригадир, смеются все. Я понимал бригадира: без энтузиазма шагу не сделаешь. Герои по шесть подкормок вносят, а колхозу имени Чапаева уже три года ни грамма минеральных удобрений не дают. Навозопогрузчиков даже в кино им не приходилось видеть.

— А вот еще плюс,— не без гордости добавил бригадир,— у меня уже в прошлом году было сделано то, что рекомендует Никита Сергеевич. Все кукурузоводы в звеньях осенью получили как премию по четырнадцать центнеров кукурузы, а механизаторы из звена Владимира Жука — по двадцать три центнера. Своим умом доходим...

Мы вышли на улицу. Не хотелось уезжать от этих удивительных людей. Чем они удивительны? Своей преданностью земле, своей приверженностью к той самой степной арифметике, знаться с которой подчас не хотят некоторые руководители. Таковой науки нет? Не скажи! Есть. И она в тугой узел стянула сложнейшие вопросы планирования и экономики, вопросы земледелия и политики, сроки сева и строительства коммунизма.

— Нам бы только отдушину дали! — вырвалось вдруг у такого на первый взгляд покладистого бригадира.

О какой «отдушине» он тоскует? А вот о какой. Один только

АРИФМЕТИ

Н. БЫКОВ

пример. Когда-то, очевидно, был смысл сеять здесь коноплю. Семена ее и сейчас могут дать баснословный доход, да не дают. Жизнь заставила увеличить поголовье коров, а в связи с этим расширить посевы кукурузы. Увеличили, расширили. Кроме того, чапаевцы стали возделывать еще и сахарную свеклу. Рук не хватает. Но коноплю по-прежнему планируют. Сто гектаров занимает она у Гасана. Казалось бы, пустяк, но этот пустяк дорого обходится колхозникам. У настоящего хозяина сердце кровью обливается, когда он видит пропадающую стогектарку,— по сводкам считается, что она дает и зерно, и молоко, и мясо, и шерсть. Не дает... Весной душу трясут: сейте! А осенью конопля остается в степи. Почему? Да ведь и кукуруза, и сахарная свекла, и конопля созревают одновременно. Что ценнее? Кукуруза! Ее и убирают. Горы кукурузы, горы свеклы!

Конопля — это только пример. Нетрудно догадаться, что зло в планировании без учета мнения самих хозяев земли, зло в забвении специализации. Производство молока и кудели трудно совместить в одном хозяйстве.

Колхозный агроном Григорий Григорьевич все время помалкивал, он только раз вздохнул:

— У тебя одна такая стогектарка, а у меня их, пустопорожних, пять на шее...

И словно вторя ему, председатель райисполкома, сама недавний агроном, Зинаида Александровна Витальева, тихо проговорила:

— У соседей ваших, в колхозе имени Ленина, десяток таких. А в районе и того больше...

Николай Прокофьевич задал наивный вопрос:

— Как же так получается? Выступал в Ростове председатель колхоза — молодой хлопец, Кавун, кажется,— так он и горох сеет и нут... Вот бы нам разрешили, ведь без бобовых никак нельзя.

А я с той же наивностью возразил:

— Вы же хозяин здесь, на этих полях! Посейте. Вы сами агроном, да под боком у вас агроном. Вот он, Володя! Сейте, что выгоднее.

Они только улыбнулись в ответ.

— Вы думаете, чем я, агроном, сейчас занимаюсь? — распалился вдруг молчавший до сих пор Володя Мяленко.— Думаете, хожу по полям, выбираю участки для королевы, определяю влажность почвы, всхожесть семян? Ничего подобного, я, может, первый раз за день вышел с вами на крыльцо подышать свежим воздухом, а то все в конторе сижу. Кто меня держит? Так знайте, что мне уже третий раз план на бригаду доводят, и в третий раз я всю цифирь заново переписываю.

Григорий Григорьевич снова вздохнул:

— У тебя бригада, а у меня колхоз...

— Колхоз! У меня район,— снова вставила словечко предрик,— я еще, вас жалеючи, не каждую бумажку сюда шлю...

— Или взять овец наших,— высказывая наболевшее до конца, продолжал Николай Прокофьевич.— Очень густо мы их держим. А в нашей хлебородной степи надо бы побольше коров! Шерсть нам втридорога достается, а молока дешевого мы могли бы иметь больше, чем воды в Кубани!

...Разговор о том же зашел у меня и с секретарем Кочубеевского райкома партии Иннокентием Ивановичем Бараковым. Правда, не сразу. По-настоящему мы разговорились только в машине. Отсутствие стола под зеленым сукном, солнечная степь, проносившаяся мимо быстролетного «газика», дыхание весны, врывающееся в кабину, — все это, очевидно, располагало к откровенности. К тому же Бараков — человек в районе новый, это давало ему возможность без оглядки говорить о недостатках, а их здесь при молчаливом согласии старого руководства скопились горы, как навоза возле плохой фермы.

— Спрашиваете, как случилось, что овец кормим силосом и держим чуть ли не на привязи? Неразумно? Бригадир прав... Когда я приехал сюда, прежде всего посмотрел, сколько продукции дает район. Оказалось, что кукурузного зерна мы даем больше, чем иная область. А шерсти? В редком хозяйстве получают ее больше, чем в наших колхозах. И молока колхозы дают будто немало... А вот планов своих район не выполнял. Ни по зерну, ни по молоку, ни по шерсти. Показатели сияли, как вон сейчас Эльбрус сияет, а на стогектарку районную выдавали мало. Значит, с экономикой дружба врозь. Это уж от головы зависело...

Секретарь обернулся круче, сел поудобнее:

— Так вот, пригляделся я к району. Кубань делит его пополам. Думаете, это только география? Чистейшая экономика! Два разных берега — две разных почвенных, а хотите, так и климатических зоны. Левобережье — это тучный прикавказский чернозем, поймы, обилие влаги. Здесь у нас волею судеб расположены колхозы. Здесь бы и надо упор делать на молочное хозяйство, на зерно, мясо... А другой берег — горы, земля намного беднее, меньше воды. Зато просторные пастбища, для овец раздолье. Там у нас расположились совхозы, которым и надо бы специализироваться по овцеводству. Так ведь нет же, не строили там кошар: средства экономили. А к чему эта экономия привела? Запомните цифру, только одну: каждый колхозный гектар втрое доходнее совхозного. Вот вам и география! Государство не спрашивает, с какого берега шерсть, оно видит, что на районную стогектарку ее приходится мало. Колхоз на выставке, а шерсти в общем-то нет...

Кочубеевские колхозы крепкие, люди живут здесь, не зная нужды. Это, быть может, и убаюкивало их. Брали, что лежало под рукой. Без внимания оставлялись громадные резервы.

Николай Прокофьевич Гасан.

— В этом районе можно получать продукции в десять раз больше, чем сейчас! В десять раз! И не надрываясь,— немного торжественно, как о самом сокровенном, сказал Бараков.— Что значит выявить резервы? Да просто поставить все на свои места. Овцам дать пастбища, коровам — вдоволь кормов, земле — удобрения.

...У работников инкубаторных станций в ходу такой термин: «миражное яйцо». Так птицеводы называют неоплодотворенное яйцо, от которого цыпленка не жди. Тогда-то мне и подумалось: сколько еще «миражных яиц» на селе! Если считать по пальцам — рук-ног не хватит. Но беда в том, что пока это всего-навсего «миражные яйца», ничьей экономической мыслью не оплодотворенные. Значит, и «цыплят» не жди...

Чувствовалось, что новый секретарь райкома, сравнительно молодой еще человек, имеющий высшее экономическое образование, ломает в эти дни рутину, свившую гнездо в самом сердце района. Денно и нощно он расчищает плацдарм для весны третьего года семилетки. Вот его кредо:

— Зёмли в районе прекрасные, машин теперь еще больше будет. И людям сметки не занимать. Главное, не мешать их земному творчеству, не стеснять их хозяйский размах. И не обрывать на полуслове человека, когда у него предложение созрело, не хватать его за руку, когда он к доброму делу приступил!..

Кочубеевский райком партии в его нынешнем составе, как видно, так и поступает. Мне довелось присутствовать в райкоме, когда туда съехались чабаны. Бараков пригласил их для того, чтобы откровенно поговорить о новшестве чабана станицы Великокняжеской Михаила Дубинского, который так организовал свой труд, что обходится теперь без сакманщиков — этих обязательных в прошлом временных подручных чабана.

Один за другим поднимались люди. Говорили коряво, но убежденно, со знанием дела. Кое в чем сомневались, переспрашивали, что и как, но в общем-то соглашались с Михаилом. Помню, поднялся небритый, в тулупчике чабан из колхоза имени Ленина:

— Дело выгодное, чего там! Я беру на себя такую миссию, чтобы все сделать, как у Дубинского.

Встает другой, в дальнем углу:

— Пусть все чабаны творят свое творчество, а их надо за это поощрять!..

Вскочил, торопливо заговорил, размашисто жестикулируя, пожилой чабан из того же колхоза, что и Михаил:

— Товарищи! Когда Дубинский эту свою идею сделал, то я был первым застрельщиком против него!

Зал такого оборота не ожидал, все рассмеялись. Но «идейный» противник новатора не смутился. В его словах зазвучала огромная правда жизни со всеми ее противоречиями.

— Я так ему и сказал: Михаил, такого дела промеж чабанов еще не было. И ежели ты только добьешься своего, я первым буду просить послать тебя аж в Москву! Но сам-то я не доверял этой идее и, как ближайший сосед, частенько ездил к Дубинскому. Приеду, проконтролирую, поругаюсь с ним и уеду. Он остался вовсе без сакманщиков, а я все же двух придержал. Снова поехал к Дубинскому, проконтролировал его, опять поругался и уехал. А чего ругался? Чего не верил ему? Напрасно все это было с моей стороны. Одобрить, товарищи, и усё!

Вот такие они, кочубеевцы. Семь раз отмерят и только потом отрежут. И верно поступают. В степи иначе нельзя. Что ж, что чернозем под ногами? Здесь каждый плюс-минус имеет значение — таков закон степной арифметики! Даже за этим совещанием чабанов в районном комитете партии стоит вполне реальная цифра: плюс сто тысяч рублей. Сто тысяч новых рублей государству, значит, им же, этим жарко спорящим, недоверчивым людям, которые стеной встали за очевидную выгоду, за новое дело. Кто-кто, а они считать научились!

...Весна. Ставрополье. Время порывистого ветра, нежданных ночных холодов, когда каждая веточка каждого дерева покрывается к утру кристаллами игольчатого инея. Но близко к полудню солнце заливает светом прикавказские дали. Тогда встает у горизонта во весь свой богатырский рост красавец Эльбрус.

Эльбрус снял шапку — быть доброй погоде. Есть такая примета. Когда я уезжал, глянул в его сторону — без шапки! Владыка гор, он словно преклоняется перед трудом степняков. Быть доброму дню. И доброму году!

На дорогах провинции Матансас.

Здравствуй, Куба!

Дмитрий ГОРЮНОВ

5. Дорога через остров

За полнейшей ненадобностью оставляем свои московские пальто в отеле «Гавана Либре» и отправляемся в путешествие по стране. Ходим без пиджаков, в рубашках с короткими рукавами, навыпуск (чтобы лучше продувало) и каждый раз, когда дорога выводит нас к океану, спешим искупаться. Пляжи пустынны. Кубинцы в это время года почти не купаются: как-никак январь, зима, хотя вода теплая, как парное молоко.

Наш путь лежит на восток от Гаваны. Дорога длиною в тысячу километров рассекает необозримое зеленое море. Заросли, в которых легко скрывается всадник, напоминают камыш где-нибудь в дельте Волги. Над сплошным зеленым массивом также возвышаются золотисто-серые метелки. Сегодня крепкий ветер, стебли гнутся, шумят сочные листья, и кажется, вот-вот прокричит болотная выпь. Это плантации сахарного тростника — главного богатства, а в недавнем прошлом и источника многих несчастий Кубы.

Началась сафра — уборка тростника, страдная пора в кубинской деревне. Всюду видишь людей в соломенных широкополых шляпах — сомбреро, в насквозь промокших от пота рубашках. Широкими ножами — мачете — крестьяне срубают спелые стебли. На переработку идет нижняя, желтая часть. Обычно вырубают два куска, примерно по метру каждый.

Тростниковые палки бросают в кучу, потом их грузят в автомашину с высокими бортами и везут на ближайший перевалочный пункт. Здесь стебли перегружают на железнодорожные платформы и отвозят на сахарный завод.

Крестьяне угощают нас сахарным тростником. Кусаешь тростниковую палку, как в детстве капустную кочерыжку. Когда жуешь, рот наполняется приторно-сладким соком.

Спрашиваем крестьян, какого ухода требует тростник.

— Никакого.

— Как же он растет?

— Растет сам по себе.

Оказывается, на Кубе, однажды посадив тростник, можно убирать урожай семь, десять и даже сорок лет подряд. Единственная работа, хотя и очень тяжелая, срубить тростник да очистить поле от листьев.

Бесконечные тростниковые джунгли перемежаются пастбищами, банановыми плантациями, апельсиновыми садами, рисовыми полями, посевами табака, из которого делают всемирно известные сигары (вспомните, в скольких романах респектабельный буржуа после обеда закуривал «гавану»)... Тут и там встречаются рощи величественных и гордых королевских пальм. Их более скромные сестры — кокосовые пальмы скрывают в тени могучих листьев желтые орехи размером с небольшую дыню. Попросишь босоногого мальчугана, он быстро заберется на дерево, сбросит орех, срубит ножом верхнюю часть, обнажив сердцевину. Готово! Можешь вдоволь, как из жбана, пить душистый, утоляющий жажду сок.

На сотни километров вдоль дороги бегут неприхотливые деревья — «пинья дорада»; сейчас они цветут неброскими розовыми цветами. Местами машины, как по тоннелю, едут аллеями развесистых лавров, мощная крона начинается в метре-полутора от земли. Огненными пятнами врываются в пейзаж ярко-красные кусты рождественского цветка. Синеет на горизонте поросшая лесами гора Кристалл, в раскаленном от жаркого солнца небе парят стервятники.

Немало уже приходилось ездить по разным землям и странам. Часто там встречаешь незнакомое, удивительное в образе жизни, в нравах и обычаях людей, в облике городов. А вот природа реже поражала своей неповторимостью. Может, это оттого, как верно заметил А. Твардовский в своем очерке о Норвегии, что собственная наша страна так обширна, разнообразна и богата всем тем, чем может быть прекрасна земля для человека. Когда в зарубежной поездке твое внимание обращают на какое-либо примечательное место, невольно вспоминаешь, что ты видел подобное где-то в Подмосковье, либо в степях Украины, либо в горах Северного Кавказа. На Кубе такого чувства не было. Все здесь в природе казалось своеобразным и неповторимым. Не зря ведь Кубу называют жемчужиной Карибского моря.

По обочинам дороги крестьяне, похожие на ковбоев, перегоняют скот. Вот одна из коров бросилась перебегать дорогу перед самыми машинами. Скакавший сзади стада всадник молниеносно взмахнул лассо и ловко набросил на рога коровы. Заарканенное животное перевернулось в воздухе и распласталось у края дороги...

Навстречу с огромной скоростью летят автобусы дальнего следования, мчатся грузовики, наполненные сахарным тростником, апельсинами, бананами. Бананы нагружают в машины высоко, как у нас прессованное сено.

Кое-где поля только что вспаханы. Почва ярко-красная, как черепица. Это плодороднейшие красноземы. В черноземных наших краях есть поговорка: воткни в землю оглоблю, вырастет тарантас. На Кубе есть подобное выражение, и, пожалуй, здесь оно больше соответствует правде. Щедра кубинская земля! И тут я вспомнил фразу, сказанную в беседе с нами Че Геварой: плодородие нашей земли было одной из причин ее бедности. Парадокс? Конечно, но за ним скрывается горькая истина...

6. «Только через наши трупы!»

Дорога привела нас в местечко Гуаро, что в провинции Орьенте. Здесь бывшие владения «Юнайтед Фрут компани» — крупнейшей монополии США, всесильного «зеленого спрута», эксплуатирующего многие страны Центральной Америки. Это по велению ее хозяев готовятся заговоры, происходят перевороты, меняются правительства в так называемых банановых республиках. Компания имела здесь свыше ста тысяч гектаров сахарного тростника, два сахарных завода, свои порты, свой флот, свои дороги, свои магазины, своих чиновников, свои порядки, свои законы, своих королей и нищих. Государство в государстве, а точнее, государство над государством.

Продолжение. Начало см. в № 13.

Революция покончила с этим на Кубе. Национализированы владения компании, и сейчас на ее землях двадцать восемь сельскохозяйственных кооперативов. В них 11 тысяч человек, все бывшие рабочие компании. Сахарные заводы перешли в собственность государства.

Мы сидим в уютном особняке на чистенькой, обсаженной пальмами, бананами и апельсиновыми деревьями улочке. Раньше здесь жили американские служащие компании. Жили припеваючи. Кубинцам на эту улицу вход был воспрещен. Сейчас в особняке живет семья управляющего народным имением Исидора Мендеса, в недавнем прошлом резчика сахара. Управляющий в отъезде, и нас встречают его жена, активист местной организации кубинских женщин — Альвароса, и ее дочь, ученица шестого класса, Мирта.

Беседуем с кооператорами, бывшими рабами «Юнайтед Фрут компани», резчиками тростника Хуаном Хосе Ваддия, Карлосом Альваресом, Альбертом Вильямсом, Энрике Модересом и другими. Неторопливо и, кажется, без волнения, как о чем-то далеком, канувшем в прошлое, рассказывают они о том, как компания буквально огнем и мечом сгоняла крестьян с земли, как выжимала из них все соки.

Компания обосновалась здесь после оккупации острова американцами в 1903 году, скупив землю за гроши. Излюбленный прием был такой: землю сдавали в аренду крестьянам, а как только участок был обработан, арендаторов сгоняли. Сжигали дома, непокорных усмиряли войска. В конце концов крестьяне превратились в сельскохозяйственных рабочих; три-четыре месяца в году во время сафры они резали тростник, а восемь-девять месяцев бродили по стране в поисках случайной работы.

Спрашиваю Хуана Ваддия, имел ли он раньше землю.

— Никогда! Это было невозможно.

С тем же вопросом обращаюсь к Карлосу Альваресу.

— Никогда!

— Может быть, отец имел?

— Никогда!

— А дед?

— Никогда!

— Как же тогда жили?

— Жили умирая. Ели овощи, иногда бобы. Смены белья не было.

Американские монополисты не только лишили кубинцев земли и нещадно их эксплуатировали, они терзали душу народа, унижали человеческое достоинство. Смешно сказать: покрасить свой дом в поселке сельскохозяйственный рабочий мог только в один цвет, угодный компании, но ненавистный крестьянам—в цвет охры. Поставить радиоприемник можно было лишь с разрешения компании. На все требовалось ее благословение.

— Даже гвоздь вбить в стену в своем доме без разрешения американцев было нельзя,— замечает Альварес.

Энрике Модерес попытался открыть школу для неграмотных крестьян. Его занесли в черный список, всячески преследовали.

— Очевидно, у компании были хорошие отношения с Батистой? — спрашиваю Энрике.

— Все гораздо проще. Что она хотела, то и делала. Батиста был на содержании у иностранных монополий. Батистовская армия получала две зарплаты: одну официальную, вторую от компании.

Как будто совершилось чудо. Хосе Ваддия, Карлос Альварес и тысячи таких же безземельных крестьян, существовавших на грани жизни и смерти, стали хозяевами земли — земли, столь желанной и столь обильно политой их пóтом и кровью, слезами жен и матерей. Не охватишь глазом просторы тростника, плантации бананов, рисовые поля. Все эти богатства принадлежат теперь им — крестьянам-кооператорам. Жизнь пошла по-иному. Люди стали лучше питаться, на их столе появляются рыба и мясо. Лучше стали одеваться. Сели за парты, чтобы познать азбуку, впервые почувствовали себя людьми, хозяевами своей судьбы.

Трудясь коллективно, люди собирают с земли больше, чем «Юнайтед Фрут компани».

— Может быть, больше машин стало, удобрений?

— Нет,— говорит Энрике Модерес.— Просто настроение у людей иное: работать стали на себя.

— А если вернутся старые хозяева? — спрашиваем крестьян.

— Нет, никогда. Лучше смерть!— говорит Карлос Альварес.

— Нет, никогда, только через наши трупы! Куба — могила империализма,— говорит Хуан Хосе Ваддия.

«Только через наши трупы!» — эту фразу мы часто слышали, сворачивая с автомагистрали Гавана — Сантьяго-де-Куба в сельскохозяйственные «глубинки» острова.

На поле кооператива «Куба Либре», что в провинции Матансас, группа мужчин молотит черную фасоль, из которой готовят очень распространенное на Кубе блюдо. На разостланной мешковине навалены стебли со стручками; мужчины с силой ударяют кольями по куче. Так у нас в свое время молотили цепами рожь.

Бартоло Альмедо, администратор кооператива, рассказывает:

— Земли эти раньше принадлежали помещику Лопесу Кастро, сейчас здесь кооператив, в нем работают бывшие батраки. У нас одиннадцать моторов, три гусеничных, четыре колесных трактора. Они отобраны у помещика. Мы арендуем еще у ИНРА (Национальный институт аграрной реформы) шесть тракторов. Есть четыре силосные башни, шестьдесят коров, приобретенных на государственный кредит, сто пятьдесят телят. Наши дети пьют теперь молоко.

— А что, если вернется старый хозяин Лопес Кастро?

— Если крестьяне не имели раньше земли, жилья, голодали, как они могут встретить помещика? Только с оружием в руках! Наши крестьяне намерены защищать свой кооператив. Нам много предстоит сделать, и пусть нам не мешают.

В селении Итабо, провинции Лас-Вильяс, жили крестьяне, арендовавшие землю у помещика Родригеса. Помещик занимался животноводством, и, чтобы чужой скот не пасся на его землях, крестьянские дома с крохотными участками были огорожены проволокой.

Жили в лачугах. Стены из коры пальмового дерева, крыши из пальмовых листьев и стеблей сахарного тростника. Пол земляной. Так жили не только в Итабо. Три четверти крестьянских жилищ на Кубе были хижинами, какими пользовались индейцы до того, как Колумб открыл Кубу.

Сейчас в Итабо кооператив имени Мануэля Брито Моралеса — одного из павших в боях революционеров. Помимо сахарного тростника, начинают выращивать фасоль, картофель, рис. Появился скот. Спрашиваем о доходах. Кооператив очень молод, пока все заботы сводятся к тому, чтобы накормить людей. Удивляться здесь нечему: шестьдесят процентов сельского населения Кубы постоянно страдали от недоедания.

В кооперативе как на ладошке видно старое и новое. Напротив хижин через пыльную дорогу строится новый поселок. 167 домов — для каждой семьи дом. Домá со всеми удобствами: электричество, вода и даже газ. Строятся школа, больница, народная лавка, клуб. На широкой улице будет разбит парк.

По новому поселку нас водит крестьянин Касимиро Калеро Прето. Он выполняет обязанности агента по снабжению стройки материалами. Прето живет в такой же хижине, как и все. Спрашиваем его: небось, облюбовали себе домик?

— Пока никто не знает, кому какой достанется. Закончим поселок, разобьем дома по группам в зависимости от членов семьи, потом напишем билетики, опустим их в сомбреро, и каждый пусть тащит. Какой дом выберет, в том пусть и живет.

7. Революционный климат аграрной реформы

Теперь настало время раскрыть секрет чудесных изменений, которые происходят в кубинской деревне. Это результат аграрной реформы, смело проведенной революционным правительством Фиделя Кастро. Собственно, кубинская революция началась и проходила как национально-освободительная, антиимпериалистическая и аграрная революция.

Закон об аграрной реформе был провозглашен 17 мая 1959 года, спустя пять месяцев после победы революции, в местечке Ла Плата, где находился штаб повстанческой армии. Реформой ставилась задача ликвидировать помещичьи латифундии, наделить крестьян землей, создать новые отрасли сельского хозяйства.

До аграрной реформы крупные собственники, составлявшие всего один процент владельцев земли, имели более половины земельных угодий. В то же время 71 процент собственников имел только одиннадцать процентов всей пахотной земли. 62 500 хозяйств владели чуть больше половины кабальерии земли каждое (кабальерия равна примерно 13 гектарам).

Основные источники богатства Кубы — сахарная промышленность и животноводство — находились в руках крупнейших латифундистов. Сахарные компании владели четвертой частью всей обрабатываемой земли. Были компании, которые имели по десять — восемнадцать тысяч кабальерий. Большая часть крупных латифундий принадлежала американским компаниям «Юнайтед Фрут компани», «Кубэн Америкэн шугар милз» и другим.

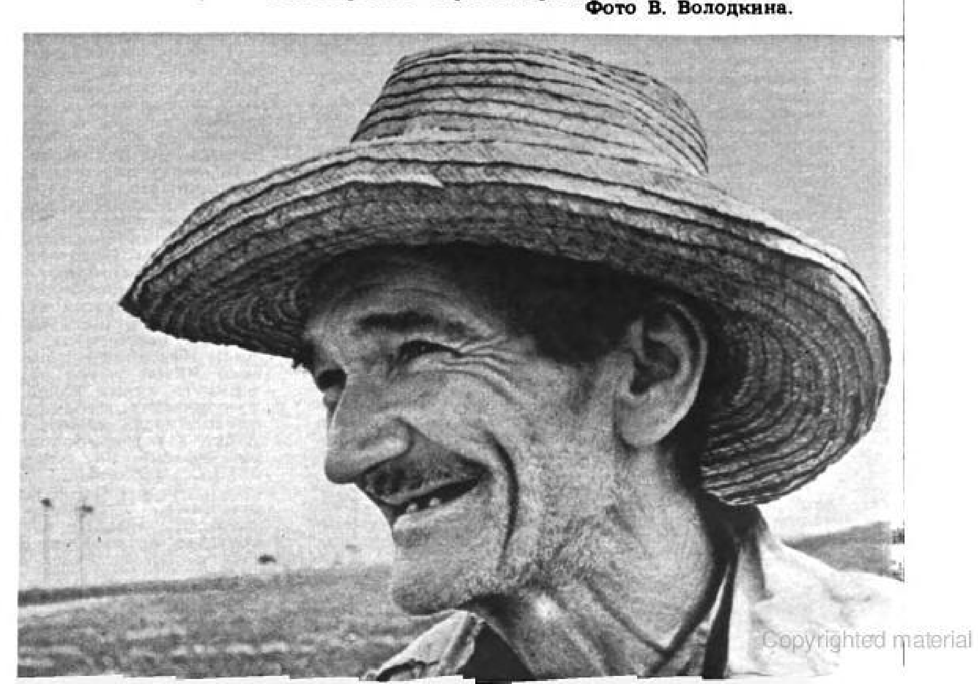
Господство помещиков и иностранных монополий привело кубинскую экономику к тяжелым последствиям. В то время как крестьяне страдали от безземелья, огромные площади плодородных земель не обрабатывались и не приносили пользы. Латифундии сделали Кубу монокультурным производителем сахарного тростника, тормозили превращение сельского хозяйства в многоотраслевое. Они же ответственны за техническую отсталость сельского хозяйства. Большинство хозяйств не применяло ни удобрений, ни современных машин, ни орошения. До революции в стране приходился один трактор на каждые сорок девять кабальерий земли, только четыре процента площадей орошалось. Этим и объясняется парадокс, когда с плодородных кубинских земель собирали самый низкий урожай тростника — в несколько раз ниже, чем на других Антильских островах или на Гавайях.

Куба не могла прокормить себя. Ежегодно она тратила более ста сорока миллионов долларов на ввоз продовольственных продуктов; страна ввозила 70 процентов того, что она потребляла.

Закон об аграрной реформе уничтожил крупные латифундии, экспроприировал более ста тысяч кабальерий земли. Земля была передана тем, кто обрабатывал ее.

Ни дед его, ни его отец, ни он сам никогда не имели земли. Кубинская революция дала ему все: и землю, и работу, и жилье. Сейчас он трудится в кооперативе «Куба Либре».

Фото В. Володкина.

Размер земельных владений был ограничен тридцатью кабальериями.

За полтора года аграрной реформы осуществлены сокровенные желания, выполнена основная цель, за которую в течение столетий шла народная борьба на Кубе. Свыше ста тысяч безземельных крестьян получили землю. Более полумиллиона сельскохозяйственных рабочих, мелких и средних землевладельцев вступили в кооперативы по производству сахарного тростника, созданные на землях, принадлежавших крупным помещикам и иностранным монополиям.

В прошлом году был достигнут самый высокий уровень в сельскохозяйственном производстве Кубы. Выросло производство сахарного тростника, получен самый высокий в истории Кубы урожай риса. Больше собрано картофеля, кукурузы. Начали выращивать хлопок, который всегда ввозился в страну. Первые опыты удались. Ставится задача расширить посевы хлопчатника с тем, чтобы уже к концу этого года полностью обеспечить потребности страны в хлопке.

Осваиваются новые земли. Десятки тысяч кабальерий заняты рисом, соей, томатами и другими культурами. Развиваются новые отрасли сельского хозяйства: хлопководство, свиноводство, птицеводство. Хозяйство становится более разносторонним, многоотраслевым. Ликвидируется мертвый сезон.

Росту производства способствовали не только благоприятные климатические условия, но, как сказал недавно директор ИНРА Нуньес Хименес, и «революционный климат аграрной реформы».

Этот климат воплощается прежде всего в кооперативах и народных хозяйствах. Если бы революционное правительство после экспроприации помещичьих земель и земель монополий роздало их, это неизбежно привело бы к упадку, сокращению производства. Кубинцы не пошли по этому пути. Они не стали раздавать земли, чтобы потом собирать их в коллективные хозяйства. Они начали с создания кооперативов, превратив латифундии в народные хозяйства и кооперативы. Теперь народным хозяйствам и кооперативам принадлежит бо́льшая часть кубинских земель.

Гуахиро (кубинский крестьянин) поверил в кооператив. Он понял: с маленьким участком ему не прожить, трудясь коллективно, он может заработать больше. Гуахиро горой за кооперативы.

8. Новый хозяин

Когда на промышленных предприятиях Кубы беседуешь о делах производства, о жизни коллектива, разговор неизменно сводится к сравнению того, что происходит сейчас, с тем, что было в недавнем прошлом, до революции, а еще конкретнее — до национализации предприятия. Новому человеку обязательно напомнят, кому предприятие принадлежало раньше: американской компании «Никель прессешен корпорейшн», капиталисту янки Даутону Ходжесу, братьям испанцам Сифуентес. Это напоминает, как у нас говорили в первые годы Советской власти: «При Гужоне было так, а сейчас все по-другому». С годами имена прежних владельцев забылись, разве что старики когда помянут недобрым словом, да и самих предприятий не узнаешь, так они расширились и обновились.

На Кубе совсем еще свежи и имена старых хозяев и обиды от них. И все же уже сейчас внимание людей устремлено в будущее; главная забота — о том, как лучше управлять национализированными предприятиями.

Национализация крупной промышленности произошла на Кубе совсем недавно, в бурные дни середины октября прошлого года. Тогда совет министров одобрил два важных закона. Один — закон об экспроприации 382 предприятий, занявших враждебную позицию к революции. Предприниматели сокращали производство, вызывали столкновения с рабочими, финансировали контрреволюционные группы. Другим законом были национализированы банки страны. Спустя несколько дней было экспроприировано еще 167 предприятий, принадлежавших американцам. Этими революционными актами было практически уничтожено засилье американского капитала на Кубе. В то же время они явились ответом кубинского правительства на попытки империалистов США задушить революционный остров экономической блокадой.

Сахарные заводы, химические, нефтяные, металлургические, целлюлозно-бумажные предприятия, электрические станции, текстильные фабрики, типографии, мельницы, отели — все перешло в собственность кубинского народа.

Какой злобный вой начался в буржуазной прессе! А что, собственно, произошло? Кубинский народ лишь вернул часть тех богатств, которые он создал своим трудом и которые у него были отняты иностранными, главным образом американскими, монополиями.

Как удивительно не новы слова и действия защитников старого строя! Стоит народу какой-либо страны взять власть в свои руки, начать строить жизнь по-новому, как поднимаются истошные вопли о хаосе, неспособности управлять, о разрушении «цивилизации». Куба не составила исключения.

Ну, а как на самом деле? Что происходит на национализированных предприятиях? Специалистов-кубинцев мало, а американские специалисты, цепко державшие в своих руках ключевые позиции в технике, поспешили убраться восвояси. Не привело ли это к спаду производства? Как обходятся рабочие без хозяев, без иностранных монополий?

В районе Никеро — знаменитый никелевый рудник. Сейчас здесь государственное предприятие имени Рене Рамос Латура. До революции Латур работал тут бухгалтером, ушел к Фиделю Кастро в Сьерра-Маэстра, за храбрость получил звание майора повстанческой армии и погиб в одном из боев с батистовцами.

Рудник принадлежал раньше американской компании «Никель прессешен корпорейшн», обосновавшейся здесь в 1942 году. Содержание никеля в руде высокое. Запасов руды хватит на много десятков лет. Каждая гора кругом — никель, кобальт, марганец. Прямо-таки золотой рудник! Можно представить, какие прибыли извлекали владельцы компании!

— Уйму денег выколачивали,— рассказывает заместитель администратора рудника Гильермо Альдана.

Гильермо всего 25 лет. Он вырос на руднике, начал работать здесь мальчиком на побегушках, участвовал в революционном движении, был на нелегальном положении.

В октябре прошлого года рудник национализировали. Три тысячи рабочих трудятся теперь не для обогащения американских монополий, а на себя.

Американские чиновники, администраторы, инженеры — их было человек пятьдесят — уехали в США. Последние двое сбежали в день национализации. Жили они в отдельном поселке, в удобных особняках, имели свой клуб, бассейн, площадки для игры в гольф. Особняки сейчас на замке, но скоро в них въедут семьи рабочих. Уточняются списки нуждающихся, предпочтение отдается многодетным семьям.

На руднике действуют профсоюзный комитет, комитет Народно-социалистической партии, местные организации молодых повстанцев и кубинских женщин. Рабочие часто собираются вместе, обсуждают дела предприятия, начинают активно участвовать в совершенствовании производства. Разрабатывается план увеличения добычи в два раза. Оборудование для расширения производства будет закуплено в Советском Союзе.

На других предприятиях та же картина растущей заботы рабочих о производстве, которое стало достоянием народа.

Текстильная фабрика Арги ауанабо — крупнейшая на Кубе. Здесь больше трех тысяч рабочих.

«ЗАГАДОЧНЫЙ» ПОРТРЕТИСТ

«Портрет неизвестной в белом платье с зелеными лентами»... «Портрет неизвестного в синем кафтане»... «Портрет неизвестного в треуголке»... И под ними подпись — «Рокотов».

XVIII век его прославлял и посвящал ему вирши. Но годы шли. В помещичьих усадьбах рядом со статуэтками амуров покрывались пылью работы художника. Из портретов родителей они превращались в портреты дедов и прадедов, и потомки теряли к ним интерес. Они привыкли к этим женщинам с длинными, насмешливыми, прищуренными глазами, к этим румяным, красивым и задумчивым юношам, к старухам в белых чепцах.

После революции портреты работы Рокотова из частных собраний поступали в музеи. В глаза многочисленным зрителям смотрели люди XVIII века, храня свои тайны и тайну обессмертившего их живописца. О Рокотове начали писать исследования. «Он — дворянин, — писали о нем еще пятнадцать лет назад,— поэтому он как равный равных понимает портретируемых им государственных деятелей, полководцев, поэтов, знать...»

И вдруг семь лет назад в архивах был найден документ: государыне императрице «бьет челом императорской академии художеств академик Федор Степанов сын Рокотов». Просьба его такова: подтвердить освобождение от крепостной зависимости племянников «Ивана Большого да Ивана Меньшого», так как отец их, брат художника, князем Петром Ивановичем Репниным «отпущен был... з женою и з детми вечьно на волю...» Так мир узнал, что «загадочный» портретист, «самый поэтичный художник XVIII века», был из крепостных.

Долгое время считалась автопортретом работа Рокотова «Портрет неизвестного в гвардейском мундире». Мы уже привыкли думать, что этот юноша с правильным, живым и серьезным лицом, с пухлыми юношескими губами — сам Федор Рокотов, что это его взгляд смотрит на нас через века. Но бывший крепостной не мог быть гвардейцем. И «неизвестный в гвардейском мундире» снова превратился для нас в «неизвестного», и снова у нас нет изображения художника, создавшего так много образов своих современников.

Портреты Рокотова очень красивы. Они решены в тончайших цветовых гаммах: розово-зеленых, черно-бело-розовых, розово-коричневых. Французский художник Делакруа писал в своем дневнике, что картина должна быть прежде всего праздником для глаза. И живопись Рокотова — такой праздник. Его виртуозный мазок умеет передать неуловимое: тончайшую прядь волос, упавшую на лоб, быструю улыбку, мелькнувшую на губах женщины, прозрачность кружев и блеск атласа.

Для каждого полотна художник находит новые краски. Вот перед нами поэт Майков. Это барин, наслаждающийся жизнью. У него полное, самодовольное розовое лицо с алыми чувственными губами и насмешливо прищуренными глазами. Но в этих прищуренных глазах светится острый ум. Этот человек часть своего времени проводит за письменным столом, из-под его пера льются насмешливые, злые, озорные строки, которыми восхищался Пушкин.

«Портрет неизвестного в треуголке», может быть, самый поэтичный у Рокотова. Изображенный юноша красив гармоничной, спокойной красотой, и художник откровенно любуется его цветущей молодостью.

Великолепен портрет В. Е. Новосильцовой. Сама портретируемая написала на обороте, не очень стесняя себя правилами грамматики: «Портретъ писанъ рокатавимъ в Маскве 1780 году сентебря 23 дня, а мне отъ рожденіе 20 летъ шесть месицовъ и 23 дны». Это один из тех женских портретов, которые стяжали Рокотову славу «загадочного» портретиста: у женщины длинные, насмешливо глядящие прямо на зрителя глаза и таинственная полуулыбка.

Как жаль, что мы так мало знаем о Федоре Степановиче Рокотове, как жаль, что хотя бы один из его портретов не может рассказать нам об этом человеке, родившемся в семье крепостного и всей своей жизнью доказавшем слова его современника Хераскова: «Не титла славу нам сплетают, не предков наших имена. Одни достоинства венчают и честь венчает нас одна»...

А. ЖУКОВА

Ф. Рокотов.

ПОРТРЕТ В. Е. НОВОСИЛЬЦОВОЙ. 1780 год.

Государственная Третьяковская галерея.

Кстати, в цехах мы обратили внимание, что на прядильных машинах, ткацких станках и на другом оборудовании работают мужчины. Редко за станком встретишь женщину. Действительно, их на фабрике меньше десяти процентов. Объясняется просто: на Кубе никогда не хватало работы даже мужчинам.

При прежнем владельце фабрику постоянно лихорадило. Перед революцией работали в среднем полтора дня в неделю: не было сбыта, хотя текстильная промышленность Кубы обеспечивала немногим более половины потребностей страны в тканях. Высшие чиновники батистовского правительства беззастенчиво занимались контрабандой, наводняли страну тканями иностранного производства. Революционное правительство поставило задачу — в ближайшие годы не только полностью удовлетворить потребности страны в тканях за счет отечественного производства, но и вывозить их. На реконструкцию старых и строительство новых текстильных предприятий щедро отпускаются средства. Люди сейчас охотно берут ткани отечественного производства — это на Кубе считается патриотичным.

Фабрику отобрали у Даутона Ходжеса. Американец по происхождению, он принял кубинское гражданство и был послом батистовского правительства в Бразилии. Ходжес удрал в США. У него там тоже есть фабрики, есть они на Ямайке, в Панаме.

— От нищеты не умрет,— замечают рабочие.

Теперь фабрика работает на полную мощность шесть дней в неделю, случается, приходится работать и в воскресенье. На 665 человек увеличилось число рабочих, резко выросла выработка. В 1958 году было произведено 53 миллиона ярдов, в 1959 — 57 миллионов, а в 1960 — свыше 80. В связи с ростом производительности труда и увеличением занятости значительно выросла заработная плата.

Раньше на фабрике часто вспыхивали забастовки, стачки. Однажды рабочие ворвались в Гавану и захватили здание муниципалитета. Последнюю забастовку в августе 1957 года удалось подавить, лишь когда все руководители фабричного профсоюза были сняты со своих постов. Сейчас профсоюз и администрация работают рука об руку.

Амадо Гарсиа, в недавнем прошлом рабочий, секретарь профсоюза текстильщиков, а ныне один из руководителей фабрики, рассказывает:

— Когда после национализации бежали американские специалисты, кое-кто думал, что фабрика не сможет работать. Собрали рабочих, стали советоваться, как быть. Они предложили на место сбежавших выдвинуть своих товарищей, опытных практиков. Так и поступили. Дело пошло. Трудно с запасными частями. Ведь все оборудование американское, а США не хотят нам продавать. Рабочие наладили выпуск запчастей. Если бы не их помощь, оборудование стало бы.

Вот вам еще один пример революционной сознательности трудящихся. 670 квалифицированных рабочих с первого дня нового года находятся в народной милиции на казарменном положении (разговор у нас был 19 января). Но ежедневная выработка не упала. На место ушедших на побережье добровольно становятся их товарищи. Они работают по очереди две смены без дополнительной оплаты.

Хорошо идут дела и на табачной фабрике Партагаз. До национализации она принадлежала братьям Сифуентес и работала три дня в неделю. Сейчас — пять дней.

Рабочий, член руководства профсоюза табачников Гаваны, Хосе Луис Фусте рассказывает, как профсоюзная организация вместе с администрацией направляет работу производства.

— Мы сейчас не боремся против предпринимателей, а вместе с руководством организуем всю работу. Сейчас нет профсоюза в старом понимании, его роль изменилась.

Секретарь фабричного комитета Клементо Кабо де Вилья, тоже рабочий фабрики, согласен с Фусте.

— Настроение у рабочих хорошее,— говорит он.— Все стремятся дать больше продукции.

На разборке табачных листьев работают в основном женщины. Им говорят, что пришли советские журналисты. Не отрываясь от дела, разноголосо они приветствуют нас.

— Большое спасибо за вашу нефть!

— Спасибо, что покупаете наш сахар!

— Пусть приезжает Никита Хрущев!

— Напишите в своих газетах, что простые кубинские работницы хотят, чтобы больше трудящихся из Советского Союза приезжало к нам.

Работница Рохано Ромеро, энергично жестикулируя, говорит:

— Нас, женщин, больше всего эксплуатировали, и мы больше всего получили от революции. Мы должны все стать друзьями: кубинцы, русские, поляки, китайцы, коммунисты и некоммунисты.

В цехе, где скручивают и окончательно отделывают сигары, работают мужчины. Работают по двое: мастер и помощник. Перед помощником стопки листьев табака разных сортов; даже неопытным глазом можно заметить, что они отличаются по цвету. Одни желто-зеленые, другие совсем желтые, третьи коричневые. Помощник набирает разные листья, сворачивает их, обрезает и закладывает в пресс — две деревяшки с желобками в форме сигары.

Мастер вынимает из формы «болванку», кладет ее на тщательно разглаженный большой табачный лист и начинает аккуратно заворачивать, все время раскатывая ее на столе и подрезая. Потом он вырезает из остатков листа кружок, заклеивает им торец сигары с того конца, где она откусывается перед курением, ровно подрезает другой конец, и «гавана» готова. Остается приклеить колечко с названием сорта и упаковать в ящик.

Сигар делают десятки сортов. Одни сорта предпочитают англичане (есть даже сорт «а ля Черчилль»!), другие — янки, третьи — сами кубинцы.

— Вот если бы все русские выкуривали хотя бы по одной сигаре в год, тогда вопрос сбыта был бы навсегда решен,— шутят рабочие.

Нас они приветствуют громким стуком ножей по столам, на которых работают. Это заменяет аплодисменты.

9. Куба будет индустриальной

Как ни дороги впечатления от знакомства с отдельными предприятиями Кубы, они не давали общего представления ни о трудностях, с которыми сталкивается экономика, ни о планах на будущее.

За ответом обращаемся к Эрнесто Че Геваре. В то время он был еще президентом Национального банка, а не министром промышленности, как сейчас. Гевара назначает встречу на 11 часов вечера. Кубинские друзья шутят: вам еще повезло, Гевара мог принять и глубокой ночью.

Мы уже заметили, что руководители кубинской революции работают очень много. Нечеловеческую нагрузку им помогает выдержать молодость, помноженная на революционный энтузиазм.

Долго едем плохо освещенными улицами старой Гаваны. Останавливаемся у старинного здания с массивными дверями. Звоним. В ответ открывается «глазок», спрашивают, кто идет. Гремят тяжелые засовы, дверь открывается. В вестибюле отряд народной милиции: время тревожное, а здесь главная касса государства.

Когда мы вошли в комнату, Гевара работал. Стол его небольшого, скромно обставленного кабинета завален бумагами. «Экономический диктатор Кубы», как называет Гевару пресса монополий, одет в простую форму повстанческой армии: хлопчатобумажная, защитного цвета рубашка с расстегнутым воротом заправлена в такие же брюки. На ногах высокие грубые башмаки.

У Гевары молодое, умное, несколько утомленное лицо, обросшее клочковатой темной бородой. Примерно в середине нашей беседы, продолжая говорить, Гевара вынул из грудного кармана рубашки резиновую колбу, вроде пульверизатора, с трубкой, взял трубку в рот и стал накачивать воздух. Очевидно, это было лекарство от астмы, которой страдает Гевара.

Советник нашего посольства А. Алексеев — «Алехандро», как зовут его кубинцы,— близко знакомый с Геварой, спрашивает, удается ли теперь ему больше отдыхать.

— Становлюсь чиновником, сплю уже по шесть часов,— отшучивается Гевара.

Он рассказывает о трудностях, с которыми сталкивается революция, преодолевая наследие прошлого: экономическую разруху, финансовый и административный упадок, оставшиеся после тирании Батисты, после владычества американского империализма.

— Экономика Кубы, как типично колониальная, существовала без планов, без резервов. Никто не знал, что есть, чего не хватает. Предприниматели, торговцы придерживались формулы: этого я не имею, это я буду иметь через пять — семь дней.

Гевара поясняет свою мысль на примере с запасными частями. Чувствуется, что эта проблема очень его волнует. В самом деле, на большинстве предприятий оборудование американское, транспорт американский. Раньше, казалось, все было просто. Не хватало запасных частей — их быстро выписывали из США, называя лишь номер в соответствующем каталоге. На самом же деле это было еще одно хитрое средство привязать экономику Кубы к северному соседу. Сейчас, когда США прекратили экспорт американских товаров на Кубу, это стало особенно очевидно.

Улицы Гаваны и сейчас еще забиты легковыми автомашинами новейших американских марок. Что будет с шикарными лимузинами без запасных частей? «Умрут естественной смертью», — спокойно отвечает Гевара. Но ведь может выйти из строя оборудование на предприятиях. Как быть? Можно заказать необходимые запасные части в других странах, которые торгуют с Кубой. Но для этого надо послать чертежи, химические анализы.

— А у нас нет ни конструкторов, ни химиков, — говорит Гевара. — Мы и сейчас часто не знаем, что у нас есть, чего нет. Вдруг останавливается большой стекольный завод: нет полевого шпата. Вдруг обнаруживается нехватка цемента, арматуры. Все это последствия господства США в кубинской экономике, американской блокады. Но этому приходит конец. Нет худа без добра. Блокада подталкивает нас быстрее узнавать, что есть, чего нет, развивать собственное производство, проводить индустриализацию — одну из самых великих целей революционного правительства, фундамент экономического развития Кубы.

Кубинская революция вплотную приступает к индустриализации страны. Уже в этом году будут строиться, а частично и вступят в строй десятки предприятий тяжелой и легкой промышленности.

Это лишь начало. Центральный совет планирования, возглавляемый Фиделем Кастро, вырабатывает пятилетний план индустриализации Кубы на 1961—1965 годы. За пять лет капиталовложения в промышленность составят миллиард песо. Больше половины пойдет на закупку оборудования и машин для целых фабрик и заводов. Оборудование будет приобретаться в основном на кредиты, полученные в социалистических странах.

Основное внимание в развитии тяжелой промышленности будет уделяться строительству горнорудных, металлургических и нефтяных предприятий. Базой для развития легкой промышленности станут предприятия по производству средств производства, закупаемых главным образом в Советском Союзе и Чехословакии.

Слушая Гевару, нельзя не восхищаться смелыми планами и действиями революционного правительства: индустриализация в колониальной стране — это нечто новое, прежде невиданное, возможное лишь в наш век могучего подъема национально-освободительного движения.

Куба будет индустриальной!

Окончание следует.

Ф. Рокотов.

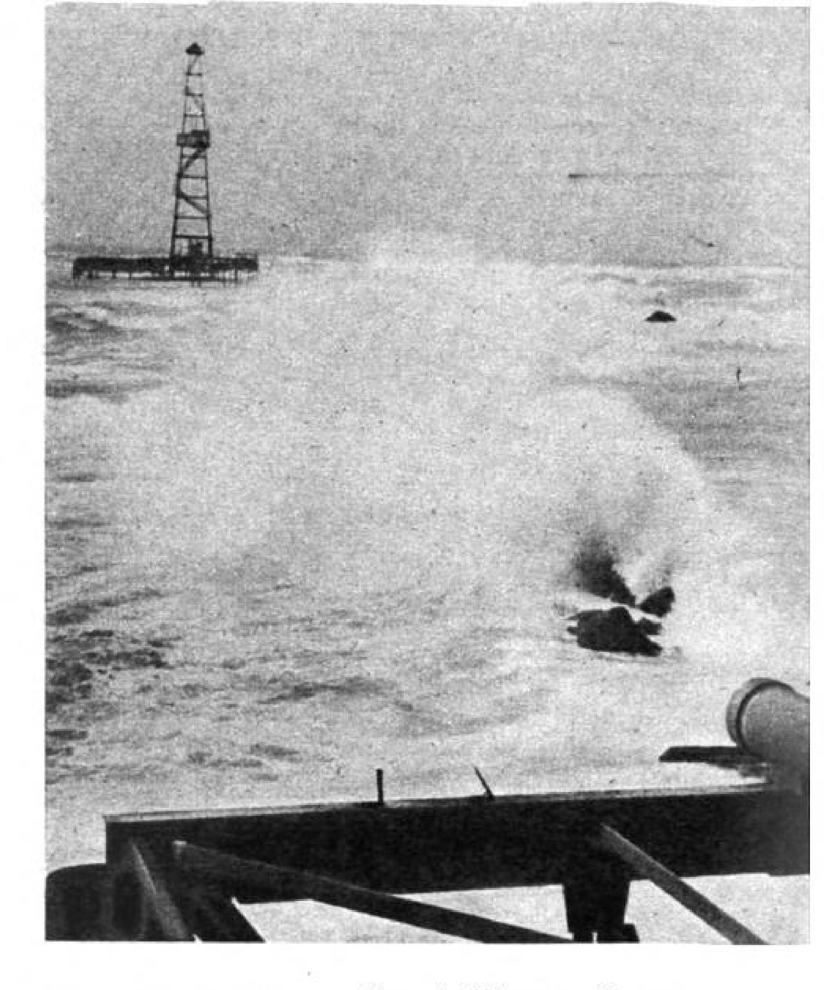
ПОРТРЕТ В. И. МАЙКОВА. Около 1765 года.

Государственная Третьяковская галерея.

Судьба моря

Л. ЛЕРОВ

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева.

Каспий. Нефтяные Камни.

С вечера подул страшной силы ветер, и я уже решил было, что затея наша лопнула: мы собирались выйти в море, а оно дыбится, пенится, и полные ярости студеные валы — нет им числа — буйно налетают один на другой. Всю ночь завывал, бесновался знаменитый бакинский норд, а ранним утром присмирел так же неожиданно, как и разгневался.

Сейчас, спускаясь к притихшему морю, я думаю, что злющий норд — это, пожалуй, все, что говорит ныне приезжему о старом Баку, запомнившемся ему с юных лет городе шумных базаров, узких улиц, которые — увы! — не всегда были обласканы заботой об их убранстве. Может быть, именно поэтому давнишний мой знакомый, провожая меня на бульвар, вот уже который раз задает один и тот же вопрос: «Здóрово, а?» Нетрудно догадаться, что это эмоциональное «Здóрово, а?» относится к светлым кварталам, окаймленным зеленью, к широким проспектам, появившимся там, где недавно теснились кривые тупики или похожие на каменные коридоры переулки; к новой «меблировке» старых улиц, сбросивших свои будничные одежды; к тому, как во всем внешнем облике города причудливо переплелись скульптура, зелень, яркие краски легких киосков, скамеек, поставленных вдоль улиц. Да, это действительно здóрово! Это действительно не может не вызвать восхищения, и особенно у того, кто помнит старый Баку...

Но сейчас нет времени разглядывать все это. Надо спешить на бульвар, туда, где мы условились встретиться с профессором Касумом Кязимовичем Гюлем, чтобы продолжить наш разговор о море, воспетом поэтами разных времен...

Удивительное дело! Когда речь заходит о Каспии, то почему-то сразу же привязываешь его к Баку, Азербайджану, хотя воды моря щедро омывают берега четырех республик. А если перейти на язык географов и оперировать понятием куда более широким — бассейн Каспийского моря,— то речь пойдет уже о площади свыше одной шестой всей территории нашей страны, о площади, на которой живет 68 миллионов человек, о площади, на которой встретишь Уфимское плато и Мещерскую низину, пески Каракумов и Главный Кавказский хребет. И все это бассейн Каспийского моря — бассейн, на карте которого Москва и Вологда, Пермь и Гурьев, Саратов и Баку. Махина!..

И тем не менее никто, пожалуй, не принимает так близко к сердцу проблемы Каспия, как Азербайджан.

...Накануне в Академии наук республики вел я разговор о Каспии.

— Для нас Каспийское море — это нефть, это рыба, это далекие водные пути, это ленкоранские субтропики, это химия... В общем, это наша жизнь, это судьбы поколений. И вот беда: мелеет Каспий!

Это говорил Шамиль Абдурагимович Азизбеков, действительный член Азербайджанской Академии наук, один из руководителей созданной при академии специальной комиссии по проблемам Каспия. Говорил он с некоторой тревогой, понимая всю значимость свершенного ее величеством природой. А свершилось вот что: за последние тридцать лет уровень Каспийского моря снизился на 2,5 метра. Потом поднялся было на 23 сантиметра, а в минувшем году снова пошло на понижение. Площадь моря с островами составляла до 1930 года 424 300 квадратных километров, а к 1954 году она уменьшилась на 30 тысяч квадратных километров. Представляете: исчезло на карте почти целое Азовское море. Иные острова раздались вширь, а другие — Челекен, Долгий, Орлов, Сара — и вовсе стали полуостровами. Ученые утверждают, что в ближайшие 10—20 лет обмеление Каспия будет продолжаться.

— И тут возникает сложный узел порой весьма противоречивых интересов,— подчеркивает Ш. А. Азизбеков.— Когда уровень Каспия начал заметно понижаться, моряки сразу забили тревогу, рыбники — вслед за ними, химики — также. А нефтяники? — В глазах ученого промелькнула лукавая хитринка. — С точки зрения иного нефтяника, все это, может быть, и к лучшему. Хорошо бы, думает он, если бы в какой-нибудь распрекрасный день вышеуказанного моря и вовсе не оказалось. И никаких тебе свайных городков и вышек над водой. Как видите, не простая здесь коллизия.

— А что говорят географы, экономисты — люди, призванные решать эти проблемы в комплексе?

— Вот, знакомьтесь, профессор Гюль, директор нашего института географии.

Видимо, в какой-то мере это и был ответ на мой вопрос. Я еще в Москве слышал о Касуме Кязимовиче как о знатоке Каспия. Невысокого роста, широкоплечий крепыш с морской походкой, он сразу же любезно предложил:

— О море хорошо говорить на море. Давайте рано утром встретимся на бульваре и выйдем в бухту на нашем институтском боте «Ширвани». Согласны? Я вам покажу кое-что удивительное. Это будет наглядная иллюстрация к разговорам о колебаниях уровня моря.

Я еще не знал, чем собирался удивить меня профессор Гюль в море, но уже здесь, на суше, на Приморском бульваре, нетрудно было убедиться в том, сколь своеобразна судьба Каспия. Вначале забыв о главной теме всех наших разговоров, я обрушил на своих спутников — профессоров К. К. Гюля и В. Г. Завриева — целый каскад восторгов: боже ты мой, я его не видел лет двадцать пять, и что стало с ним, какой он сейчас большой, широкий, красавец бульвар! Куда исчезли знаменитая бакинская купальня, старые, ветхие пристани, от которых вечерами по лунной дорожке уходили лодки с влюбленными парами? И откуда взялась эта новая, широкая нижняя терраса с маленькими разноцветными скамеечками, словно шагающими в морскую даль?.. Но Касум Кязимович, как мне показалось, не склонен был разделять все эти восторги гостя; видимо, у него свой, профессиональный подход и к исчезнувшим пристаням и к недавно появившейся нижней террасе бульвара. Он даже с некоторой грустью стал вспоминать:

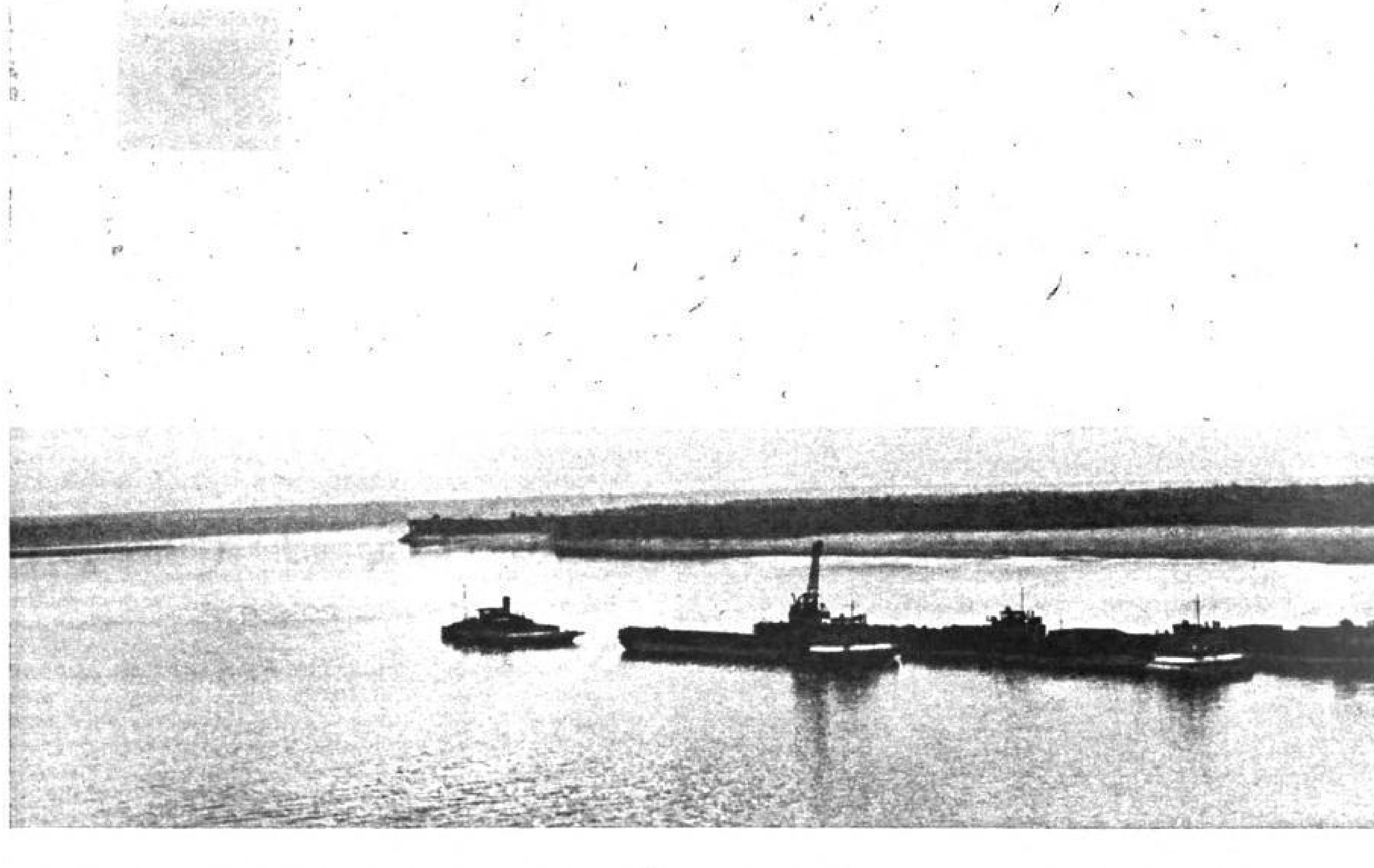
— Видите вон ту громадную серую башню с темными ребристыми стенами? — И профессор повернулся лицом к потерявшейся среди новых домов древней бакинской крепости.— Это Кыз-Каласы... Овеянная романтической легендой Девичья башня. Она стоит восемь веков. Но даже наши современники помнят, когда Каспий метался у ее основания. А теперь вода отступила метров на двести. Еще недавно в штормовые дни волны накатывались на самые дальние аллеи бульвара, а сейчас вон они куда убежали от нас, эти волны...

Признаться, слушая профессора Гюля, я даже почувствовал некоторую неловкость: сколь неуместны все эти восторги по поводу красот бульвара, когда беседуешь с людьми, обеспокоенными судьбой мелеющего Каспия. Но что поделаешь? Нельзя не восхищаться бакинским бульваром: так широко и привольно, сказочно красиво раскинулся он.

Но вот и «Ширвани», поджидающий нас у причала яхт-клуба. Капитан Мамед Кулиев приглашает на борт судна, и через десять минут мы уже столь далеко отошли от берега, что могли любоваться, как широким амфитеатром, опирающимся на серп бакинской бухты, спускаются к морю кварталы обновленного города.

«Ширвани» держит курс к не-

На Печоре.

давно поднявшимся из-под воды древним стенам: одни говорят, что здесь был караван-сарай, другие утверждают, будто это храм огнепоклонников, третьи считают, что это обычная сторожевая башня. Однако для нас сейчас не так уж важно, кто прав. Для нас эти стены — лишь строка печальной повести о судьбе моря, словно возвращающегося на исходные позиции, — 800—1 000 лет назад уровень его был ниже современного на 3—5 метров. И вот как он вновь обмелел, Каспий!

Впрочем, мы имели возможность весьма ощутимо убедиться в этом еще до того, как ступили на седые камни таинственных построек: наш бот сам сел на мель.

Бедный капитан, какой у него был в те минуты растерянный вид! «Ширвани» встряхивало подобно тому, как раскачивают автомашину, застрявшую в глубоком снегу. Но бесполезно: сели прочно!

Нас выручил наблюдавший с берега за нашими злоключениями закаленный всеми каспийскими ветрами и штормами бравый яхтсмен Николай Курсаков. Он лихо подскочил к боту и, взяв нас троих на свою изрядно потрепанную моторную лодку, галантно раскланялся с капитаном, предоставив ему возможность не спеша сползать с мели.

В недолгом пути к месту назначения выяснилось, что профессор Гюль и бывалый моряк Курсаков — в прошлом сослуживцы. У Касума Кязимовича, оказывается, давние связи с морем: начинал с должности сторожа на пристани, плавал юнгой, матросом, штурманом, капитаном, учился в мореходке. В общем, путь к университетской кафедре пролегал через все тот же Каспий...

[redacted]

Мы шагаем по маленькому островку, над которым еще сравнительно недавно проплывали суда, и слушаем увлекательные рассказы ученых об истории моря. Сколько раз уровень этого гигантского водохранилища то поднимался, то опускался! Сколько раз оно то порывисто отступало, обнажая огромные пространства, то вновь переходило в атаку, жадно проглатывая леса, степи, целые поселения, восстанавливало и снова теряло связь с Черным морем!..

До наших дней сохранились свидетельства этой бурной истории Каспия. Тут и береговые террасы, и древнее русло Волги, ныне затопленное, и десятки каменных гробниц, найденных под водой, когда насыпали тело дамбы, соединившей Апшерон с островом Артема. Лет шестьсот назад азербайджанский географ и писатель Абдул Рашид Бакуви с тревогой сообщал, что воды Каспия, яростно взбежав на пологую спину берега, понеслись вперед, затопив часть башен и стен древней бакинской крепости. Минули столетия, и море вновь было отброшено назад, куда дальше своих прежних границ. Известно, что остров Песчаный, расположенный у входа в бакинскую бухту, на карте конца XVIII века значился всего лишь подводной мелью.

Давным-давно ученые начали поиски причин столь таинственных и весьма опасных причуд природы. В чем тут дело? Не обошлось, конечно, и без легенд о каких-то подземных каналах, якобы и поныне соединяющих Каспий с Индийским океаном; о каких-то мифических подводных вулканах, которые-де поглощают и извергают каспийские воды; о черной пасти Кара-Богаз-Гола — вот кто регулирует уровень моря! В общем, фантазировали кто как мог.

Много трудов посвятили Каспию крупнейшие ученые нашей страны — Ю. М. Шокальский, Л. С. Берг, Б. А. Аполлов, стараясь разгадать его тайны. Немало разных гипотез было выдвинуто в попытках ответить на главный вопрос: что вызывает такие резкие колебания уровня моря? Высказывалось, в частности, и такое предположение: Каспийское море находится в мобильной зоне земного шара, где происходят интенсивные передвижки земной коры, что вызывает образование высоких гор и глубоких впадин. Но наш собеседник, профессор Гюль, принадлежит к той большой группе ученых, которые не склонны разделять эту гипотезу. Причина здесь другая — климат!

...Проходят десятки, сотни миллионов лет, пока станет заметным изменение уровня моря, связанного с океанами. Увы, Каспию природа уготовила иную судьбу! Она передала его на иждивение более 130 рек и речушек, впадающих в это гигантское солоноватое озеро. Они хозяева: дадут ему вдоволь воды, поболее, чем ее испарится с поверхности моря,— отлично! Не смогут дать — мелеть Каспию! Такова здесь расстановка сил природы.

Среди всех рек и речушек, питающих Каспий, есть река № 1 — Волга. Это она дает ему более 75 процентов всей воды, это она в первую очередь и определяет его уровень. А от чего же зависит ее собственный водный баланс? Во многом от климата. Еще академик Л. С. Берг установил, что «эпохам с малым количеством зимних осадков на севере соответствуют эпохи потепления Арктики, благоприятных условий для плавания здесь, а вместе с тем маловодье Волги и, как следствие, низкий уровень Каспия». Вот где разгадка! Именно последние 25—30 лет прошли под знаком значительного потепления в Арктике, что сразу же вызвало уменьшение количества зимних осадков в бассейне Волги. В результате она недодала Каспию за этот период сотни кубических километров воды!

...Потепление в Арктике! Кто же это бесчинствует там? Ученые отвечают: Солнце. Потепление на севере связано с периодической солнечной активностью.

Было бы, однако, грешно все сваливать на Солнце, на климат, забыв о великих переменах, свершенных советскими людьми на берегах Волги, Камы, Куры и десятков других рек, питающих Каспийское море. Давайте окинем мысленным взором огромные пространства, составляющие его бассейн, вспомним о Рыбинском, Угличском, Иваньковском, Пермском, Горьковском, Куйбышевском, Сталинградском водохранилищах на Волге, о Мингечаурском на Куре, вспомним о тысячах водоемов и прудов, об орошении огромных посевных площадей, о сотнях заводов, фабрик. Они ведь тоже жадно пьют воду. А «громадье планов» на ближайшее будущее — большое гидротехническое и промышленное строительство, освоение новых земель, обводнение пастбищ в бассейне Волги и на севере Каспия... И все это требует воды. Где ее взять столько?

— Вот вам и водный баланс: расходы, так сказать, не по приходу. Ножницы! — резюмирует профессор Гюль.— Потому и тревожимся, потому и невеселые прогнозы строим: мелеть Каспию.

Чем же все это угрожает нефтяникам, рыбникам, химикам, морякам?

[redacted]

Мы летим на Нефтяные Камни. Еще недавно попасть сюда с Апшерона можно было только на пароходе. Путешествие не из приятных, особенно в шторм. Да и сколько времени затратишь на такое путешествие? И вот летом прошлого года здесь установили регулярное воздушное сообщение на вертолетах. За каких-нибудь пятнадцать минут ты переносишься с площадки дамбы острова Артема на эстакаду свайного городка.

Мой спутник Бахман Абишевич Гаджиев десять лет назад пришел на Нефтяные Камни после окончания института рядовым мастером. Теперь он главный инженер морского промысла, крупный специалист по морской добыче нефти. И мне, конечно, интересно узнать его точку зрения на проблему: нефть и колебания уровня Каспия.

Я слушаю Гаджиева и вспоминаю слова академика Азизбекова о сложном узле противоречивых интересов людей, связанных с этим морем.

В общем-то снижение уровня Каспия за последние десятилетия, доставившее так много неприятностей ихтиологам, морякам, химикам, в целом даже как будто пришлось по душе нефтяникам. Фронт буровых работ на суше расширился: море ушло далеко-далеко от прежнего берега. Огромные нефтеносные площади в тысячи квадратных километров перестали быть морским дном. Ставь тут вышки и действуй, как на суше! И нефтяники в шутку говорят, что, свершись в самом деле по мановению волшебной палочки такое чудо, исчезни в один прекрасный день Каспийское море, здóрово было бы! Вот и от Гаджиева я слышу те же в шутку сказанные слова:

— Конечно, если бы Каспий сразу, мгновенно обмелел этак метров на пять — десять...

Гаджиев улыбается и широко разводит руками.

— Что говорить, для нас это был бы приятный сюрприз. Но природа распорядилась по-другому. Каспий мелеет постепенно и тем самым весьма осложняет нашу жизнь.

...Ветераны Нефтяных Камней помнят суровую зиму 1954 года, помнят, как однажды в атаку на них нежданно-негаданно ринулись ледяные армады — ледяные поля в несколько квадратных километров и весом в несколько тысяч тонн. Казалось, что город на сваях будет безжалостно смят и раздавлен. И кто знает, чем бы все это кончилось, если бы не меры, принятые вовремя и решительно. По сигналу тревоги в воздух поднялись бомбардировщики, чтобы многотонными бомбами обрушиться на ледяные громады, уже сжимавшие эстакаду и вышки. Битву эту люди в общем-то выиграли, но урон был нанесен большой.

Откуда эта напасть, дважды за последнее время обрушившаяся на Нефтяные Камни? Все те же капризы природы: в пору обмеления Каспия в его северной части интенсивно образуются мощные льды.

Проблема спасения морских вышек от страшных ледяных объятий — это, увы, не единственная проблема, вставшая перед нефтяниками в связи с причудами моря. А как быть, например, с подходом судов к эстакадам, вышкам? Если дальше резко будет понижаться уровень Каспия, то к ним ни сушей, ни морем не подберешься. А как быть с обсохшими водозаборами нефтеперегонных заводов, с береговыми насосными станциями, которые обеспечивают промыслы водой?

Да, не все здесь так просто, как кажется с первого взгляда. Главный геолог «Азнефти» член-корреспондент Академии наук республики Баба Курбанович Баба-заде приходит к выводу:

— Экономические расчеты показывают, что для нефтяной промышленности выгодно сохранить стабильность уровня моря.

— Ну, а если окажется, что в интересах народного хозяйства в целом уровень Каспия надо поднять, и найдутся смельчаки, которые смогут решить эту проблему, как тогда?

В разное время я задавал этот вопрос и ученому-геологу Баба-заде и инженеру-производственнику Гаджиеву. И оба, словно сговорившись, отвечали примерно так:

— Нас теперь не страшат большие глубины. Уже сейчас нефть добывают из-под сорокаметрового слоя воды. А замах еще больший — на сто метров. Есть и более смелые идеи: нельзя ли перейти на шахтный способ? Представляете, под морским дном сооружается такая же шахта, как в метро! В общем, нефтяники — за!

Это лаконичное, категорическое и многозначительное «за» следует понимать так: «нам, бакинцам, уже известно о проекте регулирования уровня Каспия. И мы голосуем за этот проект».

Обмеление, как там ни прикидывай все «за» и «против», доставляет серьезные неприятности нефтяникам. К тому же нельзя не рассматривать проблемы Каспия в комплексе, с позиции экономики всей республики. А тут одни только «против», одни только убытки. Крупнейший наш ихтиолог, действительный член Азербайджанской Академии наук А. Н. Державин поведал нам о горестях каспийской рыбы. Померкла ее былая слава! Обмелело море, и резко, примерно в два с половиной раза, сократился улов рыбы, притом наиболее ценной, красной. В числе обмелевших и высохших акваторий оказались районы наиболее богатых нерестилищ и кормовых угодий. Как тут быть с воспроизводством рыбного стада?

То же и у моряков.

— Колебания уровня моря, — сетует начальник Каспийского пароходства М. Рагимов, — резко ухудшили условия работы флота, портов. Сейчас суда могут заходить в порты только по каналам, длина которых на Каспии в общей сложности уже превышает 300 километров. Ежегодно надо тратить около 4 миллионов рублей (новыми деньгами) на всякое ремонтное черпание, капитальные дноуглубительные работы. Потребовались большие расходы на реконструкцию портовых и гидротехнических сооружений. Да и сами суда... Пришлось переключиться на экономически невыгодные, мелкосидящие, с небольшой грузоподъемностью.

У химиков свои неприятности: все меньше воды поступает в Кара-Богаз-Гол и все дороже становится там добыча сульфата натрия, магния.

Перечень подобных бед можно было бы продолжить, включив сюда, например, всякие беды в коммунальном хозяйстве таких городов, как Баку, Махачкала, Красноводск. Но пора подвести черту итога. Под ней стоит внушительная цифра, названная нам в Москве профессором Б. А. Аполловым, который вот уже десятки лет изучает Каспий.

— Подсчитано, что общий ущерб от колебаний уровня Каспийского моря, — говорит Борис Александрович, — уже составил миллиарды рублей. А в перспективе дальнейшее сокращение его площади. И это очень тревожно!

Да, это очень тревожно. Каспий надо спасать! Каким образом?

Бакинцы рассказывали мне о многих проектах спасения родного моря. Судьба его давным-давно начала волновать умы ученых, инженеров, мореплавателей отечества нашего. Еще в 70-х годах прошлого столетия Я. Г. Демченко замыслил перебросить воды сибирских рек в Каспий. И в наше время рождается то один, то другой проект поворота сибирских рек на юг. Есть и другая за-

«МОНАХИНЯ» РАСКРЫВАЕТ ЗАГОВОР

Весной 1918 года в клуб большевиков на Заводской улице пришла веселая, приветливая девушка Катя Бочкарева. Она была и уборщицей, и буфетчицей, и сторожихой, и поварихой: кормила ревком и всю Боевую Коммунистическую дружину.

Самару захватили белые. Катя уходила из клуба одной из последних, унося с собой знамя губкома партии. Четыре месяца Самара находилась в руках белогвардейцев. И все это время беспартийная Катя Бочкарева прятала у себя знамя, а когда беляков выгнали из Самары, вернула его.

Клуб большевиков перевели в бывшее помещение Волжско-Камского банка, и Катя перешла туда, оставаясь по-прежнему уборщицей, буфетчицей и сторожихой. Теперь она уже и жила в клубе.

Вскоре в Самаре был раскрыт контрреволюционный заговор, и Бочкарева сыграла в этом не последнюю роль.

...В женском монастыре, неподалеку от Жигулевского пивоваренного завода, шла заутреня. У самого амвона стояла на коленях молодая монахиня. Молилась она истово. Кладя поклоны, по нескольку минут застывала, распростершись на полу. Лежала и... чутко прислушивалась к шепоту молящихся.

Скоро «монахиню» можно было увидеть в ЧК, куда она прибежала. Это была Катя Бочкарева. По заданию председателя ЧК она проникла в монастырь и узнала, что оружие для восстания, которое готовят белогвардейцы, будет утром отправлено через потайной ход монастыря на берег Волги. А там его передадут главарям банды.

Так с помощью Бочкаревой удалось не только захватить оружие, но и арестовать главарей контрреволюционного заговора.

Однажды поздней осенью 1918 года добровольческий полк, отправлявшийся на фронт, выстроился перед зданием губкома. Увидев красноармейцев, стоявших в ожидании, Катя обежала все комнаты, но никого не нашла.

Что делать? Неужели бойцы Красной Армии уйдут на фронт без напутственного слова? Девушка взяла знамя губкома партии — то самое знамя, которое она свято хранила во время захвата Самары белогвардейцами, — и вышла с ним на балкон. От имени губкома Бочкарева произнесла страстную, вдохновенную речь. Девушка призывала бойцов беспощадно бороться с белогвардейцами, защищать свою родную Советскую власть до последней капли крови. Высоким, звонким голосом Катя запела пролетарский гимн. «Интернационал» был подхвачен бойцами. С развернутым красным знаменем полк ушел на позиции.

Бывшая заведующая клубом Маруся Бешенковская вспоминает: «Я была в дальних комнатах клуба. Услышав громкий голос Кати, побежала на балкон. Чтобы не напугать девушку, спряталась за портьерой и стояла, не шелохнувшись, пока она не закончила свою речь. Это была блестящая речь!

Я спросила Катю:

— Как же ты решилась выступить от имени губкома?

— Я знаю, что не имела права так делать, — отвечала она, — но нельзя же было красноармейцам уйти на фронт без всякого напутствия! Ты только никому не говори об этом, ладно, Маруся?

Не успела я пообещать Кате, что не выдам ее тайны, как в клуб вошли члены губкома во главе с В. В. Куйбышевым. Оказывается, они спешили на проводы полка, но, услышав речь Бочкаревой, остановились и вместе с бойцами с увлечением слушали ее выступление.

Понимая состояние Кати, никто из товарищей не подал виду, что слышал ее речь. Валериан Владимирович обратился к ней:

— Ну как, Катя, у тебя найдется, чем покормить нас?

— Конечно, конечно! — радуясь возможности удрать, ответила Катя и побежала на кухню.

Когда Катя вернулась, Куйбышев спросил:

— Катя, ты долго еще будешь оставаться беспартийной?

— Да я, товарищ Куйбышев, хоть сегодня вступила бы в партию, но у меня нет рекомендаций.

— Кто из вас, товарищи, даст ей рекомендацию?

— Все дадим, — улыбаясь, ответили губкомовцы.

Вскоре Катя Бочкарева была принята в партию без кандидатского стажа».

Когда белогвардейские полчища рвались к Самаре, Катя Бочкарева ушла добровольцем на Восточный фронт. Много боевых подвигов совершила она в годы гражданской войны и никогда ни об одном из них никому не рассказывала.

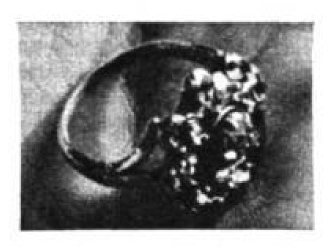
Сейчас Екатерина Яковлевна Бочкарева пенсионерка, живет в Куйбышеве. О ее боевом, героическом прошлом вряд ли знают даже ее ближайшие соседи.

И. ГАЛКИН

Катя Бочкарева. 1918 год.

ДАЛЕКОЕ—

ПЕРСТЕНЬ АДМИРАЛА

Научный сотрудник музея Черноморского флота внимательно разглядывал старинный золотой перстень с семнадцатью алмазами. Но не красота перстня привлекла внимание ученого, а необычная история, которую рассказал 82-летний И. С. Лысан, доставивший кольцо в Севастополь из города Полонного, Хмельницкой области.

Во время героической обороны Севастополя 6 июня 1855 года французы чуть было не захватили в плен адмирала Нахимова. Прапорщик 41-го пехотного Селенгинского полка Иван Григорьевич Тыхальский и офицеры штаба вызволили П. С. Нахимова из окружения. А 28 июня адмирал был смертельно ранен. И прапорщик Тыхальский на месте жестокой схватки с французами случайно нашел разломанный алмазный перстень. Офицеры штаба сказали Ивану Григорьевичу, что во время боя вражеский штык сорвал с руки Павла Степановича перстень — семейную реликвию Нахимовых.

И. Г. Тыхальский бережно хранил нахимовский перстень. Умирая, Иван Григорьевич завещал своему зятю И. С. Лысану передать драгоценную реликвию в музей Севастополя.

Вскоре копия перстня адмирала

думка: нельзя ли использовать то обстоятельство, что уровень Каспия на 28 метров ниже уровня Черного и Азовского морей? Что, если их соленые воды самотеком по Манычской впадине пойдут в Каспий? Любопытен и замысел профессора Б. А. Аполлова — осуществить, так сказать, локальную реконструкцию моря: построить примерно по границе северной и средней его частей земляную дамбу протяжением в 375 километров, создав таким образом Северо-Каспийское водохранилище. По замыслу автора, это спасет рыбный северный Каспий и решит проблему снабжения пресной водой обширных безводных, полупустынных районов Закаспия с их губительными суховеями.

...Слушаешь рассказы о всех этих смелых замыслах — и попадаешь в атмосферу страстных споров ученых, инженеров, экономистов. У каждого из предложенных проектов — у одного больше, у другого меньше — свои уязвимые места. И ни один из них еще не заслужил «добро».

И вот появляется схема, которая как-то сразу обратила на себя внимание,— это, кажется, то, что нужно, то, что наиболее рентабельно, что способно удовлетворить самые разные запросы всех тех, кто причастен к бассейну Каспийского моря. Нельзя ли к тем рекам, которые взяли Каспий на свое иждивение, присоединить еще и Печору да Вычегду, повернув их вспять, на юг? Предложенная институтом «Гидропроект» схема так и называлась: «Переброска стока северных рек в бассейн реки Волги».

Знакомя нас с этой схемой, бакинцы вспоминали жаркие бои за Печоро-Вычегодский вариант на последних форумах каспиеведов.

— Конечно, были и открытые противники и колеблющиеся скептики. И тем не менее впервые за многие-многие годы споров, дискуссий ученые и инженеры в общем-то объединились на одной платформе: лучший из проектов— это поворот Печоры и Вычегды на юг. Во всяком случае, Азербайджан горячо ратовал за него...

В добрый час!

В канун отъезда из Баку я снова встретился с профессором Гюлем. Прощаясь, он сказал мне:

— Схема одобрена, и все проголосовали за нее. Это, конечно, очень хорошо. Но дальше, практически, дело пока двигается медленно. А жаль!..

Это было в декабре минувшего года. А 21 января я прочел в «Правде» речь Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС, и в ней слова о небывалой по масштабам гидротехнической проблеме: перебросить воды Печоры и Вычегды через Каму в Волгу и Каспий. «Это грандиозная задача, товарищи», — сказал Никита Сергеевич.

Перечитывая эти строки, я представлял себе своих недавних бакинских собеседников — как они ликуют, торжествуют: дело двигается и будет двигаться куда быстрее, чем они сами могли предполагать! Уже утвержден схематический проект поворота северных рек вспять и точно известно, где стоять на Печоре гигантскому земляному валу высотой этак в тридцатиэтажный дом и где привольно раскинется самое крупное в мире водохранилище — Печорско-Вычегодско-Камское — оно по площади вдвое больше Куйбышевского. Уже создаются уникальные машины, коим дано будет свернуть целые горы, переместив 700 миллионов кубометров земли. Уже сконструирован мощный землесосный снаряд, который будет действовать там, где лягут каналы между Печорой, Вычегдой и Камой. Уже готовятся в дальний, многотрудный поход на север топографы, геодезисты, батальоны разведчиков той богатырской армии, что заставит северные реки вдоволь напоить засушливые земли юга, мелеющий Каспий, повысить выработку электроэнергии...

Я рассказываю главному инженеру проекта Гургену Леоновичу Саруханову о своих беседах с бакинцами и, в какой-то мере чувствуя себя их полпредом, допытываюсь:

— Ну, а Каспий-то, он что получит? В обиде не останется? Не разберут ли всю воду северных рек еще до того, как она попадет в море? Ведь на какие дела человек прицеливается ныне, какие массивы орошать хочет!

Мой собеседник отвечает с присущим кавказцам темпераментом:

— Зачем обижать Каспий? Мы и о нем позаботимся. Представьте такую картину: наступил торжественный день, когда первые потоки северных рек устремятся на юг. И с этого дня по-новому начинает жить Каспий. Сорок кубических километров воды будет получать ежегодно. И тогда год за годом уровень моря начнет повышаться...

Гурген Леонович рисует нам Каспий второй семилетки, когда северные реки уже потекут на юг, и нам становится ясно, как много еще здесь такого, что требует тщательных исследований, расчетов, проверки. И это лишь еще раз подчеркивает величие задуманного, смелость ученых, инженеров, идущих к цели дорогой неизведанной, — ведь никто в мире не решал подобных задач! На сколько следует повысить уровень моря, какова та оптимальная отметка, которая устроит и нефтяников, и рыбаков, и моряков, и колхозников, а главное, государство в целом? А может, и вовсе не нужно повышать, а следует лишь добиваться стабильности нынешнего уровня моря? Как поведет оно себя, когда придут к нему воды Печоры и Вычегды? Много этих и им подобных вопросов уже сейчас встает перед учеными людьми.

— Для составления детального проекта, — говорит Г. Л. Саруханов, — нам еще придется совместно с научными учреждениями, проектными организациями решить много сложных, комплексных проблем. Но уже бесспорно доказана рентабельность проекта исходя из интересов государства. Далее идут лишь уточнения. Важно, что вопрос решен в принципе: да, советский человек может исправить несправедливость природы и повернуть к благодатному, жизнедеятельному югу реки, что миллионы лет текли по скудным и безлюдным землям севера! Успешно сделав первый шаг, мы, может, решимся и на второй, третий. Разве мало на севере рек? Не так ли?..

Конечно, так, Гурген Леонович! В добрый вам час! Пусть скорее наступит то время, когда будут говорить:

— Печора впадает в Каспийское море!..

БЛИЗКОЕ

Нахимова и боевые награды И. Г. Тыхальского будут выставлены в музее Черноморского флота.

А. РУДЕНКО

Документы истории

Передовые люди России давно пытались установить тесные связи с далеким Востоком.

В 1567 году Иван Грозный отправил двух казачьих атаманов, Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, узнать азиатские страны. Петров и Ялычев, люди смелые и энергичные, побывали в Монголии и Китае, достигли Пекина. Вернувшись в Россию, они представили царю «Сказку и роспись» — описание тех мест, которые посетили. Этот любопытный документ излагается в истории Карамзина.

Посланцы Руси старались дать достоверные сведения об экономике, политическом устройстве, религии и нравах «Мунгальской земли» и Китая. С уважением отзываются русские пришельцы о китайцах, их опрятности, трудолюбии.

Путешественники отдают должное храбрости китайских воинов, достижениям земледельцев и ремесленников, с восторгом отзываются о шумных, людных городах.

Эти первые известные нам русские путешественники в Китае сделали важный шаг для сближения двух великих народов.

А. ВЕЙСМАН,
кандидат экономических наук

Опаленное огнем войны

«Болгарскому народу. Город Самара. 1876 год». Такая надпись сделана на трехцветном знамени — замечательной реликвии дружбы русских и болгар. Знамя хранится в Софии, в Центральном музее Народной армии.

В апреле 1876 года в Болгарии вспыхнуло восстание против турецкого владычества. Русский народ горячо откликнулся на эти события. В городах и селах нашей страны начался сбор средств для помощи повстанцам, а год спустя русская армия выступила на защиту болгарского народа.

Когда весть о восстании достигла Самары, общественность города решила послать болгарам боевое знамя. Несколько месяцев искусные самарские мастерицы с помощью местного художника Николая Евстафьевича Симанова вышивали это знамя. Вручая подарок третьей болгарской дружине народных ополченцев, участник героической обороны Севастополя Петр Владимирович Алабин сказал:

«Издалека, через всю русскую землю знамя принесено к вам как живое свидетельство того, что оно дается вам не каким-нибудь уголком России, а всею русскою землею... Идите же под сенью этого знамени. Пусть оно будет залогом любви к вам России. Пусть оно будет знаменем водворения в вашей многострадальной стране навсегда мира, тишины и просвещения».

19 июля 1877 года знамя приняло боевое крещение. У Старой Загоры третья дружина вступила в бой с противником. Турецким войскам, в десять раз превосходящим болгар и русских по численности, удалось окружить отряд ополченцев. Но они сражались героически, отбивая все атаки противника.

Однако силы были слишком неравны, и когда в дружине осталось менее половины повстанцев, когда патроны были на исходе, воины решили прорваться из окружения. Один за другим пали на поле боя четыре знаменосца. Знамя подхватил командир дружины подполковник Калитин. С возгласом: «Знамя цело! Вперед за мной!» — он бросился на неприятеля, но тут же упал, сраженный вражескими пулями. Повстанцы по призыву своего командира бросились вперед. Знамя подхватили русский солдат Фома Тимофеев и болгарский дружинник Николай Корчев. После кровавой схватки воинам-славянам удалось пробить окружение...

Самарское знамя, простреленное пулями, обожженное огнем, обагренное солдатской кровью, вело болгарских воинов в героических боях при Шипке, в битве у Шейновского лагеря. А когда Болгария была освобождена от иноземцев, боевое знамя удостоили высшей воинской награды — ордена «За храбрость» первой степени. Затем подарок самарцев передали на хранение в Государственный фонд знамен Болгарии.

Прошло несколько десятилетий. В те дни, когда Болгария праздновала освобождение от фашистских оккупантов, самарское знамя было извлечено из хранилища. В 1945 году первый выпуск Народного военного училища имени Василя Левского давал присягу на верность родине у этого знамени. Затем его передали в Центральный музей Народной армии.

А. БЕЛОВ

Картина неизвестного художника XIX века «Самарское знамя в битве при Старой Загоре 19 июля 1877 года».

Евгений НОСОВ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Рисунки А. СМЕХОВА.

Кувшинка

Бывают такие вечера в начале лета. Река беззвучно струится у сонных осок. В ней отражена вся ясность и глубина вечернего неба. Не надо поднимать голову, чтобы разглядеть парочку пролетающих чирков.

Из-за берега мне не видно села. Но я слышу, как с наступлением вечера оно оживает, наполняется разноголосыми звуками. Слышно, как с полей съезжаются грузовики, скрипит колодец, как долго, глухо и деревянно стучит мост, когда по нему проходит стадо.

Вдруг где-то далеко, в заречье, несмело, как сверчок, подает голос гармошка. И тотчас ее неразборчивые звуки перебивает песня. Поют задорно, с той бесшабашной удалью, как только умеют петь сельские девчата.

Идут себе, обнявшись, во всю ширь полевой дороги, на глаза надвинуты косынки, босые ноги шлепают по теплой пыли. И некого им смущаться, и некому сдерживать песню, если она уж попросилась из души. А песня та все блуждает где-то среди покосов, и я поднимаюсь от реки на крутояр, чтобы осмотреться.

Но в лугах никого не видать. Дорога пуста. Тучные перевалы трав, чуть тронутые золотом заката, гряда за грядой уходят к горизонту, к синей лесной полосе. И странно и смутно слышать среди бесконечных трав живой, трепетный голос без человека:

Его я видеть не должна:
Боюсь ему понравиться.
С любовью справлюсь я одна,
А вместе нам не справиться...

Я выделяю голос среди других — высокий и чистый. И были в этом голосе и грусть и вызов.

Только теперь я замечаю лодку. Она показывается на плесе из-за глинистого мыса. Плес закатно-светел, и плывет по нему не одна, а две лодки, приставленные друг к другу днищами. В лодке с десяток парней и девчат, она чуть не зачерпывает бортами, но идет против течения ходко, оставляя за кормою длинные, лучистые усы.

Все сидят на лавочках. И только парень стоя управляет веслом. Он в белой майке, по-цыгански смугл, лицо красивое, чуть скуластое, с выражением снисходительного безразличия к песне и ее смыслу и к этой необыкновенной ласковости вечера. Он гребет, перебрасывая весло в такт песне, отчего лодка тоже покачивается в такт. Всем своим видом парень показывает, что гнать лодку он может так же легко и плавно сколько угодно и что ему это ничего не стоит. Я не могу сказать, кто он и чем он был еще хорош, но гребет он красиво, он сам, видно, знает о том и делает это неспроста, не ради собственного удовольствия...

Запевала сидит на ближайшей к парню лавочке. Против своего голоса она кажется старше. Ей, пожалуй, около тридцати. На плечи накинута легкая вязаная кофточка, волосы в тугом пучке, лицо какое-то нездешнее. В ней что-то от сельской учительницы.

Я от него бежать хочу,
Лишь только он покажется.
А вдруг все то, о чем молчу,
Само собою скажется?

Она поет, опустив руку за борт. В светлых, чистых струях на пальце поблескивает золотое колечко. Иногда в ее пальцы попадает желтая головка кувшинки. Она обрывает ее, небрежно бросает парню под ноги.

Заметив меня, девчата смолкают. Гармонист смущенно накрывает локтями свой баян. Гребец осторожно объезжает поплавки. Учительница внимательно глядит в мою сторону, и глаза у нее усталые и вовсе не веселые... Но она тотчас спохватывается, улыбается и кричит:

— Как улов?

И, размахнувшись, бросает золотую чашечку кувшинки:

— Держите! На счастье!

Видно, было загадано: долетит или не долетит,— потому что когда кувшинка падает у поплавков, на лице учительницы отражается сожаление.

Река медленно несет цветок прочь. А лодка, не останавливаясь, уходит дальше.

Мне почему-то становится жаль, что цветок не долетел, что, возможно, не исполнится чья-то загадка, и я вхожу в воду и перехватываю кувшинку.

Учительница благодарно машет и вдруг, тряхнув головой, неожиданно запевает, сильно, молодо:

Парней так много холостых,
А я люблю женатого...

Видно, она знает, что поет хорошо, как знает и тот парень, что он хорошо может вести лодку.

Черный

У самой береговой кромки отпечатались мои следы. В них уже успела набраться вода, и я вижу, как маленький кулик-песочник бегает от следа к следу и тычет в них длинным шильцем. В десяти шагах он останавливается. Потом начинает пересчитывать следы в обратном порядке.

Оттого, что куличок меня нисколько не боится и мы мирно занимаемся каждый своим, я чувствую большое удовлетворение. Недоверие природы унижает человека.

Но вот по чистым пескам отмели проносится расплывчатая тень. Кулик вскидывает крылья и припадает к земле.

Я оглядываю небо. В ясной полуденной синеве вырисовывается черная буква «Т». Она кружит над землей, недвижно распластав крылья. Крылья в хищном изгибе, и оттого, что между ними не видно головы, черный силуэт птицы кажется зловещим. Когда он наплывает на солнце, по отмели проносится быстрая тень.

Мне стало не по себе от этого безнаказанного высматривания угрюмого хищника. Память мгновенно воскресила зловещую букву «Т» над растерянными и беззащитными улицами. Мы, тогда еще мальчишки, вот как этот кулик, с неосознанной тревогой вглядывались в небо. В этом с детства таком знакомом и таком обычном небе, где летали наши голуби и бумажные змеи, вдруг появился черный силуэт вражеского разведчика. Чьи-то невидимые глаза, чей-то разбойный замысел кружили над нашим двориком, над подсолнухом у забора, над шахматной доской. Мы тогда все еще не понимали, что над нашей юностью уже кружила война...

Я перевожу взгляд на кулика. Он больше не суетится над шахматной задачей моих следов. Он замер и, вскинув голову, с тревогой вглядывается в небо.

Плес затих, затаился под этим скольжением недоброй птицы. Смолкла, не тенькает в куге камышевка. Куда-то незаметно увела свой выводок утка. И хотя мне ничто не угрожает, но

силуэт

тоже почему-то становится неуютно от этого повисшего над головой хищника.

А он все кружит и кружит, настойчиво и нахально сверля глазами пески и травы, камыши и тихую гладь воды.

Но вот коршун оставляет плес, широким полукругом перемещается в заречье и повисает над старицами и луговыми болотцами. Теперь, со стороны, он еще больше похож на вражеский бомбардировщик...

И вдруг из затихших трав в небо взмывают две серо-серебристые птицы. Короткими, сильными толчками крыльев они поднимаются почти вертикально. Их согласный решительный бросок в вышину похож на взлет двойки истребителей.

Коршун увертывается от удара, тяжело, неуклюже взмахивает крыльями, сбивается с круга. Преследующие его птицы делают крутой вираж вокруг хищника, и только теперь по угловатым крыльям и тому особенному их устрашающему шелесту я узнаю в этих отважных летунах чибисов.

Лобовыми атаками чибисы все дальше и дальше оттесняют коршуна, и, когда тот отлетает достаточно далеко, обе птицы оставляют преследование и идут на посадку к гнездовьям.

Но тотчас на смену им с затаенных среди болотистых кочек «аэродромов» поднимаются новые и новые серебристые двойки.

Хищник лавирует, круто взмывает вверх, бросается вниз, теперь уже беспорядочно и торопливо машет крыльями. Видно, он никак не рассчитывал на такую решительную встречу...

Кулик издает тонкий свист и смотрит на меня все еще перепуганным глазом.

Рядом в куге осторожно подает голос камышевка. Где-то снова начинают полоскаться утята. Слышно, как дробно чавкают в тине их плоские клювы.

Кулик подпрыгивает на своих тонких ходульках и бежит досчитывать следы.

— Скверная эта штука — непрошеный гость в небе! — говорю я кулику вдогонку.

Где просыпается солнце

Тяжело махая крыльями, летели гуси.

Санька сидел на перевернутой лодке и, запрокинув голову, тянулся глазами к этим большим усталым птицам. А они то резко темнели, когда пролетали под влажно-белым весенним облаком, то вдруг сами ослепительно белели чистым, обдутым ветрами пером, когда окунались в солнечные лучи, в голубое бездонное разводье между облаками. И сыпались на землю их сдержанные озабоченные вскрики.

Гуси всегда летели в одну сторону: из-за домов, наискосок, через реку и поле к дальнему лесу.

Санька глядел вслед птицам долго и завистливо, как гусенок с перешибленным крылом. Издали вся стая походила на обрывок черной нитки, которая, плавно изгибаясь над зубчатой стеной леса, то провисала дугой, то вытягивалась в ровную линию. «Наверно, уж и до дяди Сергея долетели»,— прикидывал он.

Дядя Сергей поселился у них среди зимы. Появление незнакомых бородатых людей в меховых сапогах и шапках наполнило их пустой, гулкий дом ощущением праздника. В сенях были навалены металлические зеленые ящики, толстая деревянная тренога, широкие охотничьи лыжи и еще какие-то непонятные вещи. А под окном стояли аэросани с красным пропеллером. По вечерам дядя Сергей и его товарищ расстилали на столе большую карту, вымеряли что-то циркулем и помечали цветными карандашами. Работали они допоздна, а на рассвете Санька просыпался от рева мотора. Свет фары пробегал по окну и серебрил морозные веточки на стеклах.

Утром Санька вылетал за ворота и оглядывал снег. С обрыва было видно, как три широкие лыжни сбегали по крутому спуску к реке, пересекали ее поперек, выбирались на тот берег и ровными голубыми полосами уносились к сосновому бору.

Санька никогда не бывал по ту сторону соснового бора. Он только знал, что каждое утро из-за леса поднималось солнце. Солнце было большое и красное, и Санька думал, что оно спросонья такое. «Вот если бы пройти весь лес,— размышлял он, стоя на крутояре,— тихонечко подкрасться и спрятаться за кусты, то можно подсмотреть, как просыпается солнце. Дядя Сергей, наверно, уж видел много раз».

Санька очень привязался к этому веселому человеку. Дядя Сергей был большой выдумщик и всегда что-нибудь привозил из лесу. Как-то раз он выгрузил из аэросаней разлапый сосновый корень, весь вечер опиливал и строгал, и получилась голова оленя с красивыми рогами. Когда же дядя Сергей долго не появлялся, Санька скучал и льнул к матери, и та укачивала его на коленях, укрыв теплой вязаной шалью. В такие дни в доме было тихо и пусто. Спать ложились рано.

В последний раз дядя Сергей уехал перед самой весной. Санька ожидал его каждый день. Он бегал к обрыву и глядел за реку. Но поле было пустынно и белело, как чистый лист бумаги — без единого пятнышка, без черточки. Свежая пороша замела все следы.

Когда же с пригорков хлынули ручьи и река вздулась и подняла лед, Санька понял, что дядя Сергей больше не приедет. По реке мчались льдины с оборванными строчками лисьих следов и кусками санной дороги. Льдины тупо, упрямо бодали пустые стволы старых ракит, и те содрогались до самой макушки. А вверху, тяжело махая крыльями, летели гуси. Они летели туда, где просыпалось солнце.

Весенние дни побежали быстро. Санька с утра до вечера пропадал на улице и постепенно стал забывать дядю Сергея.

Однажды под окном, на раките, радостно засвиристел скворец. И Санька вспомнил, что уже давно собирался сколотить скворечник. Старый совсем развалился. Санька побежал домой, вынес на крыльцо дощечки, топор, ножовку и принялся за дело, виновато поглядывая на скворца. Скворец сидел тут же, на ветке, охорашивался с дороги и понимающе косил черным глазом на кучерявую щепку.

Сладив скворечник, Санька полез приколачивать его к раките. Он уже сидел на самой макушке, когда к их дому подкатил вездеход с брезентовым верхом. Из машины вылез человек в сером дождевике и резиновых сапогах.

— Дядя Сергей! Дядя Сергей! — закричал Санька.— Я вот он! — Он заскользил на животе вниз по корявому стволу.— Я сейчас!

Санька глядел на дядю Сергея, и губы сами собой растягивались в улыбку. На Санькиной щеке багровела свежая царапина. К куртке пристали кусочки сухой коры.

— Ну, как вы тут? — Дядя Сергей присел перед Санькой на корточки.

— Мы ничего... Живем. Только думали: совсем не приедете.

— Дела, Санька. Вот скоро с тобой поедем — сам увидишь. Тут я тебе одну штуку привез.— Дядя Сергей порылся в машине.— На-ко, держи!

Это был трехмачтовый кораблик с килем, форштевнем, каютами, бортовыми шлюпками. По всему было видно, что кораблик находился в долгом и трудном плавании. Его корпус, выкрашенный белым, покрылся рыжей илистой пленкой. Мачты были сломаны. Обломки запутались в снастях. Уцелела только бизань-мачта с мокрыми парусами. К парусу прилип бурый ракитовый лист.

Санька держал в руках кораблик так осторожно, будто это было живое существо, живая, трепещущая птица, у которой своя, никому не ведомая жизнь. Где-то он плавал, встречал закаты и восходы, какие-то видел берега... Саньке не верилось, что в его руках такой необыкновенный корабль, он даже покраснел от счастья.

— Спустился к реке, чтобы подлить воды в радиатор, — сказал дядя Сергей. — Гляжу, плывет!

Пока Санькина мать готовила обед, Санька и дядя Сергей взялись за ремонт судна. Отмы-

Приезжайте к нам, в Минск!

Я уже не первый раз пишу о своем родном Минске. Но мне снова хочется рассказать о городе, с которым связаны и юность моя и все самое светлое и самое горькое в моей жизни.

Я видел трагедию этого города в июне 1941 года, когда мы оставляли его. В тот день он выглядел

Как во время обвала
В горной теснине дорога...

Таким его запомнил замечательный поэт Аркадий Кулешов, написавший позднее эти строки на Северо-Западном фронте.

Почти двадцать лет прошло с тех пор — Минск отстроен заново, стал куда краше и лучше.

Для чего сейчас, казалось бы, вспоминать о старом горе, о прежних ранах? Но вспомнить надо. Ведь проникновение в судьбу мужественного города вдохновляло зодчих, возрождавших его из пепла. Когда смотришь на сегодняшний Минск, с его широкими улицами, с монументом павшим воинам на площади Победы, невольно думаешь: да, именно такой видел в своих мечтах вновь воздвигнутую столицу сам белорусский народ — народ, который послал на фронты минувшей войны более миллиона солдат и партизан.

Никита Сергеевич Хрущев в 1958 году сказал:

«Я старого Минска не видел, но слышал, что это был невзрачный город. В январе я был в Минске и убедился, что город построен хорошо, удачно спланирован. Когда проезжаешь по главной улице Минска, создается впечатление, что ты словно едешь по Невскому проспекту».

Приглашаем вас, дорогой читатель, вместе с нами пройти по минскому Невскому. Начинается он у въезда в город со стороны просторного Московского шоссе. Все здесь создано в послевоенные годы: с правой стороны вас встретят корпуса часового завода, а с левой — новой киностудии, далее обдаст прохладой соснового челюскинского парка. Вы с удовольствием отдохнете в Ботаническом саду, где собраны редчайшие растения всех стран земного шара.

Миновав новостроящуюся площадь имени Калинина, мы вступаем с вами в кварталы науки. Издали виднеются массивные колонны Академии наук и городок Политехнического института, где обучается более десяти тысяч студентов.

Еще один крупный студенческий городок расположен в другом конце главного проспекта: напротив величественного здания Дома правительства возводятся новые корпуса университета.

Между площадями Якуба Коласа и Победы главную артерию города перерезает Долгобродская улица, которую можно назвать проспектом индустрии: тут особенно гулко слышны шаги семилетки. На Долгобродской улице расположены заводы: завод автоматических линий, завод запасных частей, а дальше — тракторный и автомобильный.

А ведь всего 30 лет тому назад там был дремучий лес и на перекрестке дорог еще стояли три сосны!

Да, славно потрудилась тридцатитысячная армия строителей Минска!

Центральная часть проспекта — любимое место жителей Минска. В праздничные дни пешеходы занимают здесь не только тротуары, но и всю мостовую.

У жителей города вообще немало любимых мест: это и площади Якуба Коласа и Победы и парк 30-летия БССР, который в шутку называют парком пенсионеров,— там совсем тихо, и можно отлично отдохнуть у мерно журчащего прохладного фонтана.

Кстати, о парках. Минск не назовешь южным городом, но зелени у нас очень много. Тротуары новых улиц окаймлены многолетними деревьями.

В нашем городе удобно жить и работать. Большие заводы вынесены за пределы центральной части города. Утопающие в зелени автозаводские и тракторозаводские кварталы выглядят, пожалуй, даже наряднее некоторых центральных.

В Минске застроено после войны 500 улиц, навсегда исчезли пустыри, а горожане до сих пор радуются каждому новому зданию. Какое это удовольствие — жить в доме, поднявшемся на хорошей улице, в доме, решенном по-современному удобно! Отошли в прошлое закоулки и тесные тупички, полутемные дворы, дома с узенькими витыми лестницами, с ветхими галереями, с подслеповатыми окнами.

Минск — город древний и город молодой. В 1967 году ему исполнится 900 лет, но таким, каким мы его видим теперь, он создан лишь в послевоенные годы. За это время население его сильно увеличилось. Более полумиллиона человек живет сейчас в Минске.

Пятнадцать лет строим мы свой город. Еще два-три штриха, и оформится величественная площадь Ленина, завершится десятикилометровая центральная магистраль. А на очереди — парковая аллея, которая протянется от центра до озера, на очереди — старые окраины, где работы еще непочатый край... Но город уже очаровывает каждого, кто впервые попадает в него.

Приезжайте к нам, в Минск!

Алесь КУЧАР,
белорусский писатель

Самая оживленная улица города — проспект имени Сталина.

Фото М. САВИНА

Сорокатонный самосвал. Этой машиной может гордиться Белорусский автозавод.

ли под рукомойником корпус и палубу, выстругали новые мачты и прикрутили к ним реи. Санькина мать достала из сундука белый лоскут для парусов. Корабль выглядел нарядно, празднично. Он стоял на столе на подставке от утюга, будто на стапелях, снова готовый к дальним странствиям.

— А что же мы про флаг забыли! — всплеснул руками сияющий Санька.

Он разыскал в ящичке швейной машины кусочек красной материи и выкроил флаг.

— Без флага кораблю нельзя,— одобрил дядя Сергей.— Только поднимать его еще рано. У корабля нет названия. Надо дать ему имя. Самое красивое. Ну-ка, Санька, подумай!

Санька озабоченно наморщил лоб.

— «Чайка»! — сказал он.

— Что ж, подходит. Но не будем торопиться: есть слова лучше.

— «Морской орел»! — выпалил Санька. — Орел сильнее чайки!

— Нет, это слишком воинственное. Не нравятся мне эти морские орлы. Давай, знаешь, как назовем? — Дядя Сергей помолчал, собираясь с мыслями. — Давай вот как... «Мечта»! Идет?

Санька задумался. Он никак не мог себе представить, какая она бывает, эта мечта.

— Ты о чем-нибудь мечтаешь? — спросил дядя Сергей.— Есть у тебя какое-нибудь самое большое желание?

— Есть...— тихонечко, почти шепотом, проговорил Санька.

— Какое?

— Хочу поглядеть, как солнце просыпается!

— Ну, вот, видишь... У каждого человека есть свое самое большое желание. У тебя, у меня, у твоей матери. Без него нельзя. Вот так же, как чайке нельзя без крыльев. Мечта — тоже птица. Только летает она и выше и дальше. Понимаешь?

Вместо ответа Санька порылся в кармане, достал огрызок чернильного карандаша и, взглянув на дядю Сергея, спросил:

— Где писать название?

И, послюнив карандаш, Санька старательно вывел на носу корабля большими печатными буквами: «М Е Ч Т А».

— А теперь слушай мою команду! На флаг смирно! — по-военному громко сказал дядя Сергей и вытянул руки по швам.

Санька поглядел на него и тоже прижал к бокам руки. Лицо его стало серьезным, и только царапина на щеке и синее пятнышко от чернильного карандаша на нижней губе несколько не соответствовали параду.

В дверном проеме стояла Санькина мать. Вытирая рушником тарелку, она глядела то на дядю Сергея, то на своего сына, улыбалась, но губы почему-то дрожали, а глаза ее блестели так, будто она только что крошила сырую луковицу.

— Можешь спускать корабль на воду! — объявил дядя Сергей.

Санька схватил суденышко и выбежал на улицу.

Вскоре он прибежал обратно. Вид у него был растерянный. В глазах стояли слезы.

— Дядя Сергей! Кораблик...

Мать всплеснула руками:

— Как же это ты? Так-то тебе давать хорошие вещи? За это уши надо драть!

— Да-а,— захныкал Санька.— Я не хотел... Я пустил его от берега, а паруса надулись, и он...

Дядя Сергей и Санька вышли на улицу. С высокого берега было видно, как на тихой ряби реки, на самом стрежне белел стройный, красивый парусник. Это была Санькина «Мечта». Попутный ветер надувал ее паруса, и она, чуть покачиваясь и трепеща алым флагом, быстро бежала все дальше и дальше.

Дядя Сергей поискал глазами лодку, на которой можно было бы догнать кораблик, но единственная лодка лежала на берегу вверх днищем.

— Только не хныкать,— сказал дядя Сергей,— ничего не поделаешь! Видно, такой уж это беспокойный корабль. Не любит мелкой воды. Ты, Санька, не огорчайся. Мы построим новый. Винтовой пароход. С трубами. Тот никуда не уплывет. А этот пусть... — Дядя Сергей присел на перевернутую лодку и притянул к себе Саньку.

Вечер быстро наливался густой, плотной синевой. Река стала еще шире, просторней. Затуманился и куда-то уплыл противоположный берег. Далеко-далеко, где-то за лесом, на темном вечернем небе неясно и таинственно вспыхивали и дрожали то голубоватые, то бледно-желтые всполохи и доносился глухой, едва уловимый рокот.

— Слышал я, Санька, одну загадочную историю,— сказал дядя Сергей.— Рассказывали мне, будто плавает по нашей стране неведомо кем построенный кораблик, с мачтами, с парусами — все как положено. Швыряют тот кораблик волны, ветер ломает мачты и рвет паруса, а он не сдается — плывет и плывет. Поймает его какой-нибудь парнишка, починит и думает: вот хорошая игрушка! Только спустит на воду, а кораблик надует паруса — и был таков! Так и плывет он мимо сел и городов, из реки в реку, через всю страну, до самого синего моря.

— А когда до моря доплывет?

— А когда доплывет до моря, его непременно изловит какой-нибудь человек. Обрадуется: хороший подарок сыну! И увезет куда-нибудь в глубь страны. Ну, а сын, известное дело, сразу несет подарок на речку. Кораблику только этого и надо... И снова — из реки в реку, от мальчишки к мальчишке, через всю страну... И вот что удивительно. Всякий парнишка, который подержит его в руках, навсегда становится беспокойным человеком. Все он потом что-то ищет, чего-то дознается... Сколько я встречал в своих странствиях по нашей земле таких людей!

Санька слушал и думал о своем кораблике.

В эту ночь Саньке снились чайки и огромное красное солнце. Солнце наполовину вышло из моря, и навстречу ему, рассекая волны, бежал гордый белокрылый корабль.

Герой Социалистического Труда Александр Виташкевич — расточник завода автоматических линий.

→

На снимках:

«Мир». Еще один кинотеатр построен в столице Белоруссии.

В вестибюле новой гостиницы «Минск» очень уютно.

Работница камвольного комбината Людмила Цветкова проверяет готовую ткань в отделочном цехе.

Приятно поплавать в институтском бассейне. Студентка института физической культуры, член сборной команды БССР, Валентина Никифорова и рекордсменка республики Светлана Комок.

Для таких важных посетителей в минском универмаге есть специальный отдел обуви.

Серьезный разговор ведут студенты института иностранных языков

1

Сцена из новой оперы Юрия Семеняко «Колючая роза».

ЗУЛЬФИЯ

На все года

Мечта

Как тебя ни гнуло б, ни клонило,—
Выпрямишься с прежней прямотой,
Если есть в тебе живая сила,
Та, что называется мечтой.

Дом, в котором и двоим-то тесно,
Дом, в котором жизнь пустым-пуста,
Станет шире, чем простор небесный,
Если в нем пропишется мечта.

Сердце без мечты — без крыльев птица,
Но когда мечта к нему придет,
Заодно с вселенной может биться
Сердце, устремленное в полет.

Захочу — с мечтой, подругой смелой,
На вершине встречу синеву,
А, глядишь, мечта, как лебедь белый:
С нею все моря переплыву!

Чуден мир, мечтой преображенный,
Труд природы, труд людских веков,
Ясно, благодарно отраженный
В зеркалах прозрачных родников.

Нам нельзя мечту переупрямить,
Ведь мечта сильнее всех светил,
И того приводит нам на память,
Кто из памяти не выходил.

Жизнь тогда рождается сначала,
Что ушло, то возникает вновь.
То, что я мечтою называла,
Назову по-новому: любовь.

Проницательнее светит разум
И яснеет времени поток:
Пыль дороги кажется алмазом.
В каждом камне вижу я цветок,

Каждая былиночка прекрасна,
Все, что дышит и живет кругом,
Жаждет и настойчиво и страстно
Стать моим трудом, моим стихом.

Сны, что приходили к изголовью,
Властно оживают наяву.
То, что называла я любовью,
Ныне вдохновеньем назову.

А в душе то робость, то отвага,
И со мной до самой темноты
Карандаш и белая бумага —
Светлое оружие мечты.

Краткая встреча

Ты сообщил: «Лечу в твои края,
Ко мне навстречу выйди, сделай милость!»
И я в глаза сплошные превратилась,
И в воздух поднялась душа моя.

И поняла твоя стальная птица,
Что непреклонен двух сердец приказ,
Что мимо пролететь на этот раз
Ей не удастся: надо приземлиться!

Тебя от солнца я оторвала,
К самой лазури прикоснулись руки,
И сразу я забыла о разлуке:
Так наша встреча радостна была.

Скажи, ты понял, что свиданье наше
На мир полоской света пролилось?
Ты понял ли, что черный блеск волос
Становится от светлой пряди краше?

На полуслове речь оборвалась,
Мгновенья краткой встречи пролетели,
Но в двух сердцах две трепетных свирели
Не прерывали праздничную связь.

Ты улетел, но грустный и горящий
Твой взгляд остался в сердце у меня.
Что может быть сильней того огня,
Которым полон взгляд животворящий?

* * *

В невидимом горю я пламени,
Что не погаснет никогда.
Печаль пришла, печаль нашла меня —
Моя печаль, твоя беда.

Засну — приснишься неминуемо,
Проснусь — ищу тебя в жару.
Моя строка, тобой волнуема,
Не подчиняется перу.

Могу ли стать спокойней, сдержанней?
О почему, скажи мне все ж,
Любовь, чем ты самоотверженней,
Тем больше горя нам несешь?

Моей печали постижение —
В потоке месяцев и дней.
Хотя я с ней веду сражение,
Она становится сильней.

Твоим я счастьем счастье меряю,
С тобой слилась на все года,
И даст мне силу — твердо верю я —
Моя печаль, твоя беда.

На сталинабадском перроне

Запоминая твои приметы,
Я на тебя смотрю,
Город вечерний, сердцем согретый,
Другом воспетый, утром одетый
В мраморную зарю.

Перед отъездом вижу с порога
Окон твоих огни.
Словно глаза человечьи, много
Мне говорят они.

Мирной работы накал высокий
Вижу в каждом окне.
Этих кварталов яркие строки
Звонко бегут ко мне.

Город, где дружба стала законом,
Где горяча земля,
Как хороши под твоим небосклоном
Стройные тополя!

Я продолжаю с тобой беседу
В этот прощальный час.
Гордые горы, я не уеду,
Не наглядевшись на вас.

Город рабочий, многоголосый,
Близкий на все времена,
Я не уеду, покуда косы
Не расплетет луна.

Я не уеду без твоих песен,
Музыки древних легенд.
Словно мой город родной, ты чудесен,
Дорог ты мне, как Ташкент.

Тронулся поезд...
Стучат колеса,
Мерно стучат внизу.
Дружба, ты песней моей разольешься,—
Песню я в сердце везу.

Перевел с узбекского
С. ЛИПКИН.

Сцена из спектакля Брянского областного драматического театра «Эхо Брянского леса».

ЭХО ПАРТИЗАНСКОЙ БРЯНЩИНЫ

Суровые партизанские будни воскресают на сцене. И неподдельный пафос мужества, любви к Родине, которым проникнуты поступки и слова героев, заражает зрителей — и родного Брянска, и Кишинева, куда театр прошлым летом ездил на гастроли, и Москвы, где актеры выступали на сцене Кремлевского театра...

Пьеса С. Шарова «Эхо Брянского леса» посвящена людям, сражавшимся в непроходимых Брянских лесах в годы Отечественной войны.

События и герои не выдуманы автором: Семен Григорьевич Шаров — участник партизанских боев — поведал о своих боевых товарищах. Многие из них сейчас трудятся на Брянщине. Когда театр приступил к постановке пьесы, они стали частыми гостями за кулисами. Председатель колхоза Анциферов, в прошлом боевой разведчик партизанского отряда,— прообраз одного из главных героев пьесы — лихого, неунывающего Доронина. С механика Косолапова автор писал своего лейтенанта Рябинцева...

Все эти отважные люди стали чуть ли не участниками спектакля: без них не начинали репетиций, их совета требовали костюмер и художник. В глухих чащобах леса, где сохранились полузасыпанные, заросшие травой землянки, бывалые партизаны вспоминали прошлое, рассказывали артистам о сражении и победах, о земляках, павших в боях...

Пьеса «Эхо Брянского леса» поставлена режиссером М. М. Ляшенко как героическая быль. Все в ней достоверно, все волнует.

Л. ОСИПОВА

Богатство Марии Бохачек

Мало радости видела Мария Бохачек в детстве. Сиротою росла она у своей тети в маленьком городке Орихове, окончила здесь гимназию и поехала в Софию поступать в музыкальную академию. Пением Мария увлекалась с детских лет. Преподаватели восторгались прекрасным голосом Марии — драматическим сопрано, полным теплоты.

Девушке предсказывали большое будущее. Эти предсказания оправдались. После окончания академии Бохачек стала одной из первых солисток Русенской народной оперы. Татьяна в опере «Евгений Онегин» и Мария в «Мазепе», Леонора в «Трубадуре» Верди... Чуть ли не все главные роли исполняет Бохачек и неизменно пленяет слушателей красотой голоса и вдумчивым исполнением.

На VI Всемирном фестивале Марию Бохачек награждают золотой медалью. А когда она вернулась домой, то ее ждала еще одна радость. За большие заслуги в области оперного искусства Марию отметили Димитровской наградой и двухлетней поездкой в Италию — учиться у лучших певцов.

Недавно Мария Бохачек возвратилась из Италии. Зрители встретили овацией свою любимицу на сцене Софийского оперного театра.

П. СОРОКИН

София.

Болгарская певица Мария Бохачек, лауреат Димитровской награды.

Реконструкция стадиона в Сант-Яго. Он вместит на своих трибунах 97 тысяч зрителей.

Юр. ВАНЬЯТ

Путь в Сант-Яго

Итак, зима прошла, и впереди у многомиллионной армии любителей футбола интереснейший сезон. Нашей сборной команде предстоит в предварительных играх бороться за право ехать в столицу Чили — Сант-Яго на мировой чемпионат 1962 года. Там седьмой раз будет разыгран высший трофей мирового футбола — кубок «Золотой богини», или, как

И. Нетто, как всегда, тщательно готовился к сезону.
Фото В. Джейранова.

его называют в Бразилии, «трофео максимо».

Созданная французским скульптором Лефлером тридцатисантиметровая фигурка богини Никэ, отлитая из чистого золота (ее вес 1 800 граммов), была подарена Международной федерации футбола — ФИФА—ее покойным президентом Жюлем Римэ, много сделавшим для развития мирового футбола. Вот почему ныне всесветный форум футболистов проходит под названием «Чемпионат мира — кубок Жюля Римэ».

«Золотая богиня» с июля пятьдесят восьмого года гостит в Рио-де-Жанейро. Специальная витрина, в которой находится приз, денно и нощно охраняется вооруженными до зубов полицейскими (по условиям ФИФА, федерация, получившая на четыре года заветный приз, в случае его утери должна уплатить баснословную страховую сумму).

Наши футболисты вместе с командами еще 42 стран (команды США, Эквадора, Нигерии, Гватемалы, Гондураса, Кипра, Суринама уже выбыли) в нынешнем сезоне вступают в борьбу за золотой кубок. Правда, это будет лишь первый этап — отборочные состязания, однако «чилийский паспорт» без побед в предварительных матчах могут получить лишь две команды: бразильская на правах чемпиона мира и чилийская как хозяйка нынешнего турнира.

Но прежде чем рассказать о наших ближайших соперниках по подгруппе, норвежцах и турках, о задачах и затруднениях сборной команды СССР, напомним вкратце историю чемпионатов мира и регламент нынешнего мирового футбольного «марафона».

Еще в 1904 году возникла идея мировых чемпионатов, но лишь спустя четверть века, в 1930 году, состоялся первый чемпионат.

Учитывая огромную популярность футбола в Уругвае (команда которого являлась к тому времени олимпийским чемпионом), почетное право стать первым хозяином мирового первенства футболистов получили уругвайцы. Они и завоевали «Золотую богиню».

В 1934 и 1938 годах лауреатом стала «скуадра аззура» — «голубая команда» (как итальянцы именуют свою национальную сборную за цвет ее фуфаек). А четвертый турнир состоялся лишь в 1950 году, ибо вторая мировая война вынудила спортсменов взять длительный «тайм-аут». Местом встречи снова была Латинская Америка, но на сей раз Бразилия. Несмотря на поддержку 200 тысяч неистовых болельщиков, переполнивших трибуны знаменитой «Мараканы» в Рио, хозяева поля в последней встрече капитулировали перед уругвайцами. Так, после 20-летнего «антракта» богиня Никэ вернулась в Монтевидео, с тем чтобы четыре года спустя, после чемпионата, проведенного в Швейцарии, стать желанной гостьей футболистов ФРГ.

Что же касается последнего, шестого, чемпионата мира, в котором впервые приняли участие советские футболисты, то его перипетии до сего дня еще свежи в памяти всех любителей футбола. Помню волнующий момент, когда на стокгольмском стадионе «Расунда» капитан бразильской команды, статный и красивый Беллини, бледный от волнения и счастья, поднял над головой золотую фигурку.

...Итак, Чили! В мае прошлого года на Чили обрушилось ужасающее стихийное бедствие — землетрясение. Встал вопрос: сможет ли Чили провести чемпионат мира? Чилийцы сказали: «Сможем!» Были внесены лишь коррективы в дислокацию игр: они состоятся не в восьми, а в четырех городах.

Прежде всего нам надо, конечно, познакомиться со столицей государства — Сант-Яго (1 780 тысяч жителей), с его «Эстадио насьональ», который после реконструкции вместит 97 тысяч «афисионадос» — любителей футбола. Этот стадион, укрепленный всего за несколько месяцев до землетрясения антисейсмическим поясом, почти не пострадал.

Игры будут проводиться также в Винья-дель-Мар, где стадион «Эль Саузалито» может вместить до 35 тысяч человек, в Ранкагуа и Арика.

Итак, лишившись четырех стадионов на юге страны, чилийцы все же организуют чемпионат. По всей стране проведен сбор пожертвований на восстановление стадионов. В тех районах, где стадионы остались невредимыми, футбольные матчи будут облагаться специальными сборами. Кроме того, команды Уругвая, Аргентины и Перу в знак солидарности с футболистами Чили проведут в стране серию товарищеских встреч, отдав весь сбор хозяевам поля.

Во всяком случае, президент организационного комитета Карлос Дитборн-Пито гарантировал, что к началу чемпионата все будет в полном порядке.

...Любители футбола должны запомнить дату — 30 мая 1962 года. В этот день на четырех чилийских стадионах начнется борьба 16 команд—участниц чемпионата мира. К 6 июня завершатся встречи в одной восьмой финала, и следующий этап розыгрыша будет проведен в воскресенье, 10 июня.

Полуфиналы состоятся в Сант-Яго и Винья-дель-Мар в среду, 13 июня. В субботу, 16 июня, предстоит матч за III—IV места, и в воскресенье, 17 июня, в столице Чили грянет решительный бой двух сильнейших команд современного мирового футбола.

Как мы уже сказали, все эти события состоятся лишь летом будущего года. Что же касается предварительных встреч в подгруппах, то они начались еще в прошлом сезоне матчем Гондурас — Коста-Рика и должны закончиться не позже 31 декабря нынешнего года.

Надо сказать, что вопрос о сроках чемпионата чилийская пресса назвала «очень деликатным». Дело в том, что для европейских команд сроки слишком ранние, но в июле в Чили начнется полоса ливней.

Советским футболистам в нынешнем сезоне предстоит сыграть с командами Турции и Норвегии на своем поле и за рубежом.

Познакомимся же поближе с нашими соперниками.

В будущем году Норвежский футбольный союз отпразднует свое 60-летие. В этой северной стране свыше 40 тысяч футболистов, играющих в трех тысячах клубов. Национальная сборная команда страны в 1960 году победила шведов — 3 : 1, финнов — 6 : 3, исландцев — 4 : 0, проиграв датчанам — 0 : 3, австрийцам — 1 : 2 и ирландцам — 1 : 3.

Норвежцы придерживаются системы «пять в линию», играют на-

малых скоростях и лишь в последние месяцы привлекли в сборную молодежь.

Первый матч с турецкими футболистами будет проведен 18 июня в Советском Союзе, второй, ноябрьский,— в Анкаре.

С 1924 года знаем мы турецкий футбол. Последняя ничья ростовчан осенью прошлого года с турецкой сборной (1 :1) в товарищеском матче лишний раз говорит о хорошем уровне турецкого футбола, который родился в 1905 году.

Национальная сборная, которую тренирует итальянец Пано Сандро, применяет «бразильскую» систему (1 + 4 + 2 + 4). Средний возраст игроков — 28 лет, причем имена вратаря Тургая Шерена, нападающих Метина Октая и особенно Лефтера Андониадиса известны далеко за пределами страны.

Турецкая сборная — противник серьезный. Но не забыли ли вы, дорогие читатели, о том, как выглядит наша сборная, ведь вы не встречались с ней целую зиму. Костяк коллектива почти ясен, хотя календарные матчи апреля — мая могут внести кое-какие коррективы в боевой список. В Мельбурне почти стопроцентную ответственность за исход олимпийского турнира взял на себя «Спартак». В Швеции ядром нашей сборной стали динамовцы. Во Франции — на розыгрыше кубка Европы — сборная была буквально сборной. В нынешнем же чемпионате мира основную тяжесть борьбы возьмет на себя команда «Торпедо». Восемь ее игроков — кандидаты в сборную СССР. Кроме них, в команду входят от тбилисского «Динамо» четыре игрока. От московского «Спартака» и киевского «Динамо» — по три, от ЦСКА и ростовчан — по два и от «Локомотива» — один футболист.

Если линия нападения — С. Метревели, В. Иванов, В. Понедельник, В. Бубукин (или Б. Батанов), М. Месхи — почти ясна, если так же бесспорна кандидатура нашего замечательного стража ворот — Яшина, то в оборонных линиях возможны разные варианты.

Обращает на себя внимание отсутствие в списке ветеранов — А. Масленкина и Ю. Войнова, а также тот факт, что капитан сборной И. Нетто числится в списке защитников. Это означает, что полузащита будет скомплектована по-новому. Но основной принцип формирования сборной команды ясен: фундамент команды — футболисты «Торпедо». Вот почему уже первые игры этой команды привлекают пристальное внимание всех. Будет хорошо играть «Торпедо» — будет хорошая сборная.

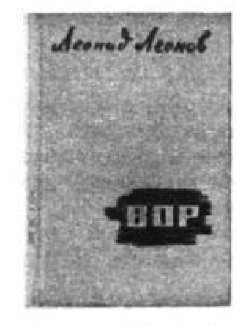
...Чилийцы говорят, что чемпионат пройдет в традициях их родины: без помпы, но с «доброй душой и открытым сердцем». Об этом же говорил и знаменитый чилийский поэт, большой друг советского народа Пабло Неруда. Выступая в румынской газете «Спортул популар» по поводу первенства мира, он заявил: «Я желаю этого главным образом потому, что такие международные состязания — мост, перекинутый между сердцами юношей различных стран, вклад в дело мира во всем мире...»

Будем же надеяться, что наши спортсмены уверенно пройдут по этому мосту.

В добрый путь!

Митька Векшин перед судом совести

О романе Л. Леонова «ВОР»

«Едва же задувал заветный майский сквозняк, Митя уже подстерегал на мосту свою подругу, и она два лета сряду не обманула его ожиданий. А время мчалось не медленней воды в Кудеме,— выцвела и порвалась в плечах новая васильковая Митина рубаха. Наступал у обоих тот возраст, когда тоскует и мечется душа в поисках подобной себе. Все чаще незнакомое томленье захватывало их врасплох и вдруг, по извечному закону, им становилось стыдно самих себя. Тогда нестерпимым бременем ощущала она распускающуюся красу, осложнявшую их прежнюю бесхитростную дружбу, а Митю тяготила перешитая из отцовской, хуже всяких лохмотьев, одежда. В обостренной худобе Митина лица, освещаемой короткой вспышкой зрачков, Маша угадывала опасность для себя. Детские игры приобретали новое значение, одновременно манящее и запретное... Гроза назревала, и набухшая туча жаждала освободиться от своего сокровища...»

Такова завязь трагических, грустных и великих своей значимостью событий в романе Леонида Леонова «Вор».

Одиннадцатая глава первой части романа, из которой выписаны процитированные строки, принадлежит к числу лучших страниц русской прозы. В ней столько света, первозданной человеческой чистоты и тепла, она исполнена таких солнечных ожиданий человеческого счастья, что, прочувствовав ее однажды, уже невозможно отделаться от озаряющего, ослепляющего радостью бытия впечатления, в какие бы мрачные «будни нэповского подполья» ни заводил нас автор...

Для меня эта глава — ключ к пониманию взлетов и падений главного героя романа Митьки Векшина, ключ к постижению и мучительных судеб многих других героев, с которыми скрестилась жизнь «короля воров». Векшин вошел в сознательную жизнь на крутом переломе истории, когда революция наша, взрывая сонную глушь деревень, сметая сонную одурь с обывателей российских городов, увлекла своим животворящим потоком все деятельное и жизнестойкое.

Революция посадила Дмитрия Векшина на коня, и он, красный комиссар, с завидной удалью крушил своей шашкой ее озверевших врагов.

Но как же случилось, что герой лихих кавалерийских набегов оказался на самом дне нэповской, торгашеской и мещанской Москвы? Где, когда и почему изменил «бесстрашный человек» Митька Векшин пути своему, на который вступил он с оружием в руках?

На этот главный вопрос о превратной судьбе своего героя Леонид Леонов дает ответ всей сложной архитектоникой романа, причудливым и противоречивым переплетением судеб многочисленных героев книги.

Нэп возбудил в душе Векшина страх и недоумения, его испугала ожившая нечистая стихия частного предпринимательства. «Взрывчатая Митькина подноготная» не выдержала, дала трещину — и получилось «замешательство совести».

Тут и стала очевидной несостоятельность векшинского героизма, тут и стала открываться изнанка Митькиной удали. Вчерашний комиссар еще пытался внушать себе: «Я-то непременно выкручусь!» Но жизнь всегда бывает беспощадной к отступничеству.

Разноликая Москва двадцатых годов, которая нарисована в романе рукой большого мастера, сталкивает Дмитрия Векшина с друзьями детства и боевой молодости. И герой не выдерживает испытания на человечность. Шаг за шагом он вынужден отступать перед людьми, которых он сам теперь втягивает в воровские авантюры. Он отступает обезоруженным и опустошенным перед своей последней надеждой и верой — Машей Doломановой, с которой на самой ранней и солнечной заре своей жизни свел его мост над задумчивой Кудемой.

«Так что же ты теперь, Митя?» «Где ж знаменитое твое геройство?» И до какого же нравственного падения должен был докатиться человек, если Манька-Вьюга, в которой он некогда боготворил кудемскую красавицу Машу Доломанову, учиняет над ним беспощадный суд!

Машина любовь оборачивается ненавистью, суровой и неистовой оттого, что и сама она тоже увязла в болотистой тине нэповского дна. В ее уста вкладывает автор самую уничтожающую оценку героя романа: «И я допускаю, что он действительно любит... но не людей, а человечество, причем довольно безличное, потому что ужасно как отдаленное, приятно молчаливое, даже туманное за далью веков...»

Эти строки обозначают кульминационную точку в развитии главной мысли романа «Вор». Абстрактный мелкобуржуазный героизм героя развенчан.

История любви Маши и Митьки Векшина — лишь одна из многих линий очень сложного, блестяще разработанного сюжета романа Леонида Леонова. Другие персонажи только дополняют, глубже выявляют социальную несостоятельность векшинской романтики, обнажают его «нечистую» озлобленную совесть».

И Санька Велосипед, векшинский дружок по гражданской войне, и добрая, тихая певичка Зина Балуева, ставшая женой вора, и совестливая, кроткая Таня, Митькина сестра, — все они обманулись в своих надеждах на исключительную личность героя. Векшинская звезда осветила их, иных ослепила, но никого не согрела.

Так туча, собиравшаяся еще над Кудемой, освободилась от своего «сокровища», но очистительной грозы не исторгла. Другая гроза прокатилась над Россией, над Москвой и над тихой Благушей — этим обиталищем «бывших» и оступившихся людей. Это гроза истории, совершавшая свою великую «историческую расчистку» в сонмище людском. Россия революционной поступью двинулась навстречу своему будущему, которое, между прочим, и над Кудемой уже готовилось зажечь огни строящейся электростанции... А Митьку захлестнула «тоска отставшего». Величественная панорама стройки в родном краю захватила Митькино дыхание, но души его не зажгла.

А писатель между тем щедр, он не берется наперед предсказывать Митиной судьбы. Большим своим сердцем, мудростью художника Леонов верит в могущество своей обновленной Родины. «В том-то и сила России нашей, что даже в пору благополучия никогда не обольщалась настоящим, а всегда добивалась в жизни высшей чистоты...» Так что «наряду с великими переменами последующих лет любое преображенье Векшина представляется возможным».

Но это возможное уже за пределами романа, автор которого верит в людей простого, великого сердца, который и написал-то свою книгу во имя подвига, молодости, солнца.

Свой роман о горестной судьбе Митьки Векшина Леонид Леонов опубликовал в 1927 году. Теперь книга снова вернулась к читателю, переписанная почти слово за словом рукой зрелого, умудренного жизнью мастера. Писатель не изменил идейной концепции книги, оставил прежней трактовку образов. Он лишь углубил звучание своей главной мысли да выявил новые акценты в самом повествовании. В новой редакции «Вора» возник спор зрелого мастера с молодым писателем, который в те ранние годы сам во многом не понимал смысла ленинской «новой экономической политики».

Теперь книга родилась заново, и не только как литературный памятник минувшей эпохи, а как грозное и неотразимое оружие сегодняшней борьбы.

Нынешний читатель не раз задумается вместе с писателем над тем, «как вырубить преступность во всемирном масштабе». Прислушается к голосу коммуниста Арташеза, который вышел в нэповские будни работником и строителем. Читателя взволнуют писательские раздумья над судьбами искусства, которые рассыпаны по всем трем частям романа. Он насладится искрящейся, сверкающей живописью леоновского слова, искусным психологическим анализом, который поднимается до лучших образцов русской классики.

Конечно, мне хотелось бы сказать куда пространнее о языке Леонида Леонова. Но говорить об этом мимоходом кощунственно.

Точно так же, памятуя об известном высказывании М. Горького (о том, что архитектонику «Вора» будут со временем изучать), надо внимательно рассматривать сложную, продуманную композицию «Вора», что будет весьма поучительно и для опытных наших писателей и для молодого поколения современной прозы.

Вл. МИЛЬКОВ

Соловьина

Виктор РЕВУНОВ

Повесть

I

Меньше минуты оставалось до отхода поезда, а они все стояли у железной ограды с желто цветущими акациями: высокий, в сапогах и плаще молодой мужчина и женщина, очень красивая, хотя лицо ее было бледно, в слезах. Она сжимала его руки.

— Алеша, милый... Алеша, милый...— повторяла она эти два слова то ласково, то с каким-то отчаянием, то с грустью и мольбою.

Он смотрел в ее глаза, в которых от ветра переливались и сверкали слезы.

— Я уже больше не найду тебя,— сказал он, улыбнулся горько и вдруг отнял от нее свои руки, рванул как-то их, побежал было к поезду, но остановился: еще какое-то слово хотел сказать в эту последнюю минуту.

— Ты не виновата! — крикнул он и бросился за тронувшимися уже вагонами. Стучали колеса, мелькало все быстрей и быстрей солнце.

Он успел вскочить на подножку... Раскрыл дверь купе и, как будто споткнувшись, упал на лавку, тяжело сгорбился и затих.

II

Алексею Завьялову казалось, что не будь одной ночи, не было бы и этой истории, которая всю его жизнь перевила.

Это была неспокойная февральская ночь.

Алексей приехал из города на свою станцию. Сидеть на станции не захотел. Только раскрыл дверь в светлое тепло каморки с кассой и жарко топившейся печью и сказал:

— Кто в попутчики до Высокого?

Попутчик нашелся — агроном Балмасов Вадим Николаевич. Вышли с ним. Потопталси Балмасов на дороге.

— Ночь-то какая — жуть! Не иначе как где-нибудь человека режут.

Балмасов вернулся на станцию, а Алексей пошел, раз решил, хотя и с неохотой, но уж совестно было возвращаться.

Ветер в проводах посвистывал, а потом завизжало. Спешил Алексей: скорее вперед, пока дорогу не замело.

Закоченел, когда до Покровки дошел. В какую-то избу постучал. Хозяйка вышла с лампой и впустила его.

Едва разделся, захмелел от тепла. Бросил на пол шинель и ничего уж не помнил: заснул.

Глаза раскрыл... Утро! Печь топится, сипят в огне поленья, пахнет снеговой свежестью, и хорошо так дымком горчит. От снега на окнах голубоватый свет в избе.

Хозяйка, старая женщина в платке и ватнике, стояла у печи, что-то ворошила там, в зареве.

— Потревожил я вас вчера, мамаша,— сказал Алексей.

Он лежал на полу, у стены, раскинув длинные ноги. Руки — под головой. Лицо жжет и щиплет: надрало вчера снегом.

— Слава богу, что мимо не прошел в эту пропасть,— сказала хозяйка.— Такие над собой глупости творите.

Раскрылась дверь. На пороге избы стояла девушка в красном капюшоне, стройная, тоненькая — лозинка весенняя, и глаза у нее, большие, длинные, похожи на лозиные листья с зеленым, как после дождя, блеском.

— Пришли,— сказала она и улыбнулась.

Пока он полой шинели смущенно укрывал свои босые ноги, она ушла.

— Кто такая? — спросил Алексей хозяйку.

— А наша учительница Полина Сергеевна.

III

Утро было чистое, с оттепелью, с сенным духом от стогов за дворами, где и плетни замело. Села сорока на березу — просыпался с ветвей снег, заискрился розовой метелью.

За деревней Алексея нагнал Балмасов. Ехал он в санях с почтарем. Алексей подвалился к ним.

Балмасов в распахнутом пальто на меху, в бурках с желтой кожей, на голове шапка пыжиковая, глаза голубые, как под хмельком, веселые.

— Покурить не будет ли чего? — сказал Алексей и выбросил из кармана смявшуюся, мокрую пачку с папиросами.

Почтарь угостил самосадом. Развернул кисет — от руки пар после жаркой варежки. С хлебными крошками самосад, душист на талом ветру.

— А я вчера постучал к людям, чайку попил с малиновым духом — с мороза прелесть — и спать под вой этой самой вьюги,— сказал Балмасов.— Угораздило тебя, думаю. Или уж такой в твоей красотке порох, что к ней только по стуже и ходить, чтоб не воспламениться!

Почтарь засмеялся с сиплым кашлем.

— Милой вы человек, Вадим Николаевич!

Алексей глядел в поля. На самом краю неба, над белизною снегов, синяя, как из радуги, полоса.

«Красива,— думал Алексей о Поле.— Как это я прежде ее не видел? А теперь опоздал, конечно, опоздал, и нечего зря растравлять себя. Но вдруг не поздно? Что бы такое сделать просто из радости перед ней? А что-нибудь сделаю, и такое, чтоб хоть на миг и ей радость была от меня. Я что-нибудь сделаю! От ее красоты черт знает что можно сделать!» И он засмеялся, когда вдруг подумал, что, как мальчишка, возьмет да прыгнет перед ней с крыши в сугроб.

Приехали в Высокое. Балмасов пригласил Алексея к себе.

Снимал он комнату — горницу в пятистенной избе, у Франи Шелестовой. Третий год она без мужа жила: поехал он на шахты работать, там и привадился к шахтерочке.

Франя накрыла стол: огурцы поставила, яичницу с поджаренным салом, берестянку с яблоками и мороженой рябиной с ледком на засохших с зелеными крапинками листьях. Затуманенные испариной, краснелись гроздья; в избе сразу повеяло от тающей холодизны, терпко, как спиртом, запахло соком рябины.

Балмасов бросил в рот рябининку.

— Жилы, говорят, прочищает от всякой гари и копоти.

Франя куда-то собралась, зашла в горницу в пальто и полушалке. У нее смуглое лицо, еще в улыбке медовой молодости.

Балмасов налил ей вина в рюмку, но Франя отказалась.

— Выпить, так к проку, а то дела у меня,— сказала она и попрощалась с Алексеем. Он встал и крепко сжал ее руку.

— Расцеловал бы я вас! — сказал он восторженно, а она подумала, что он пьян, раз так весел.

— Давно бы себе жену завели, а то, гляди, и опоздаете к своему поезду. А придет другой — там девчатки молоденькие, что и радость: место уступят вам, как перестарелому.

— Сам перед собой человек никогда не бывает старым,— сказал Алексей.— Чувства похожи на листья: они одинаково зеленые и на старом и на молодом дереве.

Балмасов через окно посмотрел, как Франя прошла по улице.

— Вот идет женщина, и никто не знает, какая у нее страсть на душе. Я тебе скажу. Страсть ее — это я, и это она меня к поезду торопит. Но она забывает, что в поезде она не одна. Там есть другие женщины, и я, кажется, увидел одну случайно в окне. К такой я и сам потороплюсь, на ходу прыгну, разобьюсь. Туда и дорога, если не сяду с ней рядом.

— Кто же она? — спросил Алексей.

— Узнаешь, погоди.

Балмасов выпил и стал закусывать. Руки его, большие и белые, по-мужски сильные, умело держали нож и вилку, которыми он резал и подхватывал ломтики яичницы с салом. Все это делалось быстро, ловко, с разговором.

— А ты вчера, поди, за труса меня посчитал? Не пошел, мол, испугался. Факт таковой налицо. А бывает, по факту судят и даже на всю жизнь крест ставят за один факт. А в общем, мне все равно, за кого ты меня вчера посчитал. Я весело гляжу на тебя, на всех гляжу весело, не боясь никакого про себя факта. Просто живу и работаю, получаю пособие в виде зарплаты на еду, на всякую там одежду. Хозяйка с этой комнатой такие уютные, особенно осенью, ночью, когда ненастье. Я даже счастлив бываю от мысли, что в эту ночь кто-то на грязной станции сидит или бредет дорогой от дома... Выпьем, Завьялов!.. Я люблю, что ты с моралью ко мне не лезешь. Я ее затоптал бы, эту мораль, потому что она, может, во всем и виновата, что я такой, что только честно тружусь, ничего, кроме этого, не умею, чтоб вырвать для себя красивый кусок жизни!

— Красивый кусок жизни — это, может, весенний луг или ночь с соловьями,— сказал Алексей.

— Это все умиление ангельское. А между тем какой-нибудь подлец уж сосет из этого куска, катит сейчас с любовницей к теплому морю, и сворачивай ты, чтоб дать ему дорогу. Я наблюдаю, терпеливо наблюдаю и ликую, когда им с хрустом сворачивают шею и они потом иногда робко просят меня подвезти. Тут дай уж мне дорогу! Грязью обдам, а нет — плеткой врежу. Вот и сволочь — для одних, а для других — милой человек, и изволь кто постигнуть меня по фактам!..

Алексею пора было идти. День не так уж долог, а до дома двенадцать километров.

Я НОЧЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Он вышел от Балмасова.

— А то побудь. Успеешь. Кто тебя там дома ждет? Подушка! Она и у меня найдется.

На площади в снегу увязла машина. Ее тянула на тросе другая машина, груженная сеном, и, когда рев мотора затихал, слышался на ветру сухой звон осоки.

Алексей шел и думал о Балмасове. Что с ним? Неужели он так и живет с этими какими-то взбешенными мыслями? Откуда они?

IV

У Алексея Завьялова волосы в рыжину и лицо с рябинками, приметно высок, но сутулится. Правда, зубы у него белые, хорошие, и, когда улыбается, видно, что молод еще, и от улыбки светлеется голубинка в глазах.

Работал он в Темьяновке лесничим. Жил с матерью в большой рубленой избе на краю деревни. Изба огорожена плетнем, перед окнами яблони и вишни, которые посадил отец. Давно его нет, нет и могилы и сосенок, среди которых белели кресты: все смела и пожгла война. Теперь тут раскорячили свои крепкие ветви дубы.

8 Марта Алексей поздравил мать с праздником, поцеловал ее. Замерцали слезы в ее глазах. Все сделала старость: завьюжила сединой волосы, посекла лицо морщинами,— но бессильна была погасить голубизну в глазах этой женщины.

Подарил Алексей матери вязаную кофту. «Зря потратился: ватник есть»,— хотела сказать сыну Арина Петровна, но так он был рад, что кофта пришлась в самый раз...

— Одна и была эта кофта,— сказал он.— Очень мне понравилась.

— Спасибо, Алешенька!

— Только чур носить, а не беречь.

«И сносить не успею»,— подумала она.

Воздух на дворе влажный, с теплынью, пахло от хлевов преющей соломой, но еще не весна, еще сверкала вокруг снегами зима.

«Что бы ей подарить? Что? — думал он, идя по дороге в контору лесничества.— Духи? Но это все дарят. А ей нужно что-то необыкновенное — вот, например, пласт этого синего неба. Взять и принести. Но это все фантазия. Что же ей подарить? Часы какие-нибудь дорогие? Но ведь может и не взять. Должна носить их и помнить всегда, что это я ей их подарил, а ей, может, вовсе и не хочется про меня помнить. Цветы! Но где их найдешь? А ты найди, эту фантазию для нее живыми цветами сделай, тогда, значит, и любишь, это-то и здорово».

Контора лесничества на отшибе села, под соснами. Тут сараи с плугами, боронами и лущильниками, опрыскиватели, конюшня, хранилище для семян.

Сама контора — небольшая изба с двумя окнами и печью, стол и карта леса на стене.

Печь уже топилась, когда пришел Алексей. Четверо лесников ждали его. У одного в обходе была самовольная порубка.

— Кто рубил? — спросил Алексей.

— Злыбина Марья. След к ее избе привел. Лес под снегом замаскирован.

Алексей знал Марью, и кого он тут не знал! Марья — вдова, муж на войне погиб, двое детишек.

— Ты ей передай, что если это повторится, будем штрафовать,— сказал Алексей и подумал: какой от детишек штраф возьмешь? И она это знает, что никто с детьми ее не накажет.— Надо как-то предупреждать порубки заранее.

Подписал бумагу — договор с колхозом на распил леса в лесничестве — и, когда подписывал, спросил:

— А цветов в лесу не видно?

Лесники оживились и засмеялись.

— Я серьезно,— сказал Алексей.— Есть такие белые цветы — ясколка, бывает, зимой в оттепель цветет.

— Бывает, — согласился лесник, который докладывал о порубке.— Но только это редкость совершенная.

V

После праздничной вечеринки поздно ночью Поля пришла в свою комнату, включила свет. В комнате — кровать, письменный стол с ящиками да зеркало на стене. Подошла к нему, сняла с платья белый воротничок. Задумчиво посмотрела в свои длинные ярко-зеленые глаза.

«И все-таки я одна»,— подумала она. Люди были, и хорошие люди, но, как это бывает по первой своей любви, человек ищет то самое незабываемое чувство, и потому одинок, что не находит его, что все что-то не так, чего-то не хватает, чтоб с другим идти с той радостью, какая уже была когда-то.

Кто-то постучал. Поля вышла в сенцы, открыла дверь в непроглядную, черную мглу.

— Это вам...— сказал кто-то из темноты радостным шепотом и сжал нахоложенной и в то же время горячей рукой ее руку.

В свежем, с морозцем воздухе Поля почувствовала смолистый запах хвои.

— Кто здесь? — спросила она.

Но никто не ответил ей, она только услышала быстрые шаги по крыльцу и по снегу. Что-то легко трепетало от ветра в ее руке.

Она вбежала в комнату. В руке — снежно-белые цветы. Она удивленно глядела на них и, не веря, чуть-чуть притронулась губами к озябшим лепесткам; влажно пахло от них пресным запахом подмерзающей капели.

«Кто он?..»

Поля выбежала на крыльцо, потом на дорогу. Черная мгла вокруг как бы дышала на нее ветром ночного моря... Море! Там и началась первая ее любовь.

Это было три года назад. Далекое море вдруг волнами мягко плеснулось ей в ноги, когда она пришла на берег.

Под зеленовато-прозрачной водой на камнях переливался оранжевый и золотистый свет солнца — это у берега, а там, далеко-далеко, густая синева, из которой мокро и черно поблескивала скала. От ударов волн об нее росились мельчайшие брызги.

Тоненькая и стройная Поля, подняв к голове руки, надела голубую шапочку, резина стянула голову и закрыла уши, стало тихо-тихо.

Она окунулась и поплыла к той далекой скале среди моря. Плыть было легко. Она посмотрела вниз, в воду: там мигало что-то — это подводные камни. За ними чернота, ноги обдало холодом. Страшно!

Она легла на спину и теперь видела небо и чаек.

Вот и скала. Волны с гулом разбивались тут и шипели, крутилась стремительно пена в воронках. Уступы остры и скользки, заросли ракушками. Она устала, едва забралась на эту скалу, легла на ее теплую и гладкую горбину и удивилась, что была вровень с обрывистым берегом, за которым расстилалась степь. Там, на обрыве, но не у самого края, а дальше в степи стоял человек как бы в пылавшей от заката рубашке.

«Он даже и не знает, как он красив отсюда»,— подумала Поля.

Когда на пляже было уж пусто — только на пристани сидели рыбаки с удочками, — Поля вышла на берег. Море было сиреневым и алым там, где тонуло солнце.

Она поднялась по дороге на обрыв. Вот он, этот человек, которого она видела со скалы. Поля даже остановилась. У него совсем седая голова и юное, удивительно юное лицо. Это художник. Он стоял на коленях в пропыленной полыни перед подрамником, державшимся на каких-то кольях с корой.

Каждый день все купались и загорали на песке и камнях, а он работал, и каждый день Поля проходила мимо него к морю, уплывала на ту скалу, ложилась лицом к степи. Что он там делал на своем холсте так исступленно в этой выжженной степи?

«Неужели он так счастлив своей работой, что ему ничего не надо, кроме работы? — подумала Поля.— Почему он седой? Верно, что-то было в его жизни?»

Как-то в столовой она услышала разговор о нем.

— Что он там делает? — спросила женщина с знойно-темным от загара лицом.

— Я видел,— ответил ей мужчина, сидевший за столиком напротив женщины. — Это не так уж талантливо, какая-то жидкость, изображающая море. Можно только удивляться его упорству и, я бы сказал, даже его счастью, которое бывает от заблуждения или микроскопических потребностей, как у этой вот мухи: она впилась в сахарную песчинку и счастлива.

Поля сидела за этим же столом.

— Вы злой, — сказала Поля и покраснела, так ей было стыдно и за себя, что она могла так сказать, и за этих людей, которые, пережевывая еду, так спокойно оскверняли человека.

— Девушка, выпейте валерьянки,— сказала женщина и уничтожающе брезгливо посмотрела на ее ноги. Но они были стройные, загорелые, на них чисто поблескивала морская соль.

Поля стремительно прошла по залу. На ней было белое, пахнущее жасмином платье, которое она бросала на берегу у обрыва на колючки, когда, надев голубую шапочку, бежала к морю, и никто не мог решиться поплыть за ней на ту скалу, даже он.

В последний день она простилась со скалой и с морем. На память взяла из воды плоский камень с матовыми и голубыми жилками.

Она еще стояла в воде, когда он неожиданно сошел с берега, бросился в море и сильно поплыл к той скале, поднимая над волнами сверкающие на солнце руки.

Она поднялась на обрыв. Как больно и обидно: сегодня ей надо уезжать!

В степи одинокий подрамник на кольях. Что там? Что он сделал? Она так хотела ему удачи!

Она подошла к подрамнику... На холсте вздымался в небо обрыв с корявой и сухою землей, с пропыленными кустами полыни и цикорием в голубых цветах на бледно-зеленых стеблях, с охапками непролазно свившегося донника — край степи, последняя ее пядь перед безбрежным морем.

Она оставила записку под камнем. В записке было только одно слово: «Прекрасно».

С тех пор она не видела его, но помнила о нем. Может, потому она помнила о нем, что невозможно было забыть море, и степь, и тот кусочек холста — весь этот самый чудесный в ее жизни месяц.

На столе лежал плоский камень с голубыми нетускнеющими прожилками, рядом — стакан с цветами, и блеск воды в стакане играл и радужно переливался по этому камню, который, подумалось Поле, тоже помнил шум и гул моря. Грустно вспоминать и о прекрасном, если оно прошло, а эти цветы словно зацвели для нее живой и прошлой радостью.

VI

Вот и лед на Угре тронулся, раскололись белые поля, поплыли с шорохом и с хрустом среди затонувших олешников и черемух над космато горевшим в мутной воде солнцем.

В начале апреля Алексей случайно в Высоком был. Кино посмотрел. После кино возле клуба закружились пары под гармонь: танцы —кадриль, под которую, на «пятачках» подстукивая каблуками, за дедами отцы наши, за отцами и мы уйдем за круг, и не пусто будет на кругу, и без нас под эту кадриль простучат в свой черед пары.

Глядел Алексей на круг, где весенний этот водоворот гомонил среди ночи, и талой землей пахло, и духами, дымком от папирос, то чья-то юбка взметнется, черно блеснут ботики, то чья-то улыбка мелькнет, то задумчивые глаза уйдут в темноту и вернутся. Чьи это глаза, такие красивые? Ждал он, когда они

снова придут. Она в коротком пальто, стянутом пояском, полушалок сметен на спину... Поля, а он и не узнал ее в этом полушалке, не думал, что она тут, глядел на всех без отличия, и все-таки пробилась ее красота, тронула и повела за собой, и теперь он будто вновь увидел ее, как она держалась за плечо Балмасова, гибко откинувшись, как он кружил ее, и сильно и радостно, земля изпод каблуков его летела, и так закружил, что, когда замолчала гармонь, Поля, качаясь, со смехом едва прошла по кругу.

Балмасов не отходил от нее.

— Мне домой пора,— сказала Поля.

— Попробуйте разбить мои руки, если это оковы для вас,— сказал Балмасов и крепко сжал кончики ее пальцев.

«Это невыносимо! Он еще будет провожать меня!» — подумала она.

— Мне пора домой,— повторила Поля.

— Это так далеко! Но я могу достать для вас даже самолет, и только потому отдаю предпочтение машине, что надеюсь где-нибудь увязнуть с вами на всю ночь.

Он пошел за машиной, а когда вернулся, Поли уже не было. Даже Алексей не видел, как она скрылась: глаз, кажется, с нее не сводил.

— Ты не видел, кто увел ее? — спросил Балмасов.

— Ребят полно.

Ноздри у Балмасова задрожали, он натянул на руку скрипевшую кожей перчатку.

— Не видел и я. Но увижу!.. Интересно, не тот ли черт, который ей цветы подарил, из снега достал?

Дорога Алексею через мост. Тут она и стояла у перил. Внизу плыли льдины, оставляя стремительно мерцающий след на вороненосиней воде.

— А вас там ищут,— сказал Алексей.

— Скажите: тут не страшно, если я одна пойду?

— Просто жуть! Я провожу вас.

— Проводите!

Алексею понравилось, как она нежно сказала: «Проводите».

— А с вами ничего не страшно,— сказала она.

— Почему?

— Я помню, как вы со станции ночью пошли.

— Вы были на станции?

— Да. А утром я узнала, что вы пришли, и я была очень рада еще и вашей гордости. Ее-то как раз и не хватило вашему попутчику.

Поля остановилась, подвязала свой полушалок маленькими, в кожаных перчатках руками, откинув голову, так что Алексей видел искринки далеких звезд в ее глазах.

— Удивительно: этот лес казался мне страшным с моста, а сейчас любуюсь им. Он такой тихий...—И, засмеявшись, добавила: — Как вы!..

— Возможно. За корой не видно, какая сейчас там радость творится: зеленый шум, цветы и листья, запахи — все это скрыто пока за корой до тепла.

— Спасибо, что проводили,— сказала Поля. Она протянула руку. Нахоложенная и в то же время горячая рука сжала ее руку, и Поля вдруг сразу узнала ее.

«Это он... он принес мне цветы».

— До следующей вьюги? — сказал Алексей.

— А может, до тепла?

— А если тепло будет завтра?

— Я буду рада,— сказала она, и улыбнулась ему, и снова дотронулась до его руки.

«Конечно, это он, такой скромный, и как это чудесно, что он проводил меня».

Все давно спят, вокруг темно, и среди этой туманной от звезд темноты неожиданно брызнул свет. Это в ее окне. Она дома.

Неужели свидание?

«Свидание! Я завтра увижу ее»,— шел и думал Алексей.

На мосту остановился. Здесь она стояла, у этих перил с березовой корою. Он тронул кору, и она сразу затеплилась, была гладкой и нежной.

Под мостом тупо ударилась льдина, и сразу же раздался грохот. Ледяная гроза! В овраге, блеснув, обломился в пустоту лед — проскрежетало и загудело по всему руслу, зазвенели рассыпавшиеся осколки, где-то свистнуло эхо, отразившееся в подледных расщелинах, а когда вновь воскресли шорохи, певуче забился, как на струне скрипки, тонкий с печалью

звук — прощальный звук этой таянием рожденной грозы.

VII

Сколько людей, столько и судеб любви, творит она и чудеса и трагедии, несчастен бывает прекрасный человек и счастливо ничтожество. Можно рассчитать путь звезды — путь любви неизвестен, пока не пройдешь его.

Среди идущих будней идет любовь.

«Я люблю, я смотрю на всех, смеюсь, и никто другой не видит мою любовь, даже мать»,— думал Алексей, когда, проводив Полю, утром пришел домой.

Мать лишь взглянула на него и занялась опять возле печи.

Был это воскресный день. Алексей собирался яблони проредить — просветлить крону от сорных ветвей.

По лесенке забрался под крону. Вон там, за тем лесом, она...

«Я увижу ее, сегодня же я увижу ее».

Приехал к ней днем. Остановил свой мотоцикл возле школы — одноэтажного дома с большими окнами. Крыльцо перед Полиной дверью вымыто, еще влажны были половицы. У порога вместо коврика зеленые ветви хвои.

Она вышла навстречу в голубой вязаной кофте, еще тоньше, стройнее была в ней, лицо чуть бледное, с подкрашенными губами. Кудато вдаль посмотрела, и свет неба тепло подсинил ее глаза.

— Хотите чаю? — сказала она.

— Как вам сказать... Я его просто не люблю.

— А если он такой необыкновенный, со смородиновым вареньем, и я вам расскажу, как я собирала эту смородину?

Алексей не мог и представить, как это он будет сидеть с ней и пить чай.

— Что ж, тогда скорей на дорогу. Я люблю ездить,— сказала она.

Мотоцикл у Алексея без коляски. Поля сидела сзади.

— Как на крыльях летим! Полетим вон в ту даль. Интересно, что там? Я иногда гляжу туда и думаю: что там? Какие там люди? — говорила Поля.— Вы оттуда, и с вами запах той дали.

Начались леса — та самая, прежде как дымом скрытая даль.

Вокруг белые зарева березников. Алексей давно заметил, как от этого березового света лицо человека становилось красивее.

Он остановил мотоцикл, привалил его к березе. Поля взглянула на Алексея, а он на нее и увидел в ее глазах удивление, она еще смелее посмотрела на него.

— Тут так хорошо. Мы приехали в эту даль,— сказала она.

— Есть другая даль — годы. Как хочу, чтоб таким светом они встретили и меня и вас!

— Я не загадываю. Я рада этому дню.

Это — счастливое начало истории Алексея Завьялова. Под воскресенье подкатит он на мотоцикле к школе. Поля ждет, выйдет на крыльцо, яркая, веселая, сядет за спиной Алексея — и понеслись с ветром до другой ночи.

Приютятся где-нибудь на берегу. В реке — небо, будто на краю мира, над бездной, сидят. А на той стороне словно другая земля: там тише, таинственнее, по грани раздола сочится от травы зеленый, с голубизною свет.

А ночью мреют в реке огоньки с чистой прозеленью — это звезды.

— Ты вот такая звездочка была для меня,— сказал Алексей.— И как только ты так счастливо упала ко мне!

Прижалась она щекою к его плечу.

— Неужели так будет всегда, Алеша? Мы будем вместе? Я даже чего-то боюсь, даже капельку от нашего счастья потерять боюсь. Капельку? Вдруг все пройдет? Ведь и у ясного дня вечер бывает.

— Вот и не вечер — ночь, а такая красивая, тихая. Я слышу, как ресницы у тебя потрескивают, а днем не слышал, и волосы твои сейчас от ночи смородиновым листом пахнут.

VIII

Настоящее не уходит, оно ждет нас впереди, чтоб еще сказать о себе правду.

Эту правду и довелось узнать Алексею, но не в тот день, когда он повез старшего лесничего Терехова Сергея Егоровича к Дымову. Дымов — лесник. Терехов любил бывать у него.

Ехали по старой, но ближней дороге, запруженной кустами иван-чая. Под тележкой плеск листвы, стебли, намотавшись на ступицы, рвутся с глухим, отдающимся в земле звуком, ободья мокры от сока, позеленели.

Заросла дорога, и недавно, с тех пор, как стал останавливаться московский поезд на ближней станции, в эту сторону с Угры уж никто не ездил.

А широка была дорога, по праздникам пыльная, яркая, цвела ромашковыми и рябиновыми платками среди жарких елей.

Теперь не узнаешь: потемнела, скоро тропкой станет и совсем потеряется среди чащин, и только кое-где прорезанные до песка колеи будут размыкать траву россыпью седого следа.

Терехов в брезентовом, как и у Алексея, плаще, в кепке, надетой по давней привычке чуть набок. От козырька тень на освеженном загаром старящемся лице.

Ехали к Дымову и думали о нем.

— Рассказывают, прекрасно он на гармони играл, завораживал своей игрой,— сказал Терехов.— Знаете, в связи с чем я об этом вспомнил? Не оттого ли, думаю, в их деревне и люди хорошие, с настроенным его игрой сердцем? Ведь может так быть? Настроил он своей игрой сердце, и чутко, по своему тону ищет оно себя в другом сердце. Не обманет этот тон на любовь, на дружбу. А от настоящей любви дружные семьи. Признаюсь, я всегда с охотой еду к ним и уезжаю помолодевшим, проветренным. Это от людей, от какойто их свежести... Ты давно у него не был?

— Давно.

— Прошлым летом у него один художник жил. На память Дымову небольшую свою картину оставил. Я тебе ничего не буду говорить. Сам увидишь.

Дымов встретил их в проулке, будто ждал: рубаха белая под ремнем, сапоги начищенные, выбрит.

— Рад, что вижу тебя,— сказал он Алексею. Обнял его одной рукой, другой лишь притронулся; пожал ее Алексей крепко, холодная она, погасила рана ее колдовскую силу.

— Не стареешь ты, Федор, ей-богу! Что за секрет? — сказал Терехов.

— Жена не велит стареть. Говорит, и так ты меня не в полную меру, одной только рукой обнимал.

Вот и жена его. Наспех прихорошилась, надела цветастую кофту, едва они вошли, поправила волосы, черные, гладкие, свитые в толстую косу, совсем молодая. Это вторая жена у Дымова. Первая пропала в войну: понесла хлеб партизанам и не вернулась, никто и не знает, как погибла она.

— Милости просим к нашей хлеб-соли. Без гостей-то уж и заскучали,— сказала хозяйка и раскрыла дверь в горницу.

Окна горницы прямо в лес. Грачи со скрипом кричат на березах в розово разогревшемся от заката воздухе. Продувает прохладой с сырым и чистым запахом ландышей.

Что-то остановило Алексея, мигнул на стене какой-то огненный отблеск. От неожиданности не сразу и понял, что это была картина — стая летящих журавлей с красными от зари крыльями.

Давно все за стол сели, а он от журавлей оторваться не мог и лишь посмотрит на дорогу на этой картине, вдруг что-то яркое и сильное тронется в небе: они летят, летят, эти огненные журавли, и когда глядел он на них, чудилось уж другое — дрожание зари на дороге с малиновой и прозрачной от неба водой в колеях.

Краски свежи, как вымыты дождем, и похоже, что через нахоложенное утром окно видел он этих журавлей над росисто-зеленым лугом.

«Как летят! А сядут на землю и не узнаешь: они ли это летели?» — подумал Алексей.

— Каково! — восторженно сказал Терехов.— Они, дорогой мой, и после нас будут лететь. Мечту, силу, зарю на крыльях несут. Это тончайший свет, который осветлит и темные уголки нашего сердца. Каков человек! Оставил эту картину в избе на память. Значит, еще большее может, это еще не то, что хотел бы всем на память оставить.

— Два лета у меня жил, — сказал Дымов, — так полюбилось. Да вот опять едет, письмо прислал. Жизлин — фамилия, Павел Андреевич.

Жизлин!.. Алексей знал одного человека с такой фамилией и, когда уезжал от Дымова, сказал ему:

— Если приедет художник к тебе, спроси: не знает ли он комвзвода Завьялова?

IX

Вот и день свадьбы. Ночью прошумел дождь с грозою. А утром замарило теплом от земли. Яблоня расцвела, зазвенела тихонько от пчел, завившихся в ее холодном бело-розовом царстве.

В белом платье Поля была, в туфельках на загоревших ногах. На груди, во впадинке, пучок ярко-красных гвоздик с луга, и раз Алексей заметил, когда она наклонила голову, поправила эти гвоздики, они нежно озарили ее лицо.

Последние часы невестой сияет. Выйдет на крыльцо завтра жена, молодая хозяйка.

На всю жизнь такой день, как падучая звезда, сверкнет и погаснет.

К вечеру съезжались гости. Столы в избе стояли и в проулке. Заходи с дороги: раскрыта калитка всему свету.

В проулке и танцевали: в избе тесно было. Был на свадьбе Балмасов с Франей — своей хозяйкой. Сперва с ней танцевал, а потом Полю пригласил с улыбкой, с поклоном. Одет он был в черный костюм, под пиджаком рубашка белая с галстуком клюквенного цвета.

Пошла она с ним, закружилась, как тогда у клуба. Он что-то говорил ей, смеялся. Может, про тот вечер вспоминал? И вдруг тревожный холодок пронзил Алексея. Вот оно, счастье, пугливо, как огонек на ветру. Но улыбнулась ему Поля из-за плеча Балмасова, и опять чисто, хорошо на душе.

Так случилось, что Алексей с Балмасовым остались вдвоем за столом в избе: все гуляли в проулке и даже на дороге.

— Отважно ты ее полюбил,— сказал Алексею Балмасов.— Я по ночам не спал бы, думал: найдется какой лучше меня, и от ее красоты такие ей слова скажет, что погасну я, как какая-нибудь искра перед его огнем. Не думай, что я тебя до какой-то искры принизить хочу. Может, ты для нее самый яркий огонь на свете? Помнишь, я тебе про одну говорил? Так вот это она и есть. Я даже счастлив мгновениями, что хоть взглянуть могу на нее, хотя в свое время в кино ручку ее держал с трепетом более счастливым. Не подлые тебе слова говорю, а как другу, душу тебе открываю. А уж какая она, моя душа, не виноват, не в лавке ее выбирал. Как и все мы, от случая завелся на земле и живу.

Алексей ему ничего не ответил, он и не знал, что сказать, так он его удивил.

— Поднимем, Завьялов, эти граненые стаканы за ее красоту!.. А сейчас пойду с Франей танцевать, с хозяйкой своей,— сказал он.— Сильнее бога я для нее, раз могу дать ей счастье. Счастье — смачное, между прочим, слово. Скажешь, и как будто ягодка какая во рту брызнула. Счастлив и голодный, доставший кусок хлеба, и богач, положивший в сейф новый миллион. А ты сегодня и без миллиона счастливее всех... Отличная у тебя клюквенная! Какой-то морозец есть в ней!.. Что-то я тебе еще хотел сказать? Да! Я поломал бы ей крылья, чтоб спать спокойно, не боясь, что наяву или в мечтах улетит от меня.

— Ладно, Балмасов. Давай гулять сегодня.

— Молчу! Только на вино буду раскрывать рот.

Вошла Франя в прозрачной кофте, чуть лишь затенявшей ее молочно-белые плечи. Балмасов тяжело подошел к ней, поцеловал ее руку.

— Вот и дожила до божьей милости. Спасибо, Вадим Николаевич, хоть осчастливили,— сказала Франя.— А может, милость свою другой подадите? Мне она не нужна.

Она отдернула руку и, смеясь, обмахнула ее платочком.

— Простите, уважаемый бог, что случайно ваши слова слышала. А то и любила бы ложь, как чистую правду.

— Чистая правда! А так ли уж она приятна для иной женщины при ярком свете дня?

Балмасов налил в рюмки вина.

НЕОКОНЧЕННЫЙ ЗАПЕВ

Алексей **МАРКОВ**

Отцы

Все оставляют, уходя,
Отцы в наследство сыновьям:
Траву в накрапинах дождя,
Необозримый звездный храм,
И цвет волос, и зоркость глаз,
И неоконченный запев,
О времени своем рассказ,
К врагам неутоленный гнев,
Любовь с печалью пополам,
Садов трепещущую тень...
Но главное — в наследство нам
Дается вера в лучший день.

Руки

Как будто коренья
На сгорбленных скалах,
На острых коленях
Спят руки устало.
В ожогах, порезах,
Бугристы, безмолвны,
Крепки, как железо,
Покорны, как волны...
В суровых ушибах,
Порою незрячи.
Горят от ошибок,
Горды от удачи.
Не скупы на ласку,
На подвиг готовы.
В жизнь выведут сказку
И выгнут подковы.
Прямы, бескорыстны.
Работа им — отдых.
Здоровье Отчизны —
Как хлеб им, как воздух.
Они терпеливо
Всё вынесут, сдюжат:
Заводам и нивам
Служили и служат.
И жилы — канаты,
Не больно красивы.
Сильны, узловаты,
Как реки России.
И вы, кто за партой
Проходит науки,
Смотрите на карты,
Смотрите на руки!

Петушок

В деревне вспыхнули огни
В один прекрасный вечер.
Концом серебряным они
Спустились за заречье.
И начинающий петух
Закукарекал лихо,
Но скоро голосок потух,
И снова стало тихо.
Бедняга! Принял за рассвет
Электросвет.

Франя подняла рюмку.

— Всех других хахалей под мои лета жены жалеют, а мне мой чертов муж дорогу перебил, некого и жалеть, кроме своего жильца на опустевшем курошесте.

Гуляет свадьба. Потащили Алексея к столу в самую жаркую компанию. Тут его дядя Лаврен. Поцеловал он Алексея, усы вином и махоркой пахнут.

— С молодой набудешься, с нами побудь! Мать четверть с бражкой поставила.

— Опасный, между прочим, напиток,— дядя Лаврен говорит.— Пью и вспоминаю всегда один курьез с этой бражкой. Тоже на свадьбе было и вот в такую пору, отличие только в лицах. Гость я какой? Свойский. Пригласили меня пораньше для некоторой помощи. Я готов. Но раньше помощи, как это водится, нюхнул немного, чтоб не терпеть. Пока что еще с устойчивостью в ногах перетащили из чулана первым делом бутыль с бражкой. И так мне пришлось, что пробка в этой самой бутыли нос мой так и ищет. Сипит из-под пробки, не дай бог, думаю, вдарит. Не только тут нос, а и голову оторвет. Таланту хоть в ней и нету, а все-таки неприятно, как жена будет плакать. Трясусь весь, а возмогаю над своим страхом. Впятером втащили мы эту бутыль в избу. Возле печи в простенок ее и поставили. Торжество началось. Пьем, жениха с невестой поздравляем и вдруг... взрыв, изба сотряснулась, чад какой-то пошел, песок с потолка посыпался. Туман в избе. Крики, женщины визжат. Кто ее знает, может, мина какая с войны под избою была и сработала от такого количества народа! В дверях давка, спасения все ищут. Тут голос жениха раздается: «Братцы, да это же бражка наша патент свой дала!»

Точно. Знакомая мне пробка на полу лежит. Порядок восстановили. Угомонились кое-как. Сели все за стол, смеются. Жених мокрые от бражки волосы причесывает: окатило его. Глядь, очки чьи-то в яешне. Счетовода Семена Ивановича очки. Самого нет. С края, на лавке, он сидел, пусто там.

«Очки здесь, а его, может, куда отдельно отнесло таким взрывом?»

Смех, конечно, шутки после такого потрясения. Слышим — стон. Не разберем и откуда.

«Здесь я, люди»,— голос Семен Иванович подает.

Заглянули под печь, а он там: со страха туда заскочил, никак не вылезет. Книзу-то он поширше был. И так прилаживались и эдак, никак эта самая ширь дальше пояса его не пускает.

«Ладно,— говорим ему,— ты пока тут побудь, вспомни что-либо интересное из своей жизни, чтоб не скучно было, а мы подзакусим, и тогда со свежими силами возьмемся за тебя, возможно, и вытянем, если не перервем».

Закусываем, пьем и советуемся, как быть.

«Если сегодня не вытянем, то через недельку: малость он отощает, он и сам выпрыгнет».

Председатель возражает:

«Как это я без счетовода буду, у меня ревизия завтра! Хоть трактором, а сегодня я его непременно выкорчую оттуда».

«Ничего, он и под печью всякие бумажки будет подписывать».

Голос он свой совещательный подает из-под печки:

«Вы уж про бумажки не думайте, гуляйте пока, а я тут буду гулять, места тут хватит на одного, бутылку мне сюда дайте да закусывать чо, и отвлекать вас не стану».

«Нельзя тебе, Семен Иванович: аппетит у тебя разыграется от бутылки, а есть тебе в твоем стиснутом положении нельзя».

Подзакусили мы и снова за Семена Ивановича взялись. Тут он и вовсе застрял: ни на волю, ни под печь. Решил я: раз он от страха туда проскочил, то страхом, может, как и вытолкнет.

Я и говорю:

«Ты, Семен Иванович, весьма осторожен будь. Я молчал, но должен правду сказать. Замри там пока, не дыши. На этой печи знак был, да затерли его».

«Какой знак?» — спрашивает.

«Ты,— я говорю,— только не бойся, я только так предполагаю. Мы сейчас в воинскую часть позвоним, приедут люди, проверят, есть там бомба или нет».

Как он дернулся — здесь! Приветствуем все за столом его освобождение. Выпил он и говорит:

«Удивили вы меня. Нацелился человек к двери бежать вместе со всеми, в коллективе хотел быть, а ведь взял кто-то и отпихнул локтем на такой скорости. Хорошо, что я в эту дыру под печь завернул, а ударь бы в стену? Смерть! Форменное убийство. Так что в другой раз имейте это в виду. Прежде меня выпустите, а потом уж и давитесь в дверях, трусы вы несчастные, такую панику подняли из-за какой-то бражки! Да в такую тесноту и водородная бомба упади — рваться ей некуда, только бы пшикнула, как спичка в дурном воздухе».

Посмешил всех своим рассказом дядя Лаврен. Тесно за столом, хохот.

— Гармонист! Гармонист!.. — кричит дядя Лаврен.— Иль ты заснул на своей гармони, как дома на подушке?

Гармонист, паренек еще, улыбнулся, приклонил голову к своей гармони, и запела она своим голосом, как живая, чуть с грустинкой, тягуче.

А где же Поля?

Алексей нашел ее у реки. Сидела она на поваленной ветле. Из старой коры ее воскрес тоненький побег, он блестел от росы, мокрые листья его источали нежную горечь.

— Куда ты делась? — сказал Алексей и встал на колени на песок, прижался счастливо к ее рукам.

— Куда же я денусь? Я жена твоя, теперь без тебя, как травинка без корня.

X

Травы поспели — пора покосов. В школе давно каникулы, Поля дома, а Алексей отпуск на неделю взял.

Вдвоем за реку косить и ушли. Хлеба взяли с собой, крупы, луку венок, сала в просолившейся холстине, чугунок.

На покосах шалаш поставили. В нем и ночевали: до дома семь километров было.

Далековато забрались, но какая трава — и с кашками, и с донником, и с горошком, что фиолетовым цветком цветет,— не пройдешь. Все сплелось, мелькают солнечные спицы среди стеблей, и только в глубине тень и роса, до жары там сырой холодок.

Намахается косою Алексей так, что одна услада прилечь где в тени. Ляжет среди этой шири, синева глаза ломит, больно смотреть в такую даль, разреженно дымятся там облака, как сотканные из паутины. А закроет лицо кепкой — плывет зеленый свет травы, спит и не спит, тишина, как во сне, покой, все тревоги в нем тонут.

Лежал так-то раз Алексей, руки раскинул, таял под горячей спиною росистый холодок травы... Шаги на дороге. Дорога лесная, в вереске, в покос только по ней и ездили: сено с дальних лугов возили. Ближе шаги... Но вот затихли, и снова зашуршал вереск под ногами.

— Не скажете, где тут Завьялов косит? — негромко спросил мужской голос у шалаша. Там Поля сено ворошила. «В лесничество, конечно, требуют: приехал кто-нибудь или вызов на совещание. Пока погода, покосить бы»,— подумал Алексей.

Поля подошла к нему, склонилась. Зелень в ее глазах то меркла, то разгоралась в отсвете колышущейся под ветром травы.

Алексей погладил ее голую до плеча упругую руку в прохладной испарине.

— До чего ж прохладная!..

Она смотрела куда-то в сторону шалаша, чуть повернув голову с прозрачной, как крыло стрекозы, косынкой, золотился от солнца пушок на выгнувшейся шее, плавно сбегавшей к тонким плечам с быстро-быстро пульсирующими тенями во впадинах — там, где ключицы.

— Спрашивают тебя, Алеша,— как-то сдерживая дыхание, сказала Поля.

Неподалеку от шалаша стоял человек в зеленой с белыми клетками рубашке, в коричневых спортивных брюках, стянутых над запыленными крепкими ботинками. Голова совсем седая, а лицо юное с серыми задумчивыми глазами. Он посмотрел на Алексея, на его лицо в рябинках, на лоб с матовым мазком цветочной пыльцы, на волосы, рыжина которых выгорела от солнца и посветлела, и вдруг с задрожавшим от слез блеском глянул куда-то вдаль. Тоска пронзила Алексея от этого его взгляда, он что-то вспомнил, как будто где-то видел эти глаза... Где? Жизлин!..

— Жизлин! — откликнулось рядом в лесу

Окончание следует.

Ф. Рокотов. ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО В ТРЕУГОЛКЕ. Начало 1770-х годов.

Государственная Третьяковская галерея.

Неизвестный художник круга Ф. Рокотова. ПОРТРЕТ А. Н. НАДАРЖИНСКОЙ. 80-е годы XVIII века. Музей-усадьба Мураново имени Ф. И. Тютчева.

ЗВЕЗДЫ НАД ДУНАЕМ

4 апреля — национальный праздник венгерского народа. Шестнадцать лет тому назад, в памятную весну 1945 года, советские войска завершили освобождение территории Венгрии от гитлеровских захватчиков и их хортистских прихвостней.

Еще дымились пепелища Будапешта, еще были залиты водою угольные шахты, еще не легла ржа на сотни брошенных фашистами танков у берегов Балатона, еще брели к своим очагам тысячи узников, освобожденных нашими войсками из фашистских лагерей смерти, а над израненными снарядами и осколками бомб зданиями, над заводскими воротами загорались красные звезды: венгерские коммунисты, прошедшие долгий и суровый путь борьбы, призывали народ строить новую жизнь, свободную от пут капитализма, от гнета земельных магнатов.

Венгерской Народной Республике есть чем гордиться: опираясь на братскую помощь стран социалистического лагеря и в первую очередь на помощь Советского Союза, Венгрия стала государством передовой промышленности. А в сельском хозяйстве окончательно победил социалистический сектор.

За годы народной власти промышленное производство Венгрии увеличилось в четыре раза. Около 90 процентов пахотных земель принадлежит ныне крупным социалистическим предприятиям — государственным хозяйствам и производственным кооперативам.

В нынешнем, 1961 году, после успешного перевыполнения трехлетнего плана, страна приступила к осуществлению своей второй пятилетки. Этот план предусматривает дальнейшее расширение и значительную модернизацию социалистической индустрии. Венгрия будет давать все больше электротехнического оборудования и судов, обуви и тканей, изделий из «венгерского серебра» — алюминия.

План развития венгерского народного хозяйства предусматривает строительство 250 тысяч квартир.

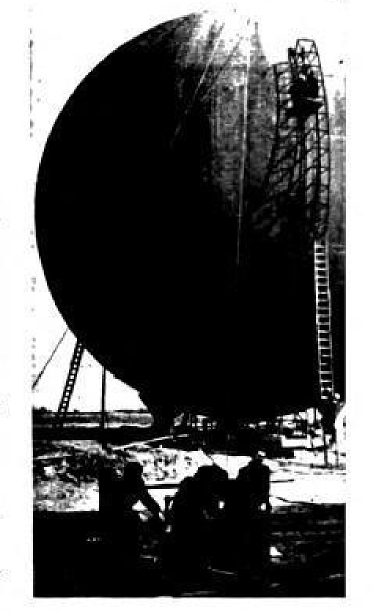
В первых рядах борцов за выполнение и перевыполнение плана идут бригады ударников социалистического труда. За это почетное звание соревнуются уже тысячи и тысячи шахтеров и машиностроителей, сталеваров и нефтяников, обувщиков и электриков.

Нынче в народной Венгрии праздник. Всюду полощутся флаги — над башнями древних графских замков, ставших детскими здравницами, над светлыми жилыми корпусами молодых городов республики — Сталинвароша, Орослани, Комло, Тисапалкони, над цехами Красного Чепеля...

А вечером над древней Будой и красавцем Пештом вспыхнет пламя праздничного фейерверка. В волнах Дуная отразятся сотни ярких звезд, таких же, что впервые зажглись над страной шестнадцать лет назад.

С праздником, друзья!

В. ИЛЬИН

→ Подымаются ввысь новые резервуары для газа на Тисавидекском химическом комбинате.

Поль Робсон: «Мои планы? — Борьба»

Телефон звонит, не умолкая. Все хотят видеть Робсона, все его ждут к себе. Говорят с заводов, из школ, из редакций газет, из театров.

Робсон улыбается и разводит руками: ему хочется побывать везде, но это, к сожалению, немыслимо. Даже в Советском Союзе, где наука делает чудеса, еще не научились увеличивать сутки. А двадцать четыре часа — это ведь так мало!

Мы сидим в номере гостиницы «Советская». Поль Робсон говорит. Говорит взволнованно, ярко, по-робсоновски. Этот человек и равнодушие — два противоположных полюса. В хорошо знакомом, неповторимого тембра голосе звучат то большая, задушевная теплота, когда Робсон делится московскими впечатлениями, то горечь и гнев, когда он вспоминает о тех, кто угнетает человеческое достоинство африканцев, австралийских аборигенов, негров Америки.

— Я приехал сейчас без какой-либо определенной цели, — рассказывает Робсон, — просто сказать «хэлло» моим советским друзьям. Ну и, конечно, было уже много приятных встреч. Встреча в редакции «Известий» — одна из них. Особенно радостно было видеть молодую поросль советских журналистов. Я спел несколько песен, потом мы долго говорили. О борьбе советской молодежи за мир, о ее участии в строительстве коммунизма, о подвигах на целине. Говорили и о музыке, о негритянских народных мелодиях, о джазе. Так что диапазон беседы, как видите, был очень широк.

Поль Робсон рассказывает, что он побывал в Большом театре, у вахтанговцев, с интересом смотрел «Балладу о солдате».

— Конечно, я ездил в Университет дружбы народов. Мне хотелось встретиться со студентами из африканских стран, но не только с ними, а и с молодежью Азии, Латинской Америки. Эти юноши и девушки, представители разных народов, увезут с собой из Москвы не только превосходные знания, но и, что очень важно, чувства уважения друг к другу. Университет выполняет благородную миссию. И мне было радостно слышать слова ректора о том, что моя супруга сыграла известную роль в его организации.

— Вы только что приехали из Австралии, — спрашиваю я. — Была ли это гастрольная поездка?

— Не совсем, — отвечает

Робсон. — Видите ли, в этой поездке мои выступления как артиста сочетались с работой политического деятеля, представителя движения борцов за мир.

У меня было несколько концертов. Собственно говоря, это не совсем правильное название. Я сам называю свои концертные выступления встречами с публикой. На таких встречах я исполняю песни, читаю стихи, высказываю некоторые свои мысли о музыке, в частности о народной музыке. «Огонек» уже писал о том, что народные мелодии и ритмы — мое большое увлечение.

Меня знают в Австралии и Новой Зеландии по граммофонным записям, по фильмам, сделанным двадцать — тридцать лет назад. Теперь хотели меня видеть и слышать. Я дал четыре концерта, а мог бы — четырнадцать. Интерес был очень велик, каждый раз — аншлаг.

Но одно было очень огорчительно. — Робсон сразу мрачнеет. — Я встретился там, на пятом континенте, с отвратительным явлением, известным по Африке и Америке, — с расовой дискриминацией. Если положение маори, коренных жителей Новой Зеландии, можно сравнить с положением негров в северных штатах США, то ситуация, в которой находятся австралийские аборигены, просто ужасна. В отношении их применяется открытый геноцид. Мировая общественность должна вмешаться, сказать свое слово.

Я намерен еще раз поехать в Австралию. Буду сниматься в фильме, устраивать концерты. Сборы пойдут в пользу бедствующего коренного населения. Я это делал в Африке, сейчас хочу повторить в Австралии.

— Расскажите, пожалуйста, и о других ваших планах на будущее.

— Ближайшие планы, — говорит Поль Робсон, — связаны с приглашениями выступить в начале лета в социалистических странах — Германской Демократической Республике, Венгрии. Потом я хочу побывать в Гане, возможно, в Гвинее и в других государствах Западной Африки. Я получил приглашение посетить Кубу. Все это очень интересно, но не представляю, как успеть.

Вы знаете, что в течение многих лет я был лишен возможности заниматься творческой деятельностью. Но теперь моя работа продолжается.

Уже в 1958 году, когда я получил паспорт от госдепартамента, американские слушатели перестали бояться ходить на мои концерты. Я снова обрел американскую публику. Это было очень важно, и не только для меня, но и для многих других негритянских артистов, которых всячески притесняли. Нужно было показать всем, что те, кто хотел заставить меня замолчать, проиграли, что я снова выступаю, что я снова на ногах. А то негры говорили: «Что сделаешь, раз даже Робсон молчит!»

В Англии и Шотландии, — продолжает свой рассказ Робсон, — публика встретила меня как доброго знакомого. Принимали очень тепло.

Роль Отелло, сыгранная в Стратфорде, — это высшее, что я сделал, как актер. Я подхожу сейчас к такому этапу своего пути, когда могу сказать, что все, о чем я мечтал, как артист, свершилось. И остаток жизни мне хочется посвятить тому, чтобы и в политической деятельности добиться возможно большего. Я хочу отдать все свои силы борьбе за свободу Африки, за свободу американских негров, потому что негры в Америке не свободны, за свободу австралийских аборигенов, за свободу всех людей, страдающих от угнетения.

Поль Робсон пишет в мой блокнот слова привета читателям «Огонька». Потом, отложив в сторону авторучку, говорит:

— Все мои встречи с советскими людьми были исключительно сердечными. Для меня большая честь — вновь побывать на советской земле. Это обогащает меня мыслями, дает новые силы. Советский Союз — грандиозная страна, без которой борьба за мир, за свободу невозможна. Эта борьба — смысл моей жизни. И я говорил и снова говорю, что был, есть и буду другом Советского Союза, советского народа. Спасибо советским людям за то, что они такие, какие есть.

Г. ГУРКОВ

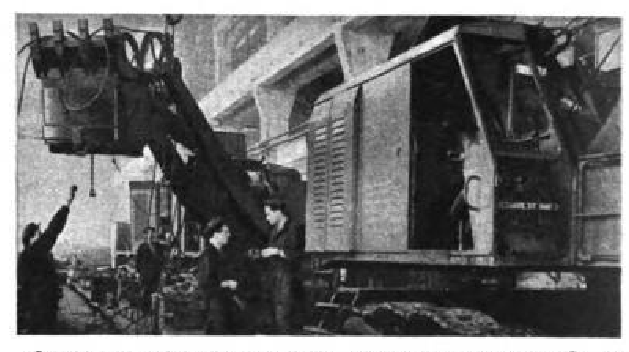
РУКА ДРУЖБЫ

Наша страна помогает молодым независимым государствам Азии и Африки строить национальную экономику.

На Цейлоне советские машины ведут наступление на джунгли. В Йемене вступил в строй порт Ахмеди, отстроенный под руководством советских инженеров и техников. Символами дружбы стали Бхилаи и Асуан.

На площади перед Бхилайским металлургическим заводом будет воздвигнут обелиск в честь сотрудничества советских и индийских рабочих и инженеров.

Советская техника отлично зарекомендовала себя на строительстве Асуанской плотины. Экскаваторы серии Э-652, выпускаемые на Ковровском заводе, пойдут на эту гигантскую стройку.

Фото В. Кошевого и Н. Акимова (ТАСС).

Вмешательство „Made in USA"

Соединенные Штаты Америки продолжают вмешиваться во внутренние дела Лаоса. К индокитайским берегам направляются корабли 7-го флота США. В Лаос срочно перебрасываются самолеты, вертолеты, артиллерия, стрелковое оружие, изготовленное в США.

Мятежник Носаван использует для транспортировки своих войск американские самолеты.

Фото Джапан Пресс.

ТАЙНА ИГОЛЬНОГО УШКА

Мария РОСИНЬСКА

Я решил сам пришить пуговицу к своей курточке. Взял иголку, нитки и молоток. Правда, молоток понадобился потом, когда оказалось, что без него никак не обойтись. Началось же все с иголки и нитки. В одной руке иголка, в другой — нитка. Может, вы видели когда-нибудь, как это делается? Ничего сложного: просунуть нитку через ушко — и конец. А у меня никак не просовывается. То нитка уползает вправо, а игольное ушко отклоняется влево, то ушко уходит вправо, а нитка — влево. Тогда я подумал, что дело пойдет лучше, если ушко будет стоять неподвижно. Вот тогда-то и потребовался молоток: я вколотил иголку в стул.

Ну, теперь ушко не шевелится. Берем нитку, но вдеть ее оказывается еще труднее: сверху не видно игольного ушка. Как уж я ни крутился вокруг стула на коленях, ничего не выходило. Даже увеличительное стекло не помогло. Как же так? Ведь я часто видел, как мама всегда очень легко вдевала нитку. Может быть, здесь есть какая-то тайна и мама знает волшебное слово?

Но мама только улыбнулась, когда я попросил ее научить меня этому слову. А сестра Зоя прыснула со смеху. Не хотите — не надо. Могу обойтись и без волшебного слова.

И что вы думаете, не прошло и часа, как я вдел нитку!

Можно браться за шитье. Однако не тут-то было. Через дырочку в пуговице иголка прошла свободно, а в ткань не полезла. Оказалось, что сломан кончик иголки.

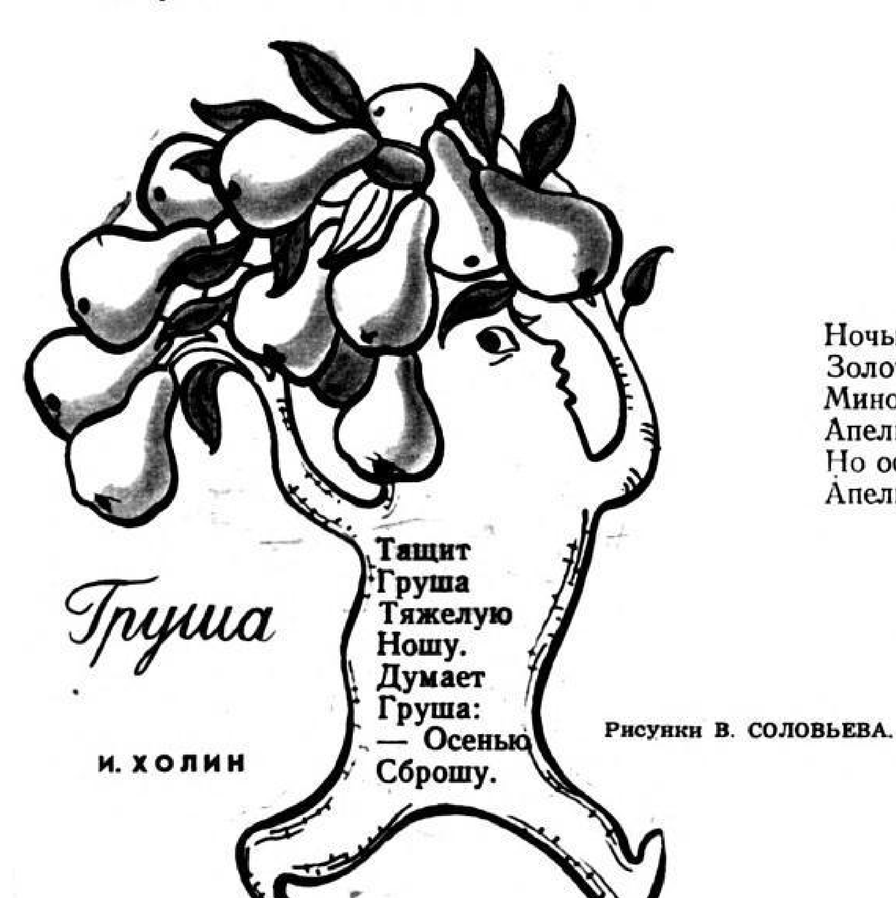
Что делать?

Опять пришлось пускать в ход молоток. Стукнул иголку молотком — вошла! Не только в курточку, но и в стул. А как же иначе? Если держать курточку на весу, то нельзя ударить молотком. Раскачал и вытащил иголку из стула. Она как будто стала еще короче. Дальше иголка с каждым разом укорачивалась все заметнее. Под конец от нее осталось одно ушко.

Не страшно. Пуговица пришита, можно надеть курточку. Фу ты, не надевается! Оказывается, я пришил пуговицу и к груди и к спинке курточки — насквозь. Должно быть, я неправильно уложил курточку на стуле.

И вот результат: столько хлопот, а курточку надеть нельзя. Нужно всю работу начинать сначала. Вдевать нитку... брр... вбивать иголку в курточку молотком... раскачивать и вытаскивать иголку из стула... Ну, уж нет! Пока мама не откроет мне тайны игольного ушка, я не буду больше пришивать пуговиц. И не только пуговиц — вообще не возьму в руки ни иголки, ни молотка с ниткой.

Перевел с польского Д. Шашурин.

Груша

И. ХОЛИН

Тащит
Груша
Тяжелую
Ношу.
Думает
Груша:
— Осенью
Сброшу.

Рисунки В. СОЛОВЬЕВА.

Загадка

Г. САПГИР

Ночью на небе один
Золотистый апельсин.
Миновали две недели.
Апельсина мы не ели,
Но осталась в небе только
Апельсиновая долька.

(Месяц)

Сказка про зайца,

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять.
Погулять хотел зайчонок,
Но на дереве галчонок,

Непричесанный, босой,
Закричал ему: «Косой!
Удирай ты, ради бога,
Волк выходит на дорогу!»
А ведь зайчик шел гулять.
Раз, два, три, четыре, пять...
Но уж на́ поле, в лесу ли
Мчатся чалые косули,
Лезет в логово барсук,
В норку юркнула лисица,
В пихте прячется куница,
Соболь пятится за сук.

Был зайчонок очень мал,
Ничего не понимал.
Удивился зайка,
Немогузнайка.
«Эка, — думает, — потеха!
И что оно зверям за помеха?»

Серый волк
Зубом щелк!
Выбежал лютый на тропинку,
Перешел Голодай на дорожку:
Любит он свежую дичинку,
Но таится дичина сторожко.
Только мой зайчишка не прячется,
Не прыгает, но и не пятится,
Да прикрыл его низкий сук —
Мимо прошел бирюк.
Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайка наш опять.
Был он прежде очень тихий,
А теперь гляди: силен!
Старой баушке-зайчихе
Говорит отважно он:

— Видел, бабка, бирюка:
Он седее барсука,
Но ведь есть богаче шубы —
Ну, хотя бы лисий мех.
Зубы? Да, большие зубы,
Но ведь зубы есть у всех!

Улыбнулась баушка
Детской простоте:
— Волчьи зубы, заюшка,
Те же, да не те.

— Те же, те же! — молвил зайка
Средь испуганной семьи.—
Эти зубы, почитай-ка,
Не длиннее, чем мои.

— Брысь! — ответил старый
Зай.—
В разговоры не влезай.
У зайчат, как у ребят,
По два зуба торчат —
Где уж нам с бирюком тягаться...

— Ох, трусишки, будь вам пусто!
Да поймите хоть сейчас:
Вы привыкли грызть капусту —
Волк приучен
грызть
вас.

На привычку есть отвычка.
Ты мне, деда, не перечь:
Даже маленькая спичка
Может полымя зажечь.

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять.
Вот кукушка на суку
Вскуковала всем: «Ку-ку!
Эй, зверята, дай бог ноги!
Волка вижу на дороге».

Ну, опять и там и тут
Звери прятаться бегут:
И лисица, и куница,
Бурундук, бурундучица,
Куропатка даже, птица,
Лишь один зайчонок мой
Не бежит к себе домой.
Заинька под кустиком посиживает,
Серенький по сторонам поглядывает,
Ухо струной,
Глаз озорной.
«Ну, — думает, — была не была!
Либо мне не дожить до бела,
Либо будет волку
На холку».

Серый волк
Зубом щелк!
Выбежал лютый на тропинку —
Любит он свежую дичинку,
А дичина из-за сука
Как бросится на бирюка,
Как вцепится ему в нос
Да хрясь его — что морковку!
От боли бирюк потерял сноровку —
Еле ноги унес.

С той поры, где волк ни ходит,
Лёжку заячью обходит,
Ухо где торчит струной,
Обегает стороной,
А за ним все волчье племя.
—Ах! — твердят.— Ну, что за
время:
Нынче и зайцы
Кусаются!

— Зачем надеваешь галоши! На дворе грязи нет.
— А я найду!!!

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

ГУТТУЗО ХОЧЕТ УВИДЕТЬ Д

Мартын МЕРЖАНОВ

Где мой Луиджи!..

Перед нами стоит рослый, красивый, крупный человек, с черными, чуть-чуть вьющимися волосами, с черными, живыми глазами и изогнутыми бровями. Легкие складки легли у его рта. Но когда смуглое лицо озарила улыбка, глаза заискрились огоньками.

Таким мы увидели в Риме художника Ренато Гуттузо.

Мастерская художника в доме № 22 на виа Кавура полна картин. Они стоят на мольбертах, висят на стенах, просто прислонены к стене или лежат на столе и диване, на мягких низких креслах... Я давно знаю и люблю творчество Ренато Гуттузо, поэтому так и стремился увидеть замечательного живописца. Его имя сейчас служит знаменем итальянского реалистического искусства, победно отражающего бесстыдные и оскорбительные нападки абстракционистов всех степеней и рангов.

Красивым, несколько гортанным голосом, какой у нас часто слышишь на Кавказе, Ренато рассказывал о своей жизни. Он родился в 1912 году. Детство провел под солнцем Сицилии, он рос среди лимонных и апельсиновых садов в местечке Багерия, под Палермо.

Отца Ренато звали Джиакино. Отец — землемер, был вольнодумцем, дед ходил под знаменем Джузеппе Гарибальди освобождать родную сицилийскую землю от ига испанских Бурбонов. Когда началась первая мировая война, Джиакино было 55 лет, и его не взяли в солдаты, но он работал в Комитете помощи вдовам и детям и все знал о судьбах багерийских солдат. Бедный дом землемера Гуттузо стал местом настоящего паломничества. К старому Джиакино шли люди всей округи.

— Где мой Луиджи?.. А что сталось с Педро?..

В самых далеких детских воспоминаниях хранит Ренато картину народного горя.

— Помню уходящие, сгорбленные фигуры, черные шали, глаза женщин, полные испуга и надежды, вздрагивающие плечи, плач детей... Он до сих пор слышится мне.

По узким улочкам Багерии шли нищие крестьяне, раненые солдаты...

Эти впечатления не прошли бесследно. Они повлияли на всю жизнь и мировоззрение Ренато.

В этом мы позже убедились.

Его учил сам Микеланджело

Кто знает, может быть, рассказы отца и деда о гарибальдийцах вдохновили художника на создание большого полотна «Сражение у моста Аммиральо». Эта картина передает трагизм борьбы и счастье народного подвига. И сколько бы вы ни смотрели на гордого Гарибальди, вскинувшего руку с обнаженной саблей и ведущего свои полки в бой; на вздыбленных коней, разбитые повозки, поверженные лафеты пушек, на убитых и живых солдат, осененных победным знаменем, — в этом реалистически написанном мире сражения вы обязательно почувствуете волнующую атмосферу высокой героической легенды, ощутите дыхание народной жизни.

Несколько лет назад Ренато Гуттузо выпустил альбом и предпослал ему введение. Вот строки из него: «Это недавние рисунки. Но я верю, что они завещаны мне моим самым глубоким и самым давним вдохновением. Происхождение их коренится в моем детстве, в моей родне, в моих предках-крестьянах, в моем отце-землемере, в лимонных и апельсиновых садах, в привычных моему глазу и моему чувству равнинах здешних поместий».

На родине художника, неподалеку от отчего дома, жил Эмилио Мурдало — мастер по росписи карет. Багерия славилась этим традиционным художественным народным ремеслом. И не случайно богачи Палермо, Мессины и Катании, не имеющие прав на гербы, тащили к Мурдало и его ученикам в Багерию свои экипажи, кареты, фаэтоны. Лучшие ремесленники расписывали тонкими кистями яркими красками кузова, высокие козлы, большие, кованные железом колеса. Преображенные кареты мчались по улицам сицилийских городов, вызывая восхищение талантами багерийских умельцев.

У этих умельцев получал первые уроки юный Ренато. Мастерская Мурдало была школой, где он познал азбуку живописи, увидел игру чистых, как южное небо, красок.

— Мне было десять лет, — говорит Гуттузо,— когда я понял, что ничем не могу заниматься, кроме живописи!

Престарелый отец Ренато полагал, что сын его будет судьей или адвокатом. Но даже после того, как юноша был определен в Палермский университет и приступил к изучению юриспруденции, Ренато продолжал писать картины и складывал их в чулане своей студенческой каморки.

И вот он прослышал, что в Риме открывается выставка художников Италии. Может быть, это было смело или даже дерзко, но Гуттузо отправил в столицу две свои картины. Вскоре он получил извещение, что его произведения приняты и будут выставлены для общего обозрения.

Это было решающим в жизни молодого человека и определило всю последующую судьбу художника. Юридический факультет в Палермо был брошен. Гуттузо появился в Риме, чтобы навсегда остаться в городе великой архитектуры, великого искусства. Его поразили Колизей и Пантеон, собор святого Петра, триумфальные арки, палаццо... Мертвые камни вдохновляли сицилийского юношу. В этом огромном, таком древнем и таком молодом городе юноша неустанно учился. В Сикстинской капелле его учил сам Микеланджело; в музеях он получал уроки жизнелюбия от Рафаэля и Тициана; на уличной площади он любовался колоннадой, созданной Бернини... Это были «его университеты», где он познавал науку о красоте.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ДЕВУШКА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ РИМА.

В борьбе за красоту

Однако не только великие мастера эпохи Возрождения учили Гуттузо. Его волновал Ван-Гог — темой социального протеста, Курбе — подкупающей правдой, и Жерико — драматизмом, и Сислей — светлой палитрой... Ренато привлекала не только техника письма и композиция рисунка, свет и цвет, но внутренний мир художников, который распознавался в их творениях.

Не так-то просто было молодому художнику разобраться во всех живых, манящих, подчас непонятных течениях в живописи. Увлекаясь их новизной, он то принимал, то отвергал их. Может быть, поэтому художнику удалось найти формы, которые не походили на формы его кумиров, но помогли создать свой, гуттузовский почерк живописного письма: рисунок — четкий, краски — яркие, мазок — смелый...

...Наша беседа давно изменила свое русло и уже не касалась воспоминаний о Багерии и Палермо, а увлекла нас на поле брани, где сражались армии художников. Гуттузо говорил с жаром. В отрывистых фразах, прерываемых недолгими паузами, во время которых наш собеседник, прищелкивая пальцами, подыскивал подходящее слово, мы чувствовали то страсть, то гнев, то юмор. Он говорил о

КРЕСТЬЯНЕ.

РУЗЕЙ

красоте жизни и красоте искусства. Говорил о том, что эту красоту нужно защищать с такой же одержимостью, с какой Микеланджело защищал от обстрела колокольню Сан-Миньято, свесив с ее карниза набитые шерстью тюфяки.

Теперь красоту уничтожают не ядрами!..

— Я имею честь представлять итальянское реалистическое искусство на постоянных выставках в Венеции,— говорит художник.— Но я там одинок. Доминируют абстракционисты разных стран. Правда, почва уходит из-под их ног. Перспективы абстрактной живописи исчерпаны. Им нечего больше сказать и нечего больше искать. Они живут «инерцией моды», за которую по инерции пока еще платят. Но они дошли уже до той черты, за которой нет дорог. Я беседовал с многими из них. Старики уже поняли, что стоят на краю пропасти, но у них не хватает мужества обернуться и крикнуть молодым художникам, которые пошли за ними: «Остановитесь! Пропасть!..» Они сами себе сооружают пьедесталы, но их монументов на этих пьедесталах не будет!

Гуттузо со страстью продолжает:

— Сначала они нарочито искажали реальный мир, затем они деформировали человеческую фигуру, а теперь вовсе разрушили ее...

И неожиданно спокойно наш собеседник закончил свой рассказ:

Ренато Гуттузо.

Фото автора.

— У художников есть единственная дорога — дорога реалистического искусства. Я имею в виду не натуралистическое отражение окружающего нас мира, не фотографию его, а реальный мир, преломленный в творчестве живописца, воспринятый его взглядом, умом и сердцем. Реализм — это всегда искания нового...

Самое большое желание

Художник показывает нам свои работы. В римской мастерской собрано не все. Часть картин находится в его мастерской Велян де Вареиз, часть — в Венеции; множество полотен увезено на выставку в Лондон.

Перед нами большая, еще не законченная картина на мольберте. На ней изображен рабочий с ребенком на руках. Это бедно одетый человек, смотрящий куда-то в сторону. Его взгляд так гневен, что кажется, он крикнет: «Почему голоден мой малыш?»

Рядом, на другом мольберте,— законченная картина «Плачущая женщина». У стены — работа последнего года войны: гитлеровский солдат стоит в луже крови, кровь на лице, на руках.

— Над чем я сейчас работаю? — переспрашивает Гуттузо.— Меня сейчас волнует тема толпы; я бываю на рынках, на площадях, изучаю различные виды «людского сборища», присматриваюсь к человеку, который, как я заметил, именно в толпе незаметно для себя свободно проявляет свои чувства, привычки, навыки. Я присматриваюсь к людям в моменты их мирной беседы и в минуты ссор, когда они открываются полностью. Вот мне и нужно это правдивое состояние. Некоторые картины с изображением толпы я уже отправил на лондонскую выставку...

Мы прощаемся.

— Весной я, возможно, приеду в Москву,— говорит художник.— Во всяком случае, это — самое большое мое желание!

Затем Ренато пишет на листке из блокнота:

«Друзьям «Огонька» посылаю самый дорогой, братский привет. Я хочу увидеть их поскорее.

Полный уверенности в будущем людей и искусства, желаю всего лучшего

Ренато Гуттузо».

К ПОМЕСТЬЮ.

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Затишье перед бурей

Из гостиницы «Москва» в пятом часу дня выходит молодой, всегда веселый человек в сопровождении своего друга. Они вместе совершают прогулку до Берсеневской набережной. Читатель, несомненно, угадает, о ком идет речь: конечно же, о Михаиле Тале и его секунданте Александре Кобленце.

Точно в это же время с противоположной стороны Москвы уверенным шагом направляется к Берсеневской набережной человек с сумкой в руках. В ней лежит термос с каким-то «таинственным» напитком. Читатель и на сей раз, бесспорно, узнает пешехода. Ну, разумеется, это Михаил Ботвинник! А в Театре эстрады уже расставлены на шахматном столике фигуры. Может быть, это те шахматы, которыми пользовались Таль и Ботвинник в прошлом году? Нет, не те. Прошлогодний комплект приобретен рижанами. Для них, страстных и бескорыстных любителей шахмат, комплект, которым игрался матч на первенство мира,— величайшая ценность. И, кроме того, ведь, пользуясь этими фигурами, добился победы их любимец Михаил Таль!

С волнением следят друзья и земляки Михаила Таля за его действиями в матч-реванше. Сколько он получает ободряющих телеграмм! Как хотели бы ему помочь многочисленные его болельщики! Пока, как известно, счет в пользу Михаила Ботвинника, но я уверен, что любой рижанин скажет: «Ничего, ничего, все будет в порядке!»

Если бы был жив французский шахматист Филидор, один из первых теоретиков, он, вероятно, был бы недоволен Талем. Филидор доказывал, что «пешка — душа шахматной партии». Таль же в четвертой и пятой партиях потерял почти весь пешечный комплект. Но при всем уважении к блестящим теоретическим познаниям Филидора надо отметить все же, что не всегда в шахматной партии Таль ограничивается жертвой пешек. Сколько раз мы видели, как он жертвует и фигуры. Однако на сей раз Ботвинник начеку и не дает возможности своему сопернику исполнить очередной «танец с саблями». Пока Таль скорее обороняется, чем нападает, и надо отдать должное его упорству, выдержке и искусству в защите трудных позиций.

С исключительной энергией и мужеством с первого же хода Михаил Ботвинник ринулся в бой. Какую большую подготовительную работу провел он за десять месяцев! Он показал, как надо работать, как надо готовиться к ответственным соревнованиям. Да, мы видим в этом году иного, не прошлогоднего Ботвинника. За десять месяцев он излечился от «цейтнотной болезни». Разве это не громадный успех для пятидесятилетнего шахматиста? Ведь ему удалось уже на старте несколько раз загнать самого Таля в жестокий цейтнот, Таля, которого Макс Эйве сравнивает по быстроте и безошибочности мышления с электронной машиной.

Итак, после первых трех бурных партий наступила пауза — три ничьих, но впереди, бесспорно, острая, захватывающая борьба. Эта пауза, конечно, лишь затишье перед бурей.

А. КОБЛЕНЦ,
секундант гроссмейстера М. Таля

Прошлое и настоящее

Михаил Ботвинник и Михаил Таль снова за доской. Снова миллионы любителей шахмат следят за борьбой двух сильнейших гроссмейстеров мира, а мне вспоминаются эпизоды давно прошедших дней...

Май 1935 года... Сижу в лондонском кафе с Эммануилом Ласкером, человеком, который в 1894 году победил первого чемпиона мира, легендарного Вильгельма Стейница. Беседую с человеком, который 27 лет с достоинством нес корону шахматного короля и, невзирая на свои 67 лет, занял призовое место на II московском международном турнире, не проиграв при этом ни одной партии.

«Железный Ласкер» в жизни вежлив и добродушен. Перед тем как высказать свою мысль, он смотрит куда-то вдаль, не выпуская изо рта неразлучной сигары.

— Многих удивляло, почему я сдал матч Капабланке уже после 14-й партии,— говорит Ласкер.— Официальная версия гласила, что меня победил тропический гаванский климат. Но не только в этом причина. Не желая умереть в нищете, подобно Стейницу, я требовал за свое участие в турнирах экстра-гонорары, и это бесило организаторов турниров. В подчиненной им печати меня бесконечно травили.

Ласкер замолк и, выпустив после короткой паузы новую струю дыма, продолжал:

— С каждым днем все больше чувствовал себя изолированным, одиноким, а вы знаете, что творческое одиночество — самое страшное. Вот почему таким благотворным оказался для меня климат Москвы. Когда в дни московского турнира просторные залы заполняли тысячи зрителей, мое сердце радовалось. Я не сомневался, что талантливый и трудолюбивый Михаил Ботвинник «опрокинет горы» — иначе просто не могло быть!

Передо мною другая картина... Английский курортный городок Гастингс в январе 1935 года... Только что закончился традиционный рождественский турнир... Поздно вечером в фойе одной из гостиниц группа шахматистов окружила тесным кольцом невысокого человека. Это гроссмейстер Сало Флор. Он рассказывал о шахматной жизни в СССР, о том, что шахматы вошли в быт советского народа, проникли на заводы, в школы, колхозы, Дворцы пионеров. Когда Флор сказал, что в клубах он видел лозунги с надписью: «Перегнать капиталистические страны и на шахматном фронте!»,— присутствующие переглянулись и иронически заулыбались. Это же утопия! Ведь Запад располагает такими силами, как Капабланка, Ласкер, Эйве, Решевский, Файн! Правда, печать пишет о Михаиле Ботвиннике, но здесь, в Гастингсе, этот спокойный и несколько замкнутый молодой человек ничего выдающегося не сумел показать, разделив всего лишь 5-е и 6-е места. Тут же разгорается спор, и Флор, наконец, не выдержав, сердито восклицает:

— Ладно, увидите, Ботвинник вам всем еще покажет!

И скептикам не пришлось долго ждать. Уже через несколько месяцев советский гроссмейстер ошеломил весь мир, поделив 1—2-е места с С. Флором и опередив большинство сильнейших гроссмейстеров Запада во главе с Ласкером и Капабланкой.

Москва, 1948 год... Колонный зал Дома союзов залит светом хрустальных люстр... Зрители, переполнившие зал, рукоплещут Михаилу Ботвиннику. Раздаются возгласы: «Браво, Ботвинник!» Все возбуждены, лица радостно сияют... А там, на сцене, главный арбитр закончившегося матч-турнира на первенство мира седой гроссмейстер Милан Видмар целует нового чемпиона мира.

И, вспомнив обо всем этом, я еще острее, глубже ощущаю историческое значение развивающихся событий. Итак, Михаил Таль снова скрестил шпагу с лидером советской шахматной школы Михаилом Ботвинником. Нам всем будет о чем вспомнить через год!

1912 год. Торжественное открытие Олимпиады в Стокгольме.

ВРЕМЕНА И ЛЮДИ

Стокгольм, 1912

В. ВЛАДИМИРОВ

Дорогая редакция! Прошу на страницах вашего журнала рассказать о первых русских олимпийцах.
З. ХАЧАТУРОВА
Чарджоу, Туркменской ССР.

Впервые русские спортсмены появились на Четвертой олимпиаде, в Лондоне, в 1908 году. Их было всего пятеро: один конькобежец-фигурист и четыре борца. Фигурист Панин-Коломенкин занял первое место. (Любопытно, что в 1940 году ему было присвоено звание заслуженного мастера спорта.)

12 июня 1912 года от причала петербургского порта отвалил пароход «Бирма». Это было судно специального назначения. Оно шло в Стокгольм, на Пятую всемирную олимпиаду, и везло 169 русских спортсменов.

Отъезд в Стокгольм большой спортивной делегации из России был заметным событием 1912 года.

Условия для соревнований сложились трудные. В Швеции стояла необыкновенная жара, доходившая до 50 градусов. Марафонский бег закончили только 24 участника из 62. Вдоль трассы стояли мальчики и поливали бегунов водой, но это только мешало. Португальский бегун умер, у двоих были тепловые удары. Победил представитель Южной Африки: ему жара была привычна.

Наиболее примечательным спортсменом из числа тех, кто представлял Россию, оказался борец Мартин Клейн — латыш. Ему предстояло встретиться с чемпионом мира финном Асикайненом. Еще на пароходе Клейн заявил: «Я скорее умру, чем лягу!»

На олимпиаде он боролся больше всех — семь раз — и не имел ни одного поражения. Его встреча с Асикайненом была поистине беспримерной. Выходя на ковер, Клейн невозмутимо заметил: «Асикайнена мне не положить, тем более что я устал после двух вчерашних встреч, да и рука очень болит... Ну, да, пожалуй, и он меня не положит...»

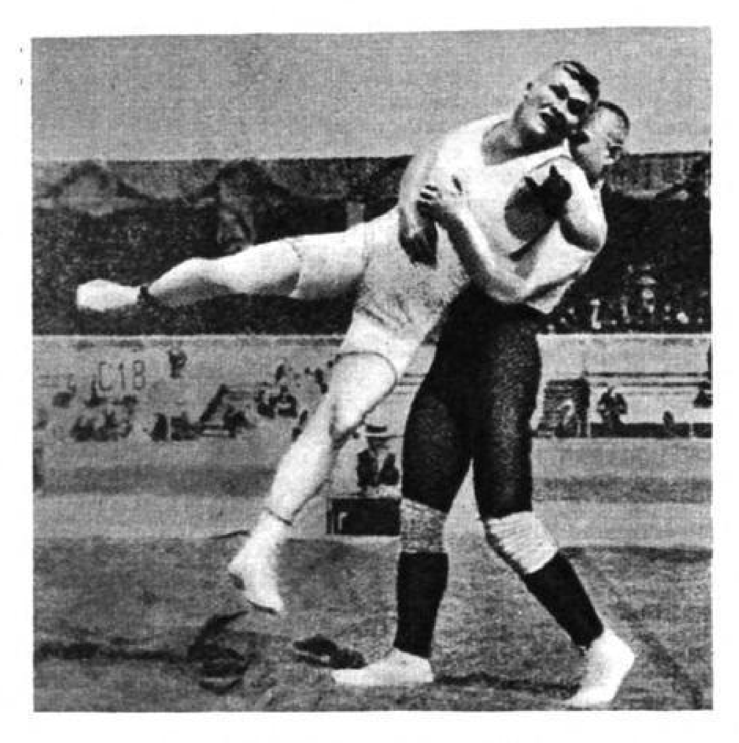
Русский борец довольно точно предсказал исход борьбы. Она началась в 10 часов 30 минут утра. Первые полчаса прошли в стойке, затем был перерыв по случаю воскресной обедни. Борцы снова взялись друг за друга в 11 часов 45 минут и боролись на нагретом солнцем ковре до 6 часов 30 минут вечера (отдыхом служила только минута после каждых 30 минут борьбы). В 6 часов 30 минут вечера стадион заняли для чествования иностранных спортсменов, и борьбу перенесли в здание соседнего манежа, предназначенного для верховой езды. В этот день температура воздуха колебалась между 40 и 50 градусами выше нуля.

В 7 часов вечера борьба возобновилась. Противники только держали друг друга за шеи или «хватали накрест». Корреспондент журнала «Русский спорт» сообщал, что в 7 часов 31 минуту шведские судьи постановили «не давать больше пауз противникам в надежде, что кто-нибудь из них свалится от истощения». Представитель Финляндии предложил перевести борьбу в партер. Судьи решили, что в случае отказа русского они признают его побежденным. Но Клейн согласился. Через несколько минут он с силой схватил Асикайнена за боковой пояс и бросил его на землю. Асикайнен коснулся ковра только одной лопаткой и перешел на живот. В этом положении он оставался до звонка. Судьи единогласно присудили победу Клейну.

На следующее утро, в 8 часов 30 минут, Клейну предложили бороться со шведом Юханссоном. Клейн отказался, Асикайнен — тоже. Звание чемпиона мира присудили хорошо отдохнувшему Юханссону, который никогда не занимал первых мест.

Результат соревнований для русских спортсменов был не из радостных: они поделили 15-е и 16-е места с Австрией.

...Перелистываешь старые спортивные журналы, и трудно порой удержаться от улыбки. Страстные дебаты о том, должны ли московские спортсмены есть щи и кашу в отличие от петербургских, привыкших к более «тонким» блюдам, сменяются длительными рассуждениями о том, может ли женщина заниматься спортом, «не теряя женственности». Спортивные корреспонденты не знали, как называть женщин-пловцов: «пловчихами» или «пловцами» — и на всякий случай именовали их «ундинами» — русалками...

Схватка Клейна с Асикайненом.

Жучки на кредитной ниве

Фельетон

Евгений **КОРШУНОВ**

У каждого в жизни есть мечта. Одни мечтают о солидной пенсии. Другие отдают всю жизнь поискам снежного человека. Третьим же мечта является, материализовавшись в уютное домовладение с клубникой, яблонями, георгинами.

Именно о последнем варианте и мечтал Гелий Михайлович Широковский (он же Косенко, Худин, Шереметьев и Щербицкий). Мятежная натура Гелия Михайловича устала от постоянных столкновений с уголовным кодексом, упорно разрешаемых не в ее пользу. Широковскому вдруг захотелось идиллического мира, мемуарной тишины и максимального удаления от ближайшего милицейского поста.

Один из знакомых, с которым Гелий Михайлович сблизился во время очередных разногласий с законом, рассказал, что где-то в Прибалтике за умеренную цену строятся чудесные коттеджи.

С той поры и расцвела на каменистой почве сердца Гелия Михайловича трепетная мечта.

— Туда, туда, в Прибалтику! В Прибалтику, в Прибалтику, — мурлыкал тихими украинскими ночами распределитель-комплектовщик цеха № 2 киевского арматурно-машиностроительного завода, обдумывая пути перехода к безнадзорной оседлости.

Искус был велик, а деньги валялись рядом — по всему Киеву. В магазинах, торговавших в кредит, товары выдавались всем желающим приобщиться к новому виду распределения. Правда, чтобы войти в число избранников, необходимо было иметь поручительство с места работы... Но Гелий Михайлович частенько наблюдал, как жрецы Меркурия принимали справки, на которых печати бывали изготовлены при помощи элементарного пятака.

И вот, купив в магазине канцелярских принадлежностей книжку справок-поручительств, Гелий Михайлович провел наедине с ними бессонную ночь.

А наутро в Киевском универмаге появился молодой человек приятной наружности. Решительно расталкивая покупателей, он устремился к отделу кредита. Здесь он восторженно отозвался о новой форме торговли и пожелал тут же испытать все ее прелести. Для начала он решил испробовать, как это отзовется на его внешности.

Продавщицы поняли намек и с ходу провели новообращенного в примерочную. Согласно инструкции, они были внимательны и любезны. Гелий ликовал. Рой нимф порхал вокруг него, помогая надевать импортные пиджаки и застегивать пуговицы. Это было похоже на рай.

Из рая Широковский удалился в новом костюме. На добрую память Киевскому универмагу он оставил собственноручно изготовленную справку-поручительство.

Через несколько дней Гелий Михайлович навестил магазин «Пионер».

— Понимаете,— застенчиво обратился здесь он к работникам прилавка, — когда я был маленьким и хорошим, моя мама пообещала купить мне фотоаппарат «Зоркий». Точь-в-точь, как у вас на витрине.

Работники прилавка растрогались. Слезы застлали им очи, и Широковскому был вручен фотоаппарат, обещанный доброй мамой. Слезы же помешали добрякам разглядеть печати на справке покупателя, исполненные при помощи фотобумаги.

И вот Гелий Михайлович стал трудиться не покладая рук. В результате киевские магазины лишились материальных ценностей на сумму около шестнадцати тысяч рублей старыми деньгами.

Ради своей мечты Широковский брал все, что давали: брюки, фотоаппараты, пальто, костюмы, плащи... Он раздобрел, обнаглел, обленился и уволился с работы. Печати и штампы изготовлялись им теперь частенько «под мухой» и, естественно, не удовлетворяли строгих требований киевской милиции.

Об этом по-товарищески предупредила Гелия Михайловича продавщица магазина № 15 Евтеева. Она наотрез отказалась кредитовать молодого человека с нахаль-

ПЕРВЫЙ АПРЕЛЬ

«Я очень хотела бы знать, когда и почему возникла привычка в день первого апреля, забавляясь, обманывать своих знакомых и говорить при этом: «Первый апрель — никому не верь»?» — спрашивает читательница Радаева.

Есть у А. С. Пушкина шутливый набросок:

Брови царь нахмуря,
Говорил: «Вчера
Повалила буря
Памятник Петра».
Тот перепугался.
«Я не знал — ужель?» —
Царь расхохотался.
«Первый, брат, апрель!»

Поэт П. А. Вяземский сказал:

Под фирмой первого
апреля
Обманом промышляет
свет.
И здравый ум и пустомеля
В день этот лжет, и
горя нет.

По словам поэта А. П. Сумарокова, жившего в восемнадцатом веке,

апреля в перьвый день
обман,
Забава общая в народе...

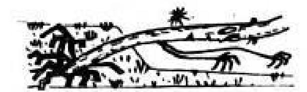
Когда же появилась привычка так забавляться? Происхождение ее, несомненно, связано с резкими и неожиданными переменами погоды в первые дни весны. Во Франции в глубокую старину днем шуток и подарков был праздник весны — первое апреля. Отсюда, вероятно, этот веселый обычай еще при Петре I был перенесен в Россию.

Наступление весенних ярких дней отмечали по-своему и древние римляне, но значительно раньше — семнадцатого февраля. Они называли его «праздником глупых». В Индии же обычай остроумно шутить и забавляться проявлялся ежегодно тридцать первого марта.

П. АРХИПОВ

САТИРИЧЕСКИЕ УЗЕЛКИ

ПЕТРО РЕБРО

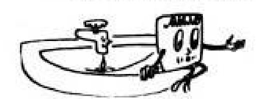
Ель Корень свой бранит:
— У, чертова коряга!..
Из-за тебя
мне не ступить и шага!

Окурки хвастались:
— Как стали мы культурны!
И пепельницы есть для нас
и урны...

Козявка,
оттопырив хоботок,
Слона спросила:
— Ну-с, как жизнь, браток?..

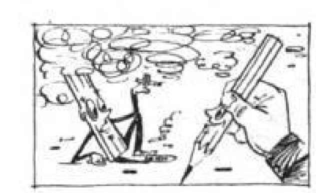

— Ей-ей, изящней так! —
божилось Мыло,
когда чернил на пальцах
не отмыло.

Шакал матерый
слезно клялся всем:
— Я мирный, добрый!
Я травы не ем!

Перевел с украинского В. Корчагин.

Мемуары

Жили на письменном столе два приятеля: Карандаши Тупой и Острый. Острый Карандаш трудился с утра до вечера: его и строгали, и ломали, и в работе не щадили. А к Тупому Карандашу и не притрагивались: раз попробовали его вовлечь, да сердце у него оказалось твердое. А от твердого сердца ни в каком деле толку не жди.

Смотрит Тупой Карандаш, как его товарищ трудится, и говорит:

— И чего ты маешься? Разве тебе больше всех надо?

— Да нет, совсем не больше,— отвечает Острый Карандаш.— Просто самому интересно.

— Интересно-то интересно, да здоровье дороже,— урезонивает его Тупой Карандаш.— Ты погляди, на кого ты похож: от тебя почти ничего не осталось.

— Не беда! — весело отвечает его товарищ.— Меня еще не на одну тетрадь хватит!

Но приходит время, когда от Острого Карандаша действительно ничего не остается. На его место приходят другие Острые Карандаши, и они с большой любовью отзываются о своем предшественнике.

— Я его лично знал! — гордо заявляет Тупой Карандаш. — Это был мой лучший друг, можете мне поверить!

— Вы с ним дружили? — удивляются Острые Карандаши.— Может быть, вы напишете мемуары?

Но Тупой Карандаш писать не умеет: слишком он тупой. Приходится Острым Карандашам писать самим с его слов. Это очень трудно: Тупой Карандаш многое забыл, многое перепутал, а многого просто передать не умеет. Приходится Острым Карандашам самим разбираться, подправлять, добавлять, переиначивать. Так рождаются мемуары.

Ф. КРИВИН

Ужгород.

Дерево Аксакова

В нескольких метрах от здания музея «Абрамцево» растет липа-великан. Это дерево было посажено писателем Сергеем Тимофеевичем Аксаковым. Возраст дерева — около ста лет.

П. СИРОТКИН

ГИБРИД. Рисунок М. Ушаца.

ными глазами и предложила ему поискать дураков на соседней улице. Широковский обиделся и исчез.

Зато через несколько дней в городе Одессе появился гражданин Косенко, по документам числящийся инженером треста «Черноморгидрострой». Он был рубахой парнем и страдал повышенной покупательной способностью. За короткое время семь одесских магазинов оказались кредиторами лихого инженера. Семь директоров грозили при встрече свернуть ему шею и ломали головы, как списать пропавшие без вести товары.

Много дней ползал жуликоватый жучок по кредитной ниве. Описание его подвигов, составленное прокуратурой Пролетарского района Москвы, занимает три тома.

В Москве, например, Гелий Михайлович вместе с Александрой Ложкиной, решившей стать хозяйкой домика в Прибалтике, явились однажды в ателье проката № 1 (Киевский район) и заявили, что им крайне необходим аккордеон. Они, видите ли, организуют комсомольско-молодежную свадьбу и без музыки расписываться не желают. Паспорт «молодожена» был оформлен с небрежностью абстрактного искусства и вызывал примерно те же эмоции.

Но приемщица Герасимова не устояла. Ну как не выдать аккордеон человеку, бьющему себя в грудь и задыхающемуся от оскорбленных чувств:

— И вы мне не верите? Вы? Мне? Не верите? Что важнее: бумажка или человек? И это в наше время...

В наше время принято верить. И вот результат: мечта Гелия Михайловича была близка к материализации. Оставалось только купить билеты на поезд... И если бы не отсутствие такта у милиции, Гелий и Александра уже торговали бы клубникой на рынках Таллина.

Именно на отсутствие такта у милиции жалуется и Виктор Дмитриевич Ермилов, бывший главный инженер РСУ-2 московского треста общественных работ. Он тоже оказался любителем «покупок» в кредит.

Виктор Дмитриевич не мечтал о домике в Прибалтике. Деньги ему нужны были для «автопоилки». Здесь, в оборудованной по последнему слову техники пивной «Вина-воды», проводил он часы своего обширного досуга. Здесь нашел он и родственную душу, мгновенно понявшую запросы его интеллигентной натуры.

Знакомство состоялось в очереди у кассы, и Борис Вольнов, рабочий одного из московских предприятий, вступил в долю к экс-инженеру. Вольнов выкрал в одном из учреждений столицы четыре паспорта, Ермилов «сделал» справки, и собутыльники отправились «кредитоваться».

По случаю морозов решено было приобрести лисий воротник. Сотрудница ГУМа Н. Боровкова нашла, что чернобурка Виктору очень к лицу. Тем более, что по справке молодой щеголь работал на мясокомбинате, где трудился и ее муж.

— Ах, ах! Такой молодой, а уже с лисой! — восхищалась она.— И как я раньше о вас не слыхала? Вы в каком цехе работаете?

— Я... мм... Да как бы это вам объяснить... Ну, в том... то есть в этом... А разве в справке не сказано? Нет? Тогда я забираю лису.

И забрал.

Такой способ пополнения своего гардероба в «кредит» пришелся по душе сестре Бориса — Валентине. На чулочной фабрике имени Баумана комсомолка Валентина Вольнова перевыполняла производственные задания, а после работы помогала брату получать и сбывать краденое. На свою «долю» она сшила модное платье. На шубу «заработать» не успела: помешала милиция.

Слово «кредит» означает «доверие». Можно доверить попавшему в беду незнакомцу ключи от собственной квартиры и потом рассказывать родственникам, что у вас не исчезло ни одной серебряной ложки. Можно отдать свою зарплату соседу и не взять с него расписки. Можно... Есть много подобных «можно». Но как назвать людей, оставляющих в служебном помещении наедине с горой паспортов чужого, случайного человека? А ведь именно так Борис Вольнов добыл четыре паспорта. Видимо, таким же путем попали к нему бланки с печатями и штампами детской поликлиники № 5, ЖЭК-17 Бауманского райжилуправления, сектора курсового обучения Мосгороно, оформленные путевые листы подмосковного колхоза имени Виноградова. Ротозеи, потерявшие элементарное представление о бдительности, даже не заметили пропажи и были очень удивлены, когда прокуратура сообщила им об этом. А как назвать людей, выдающих в кредит товары по справкам с «липовыми» печатями московского мясокомбината, недействительными еще с 1956 года?

Ротозейство и равнодушие — вот что не было учтено при внедрении хорошей современной формы торговли в кредит. Вот почему жучки вроде Широковского и собирают урожай банковских билетов на кредитной ниве.

Щенки очень любопытны и с удовольствием позируют.

На лежбище. →

Морские

Каждую весну к суровым и пустынным берегам Командорских островов, проплыв по Тихому океану тысячи миль, прибывают из районов зимовок морские котики.

Первыми из дальних странствий возвращаются «отцы» будущих семейств — секачи. Это крупные и сильные звери: вес их достигает 300 килограммов, а длина — 215 сантиметров. Несмотря на свою кажущуюся неповоротливость, звери довольно подвижны и быстро передвигаются по лежбищу, на котором каждый старается занять участок для будущей семьи. Секач ревностно оберегает свой участок.

Слабые, слишком молодые или больные самцы изгоняются с гаремного лежбища более сильными секачами. Они уходят в море и затем залегают на «холостяцком» лежбище, вдали от «семейного». В середине июня появляются самки. Они значительно меньших размеров, чем секачи. Вес их колеблется всего лишь от 28 до 40 килограммов. Вокруг секачей образуются гаремы, которые быстро растут и объединяют порой от 40 до 80 самок. Каждая самка рожает по одному щенку — черному котику. Зверек родится зрячим, хорошо передвигается по суше. Примерно через 3—5 дней после рождения щенка самка покидает гарем и уходит в море на кормежку. Щенки в это время остаются на лежбище, где они образуют свои «детские площадки». На «детских площадках» щенки спят или играют. Они спят так крепко, что даже не сразу просыпаются, когда человек берет их на руки.

Вернувшись с кормежки, самка среди десятков тысяч щенков обязательно находит своего. Выйдя из воды, она зовет его и ищет в том месте, где он оставался. Встреча всегда бывает очень радостной. Щенок вертится около матери, кричит. Его крик немного схож с блеянием ягненка. Недели через три щенки начинают учиться на мелководье плавать, резвятся у прибойной полосы. Зверьки очень любят играть, сталкивают друг друга в воду. Я наблюдал однажды, как несколько щенков устроили свалку на огромном спящем секаче. Один из шалунов забрался на спину спящего «папы», а трое его товарищей пытались спихнуть озорника.

Игра кончилась тем, что «папа» приподнялся и стряхнул шалунов со спины. На острове Тюленьем мы часто видели, как щенки бегали за птенцами кайры, ловили их за хвостики, а потом отпускали. На острове Беринга я наблюдал, как два щенка играли перышком птицы: зверьки подбрасывали его вверх и пытались поймать на лету. Однажды на острове Тюленьем к нам в лабораторию пришел с визитом вежливости черный котик. Щенок осмотрел все наше имущество, поспал часок у печки и спокойно ушел.

В августе гаремы распадаются, образуется одно общее лежбище. Щенки начинают в это время интенсивно линять, а в сентябре уже многие из них делаются из черных серыми. В середине октября небольшими партиями котики покидают родные берега, отправляются в южные районы Японского моря на зимовку.

Н. КАСЬЯНОВ,
научный сотрудник Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии

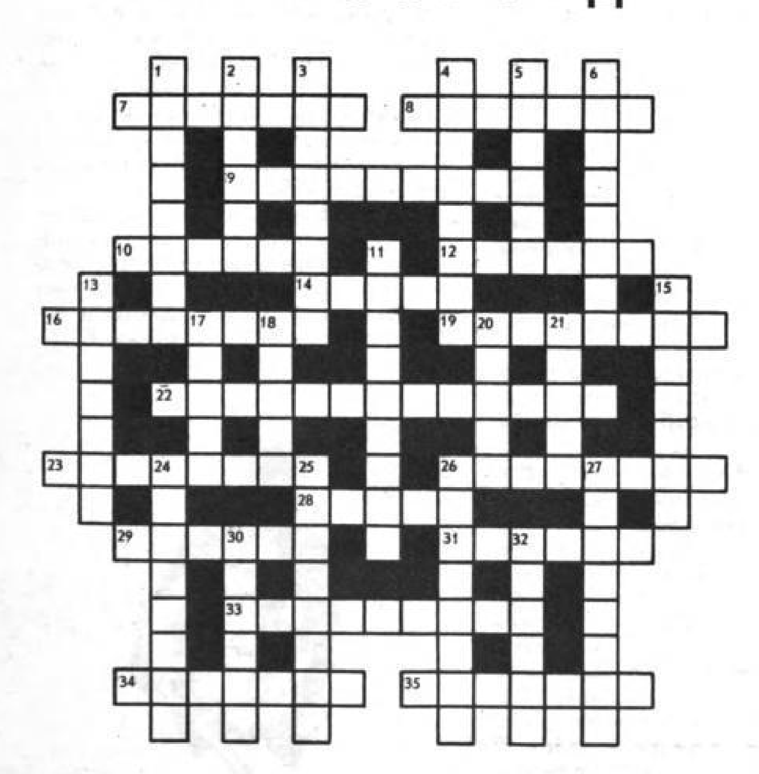

Спящий щенок.

→ Орлов Камень. Здесь, у острова Медный, излюбленное место отдыха котиков.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Молодой лес. 8. Автор картины «Последний день Помпеи». 9. Русский писатель XVIII века. 10. Металлическая ловушка. 12. Планета. 14. Государство в Азии. 16. Широкая городская улица. 19. Сорт моркови. 22. Наука о вождении летательных аппаратов. 23. Подъемный механизм. 26. Дальневосточное рыболовное судно. 28. Объявление о спектакле, концерте, лекции. 29. Пьеса М. Горького. 31. Командир крейсера «Варяг». 33. Опера М. П. Мусоргского. 34. Порт на побережье Тирренского моря. 35. Древнее название Крымского полуострова.

По вертикали:

1. Тригонометрическая функция. 2. Степная лисица. 3. Титановая руда. 4. Польский танец. 5. Подвижный грунт, насыщенный водой. 6. Минеральное образование. 11. Поэт-декабрист. 13. Советский спортсмен-прыгун. 15. Западнославянский народ. 17. Стихотворный жанр. 18. Город в Японии. 20. Южное растение. 21. Героиня произведения Н. А. Некрасова. 24. Прибор для проверки горизонтальности. 25. Пустота в слитке металла. 26. Залив Атлантического океана. 27. Ценная промысловая рыба. 30. Пианист, народный артист СССР. 32. Занавеси со складками.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

1. Архаромеринос. 5. Лечебница. 7. Авторитет. 9. Гостиница. 11. Канат. 13. Эпиграмма. 15. Тибет. 17. Реестр. 19. Палица. 20. Автограф. 21. Расточка. 22. Ретина. 24. Графин. 28. Тунис. 29. Каратыгин. 30. Верди. 31. Раскраска. 33. Индигирка. 35. Антверпен. 36. Интерпретация.

По вертикали:

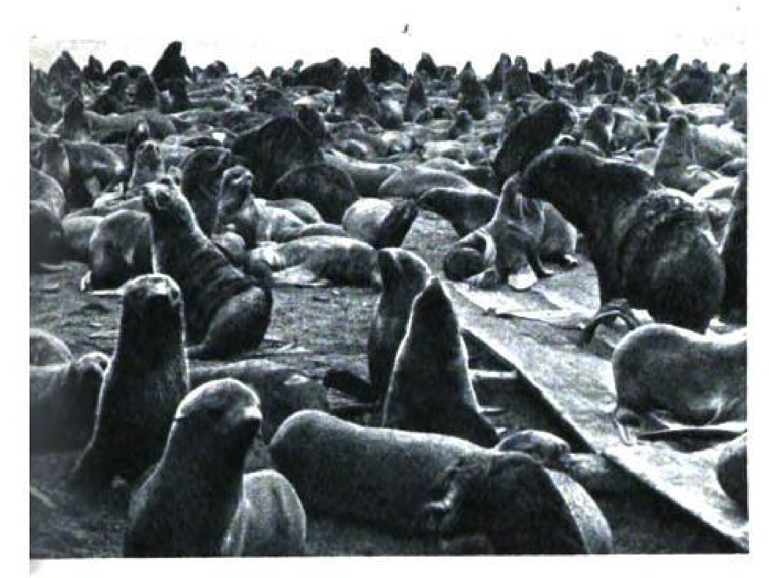
1. Аспиратор. 2. Холст. 3. Нюанс. 4. Статистка. 6. «Бухара». 7. Аккомпаниатор. 8. Твист. 9. Гамма. 10. Астроботаника. 12. Налбандян. 13. Энергетик. 14. Аристофан. 16. Бухгалтер. 18. Рифма. 19. Порог. 22. Растрелли. 23. Норка. 25. Регби. 26. Навигация. 27. Струве. 32. «Старт». 34. Донец.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

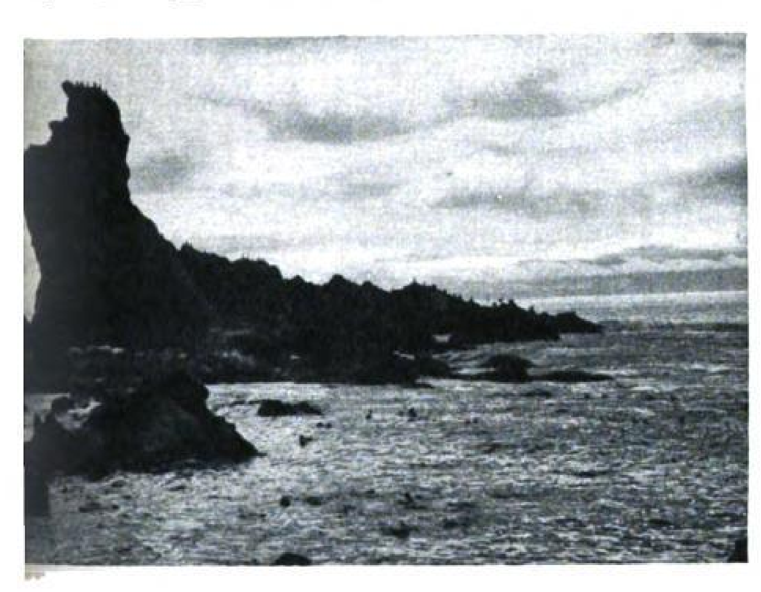
Рукописи не возвращаются.
Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Оформление В. Епанешникова.

На первой странице обложки: Сталинградский завод медицинского оборудования выполняет почетный заказ для героической Кубы. На сборке генераторов работает член бригады коммунистического труда комсомолка Любовь Жалнина. Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Работницы кондитерской фабрики «Коммунарка» в Минске Л. И. Зенович и П. Г. Белянко. Фото М. Савина.

КОТИКИ

Среди комет.

— Ты, дорогая, отстала. Сейчас в моде вот такие хвосты.

Рисунок Л. Самойлова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02089 Подписано к печати 29/III 1961 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 900 000. Изд. № 565. Заказ 798.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В Черемушках

Музыка С. КАЦА.

Слова Л. КУКСО.

На улице кленовая
колышется листва,
чудесна наша новая
просторная Москва.
Во всех окошках светятся
веселые огни.
При ясном свете месяца
так дороги они!

Припев:

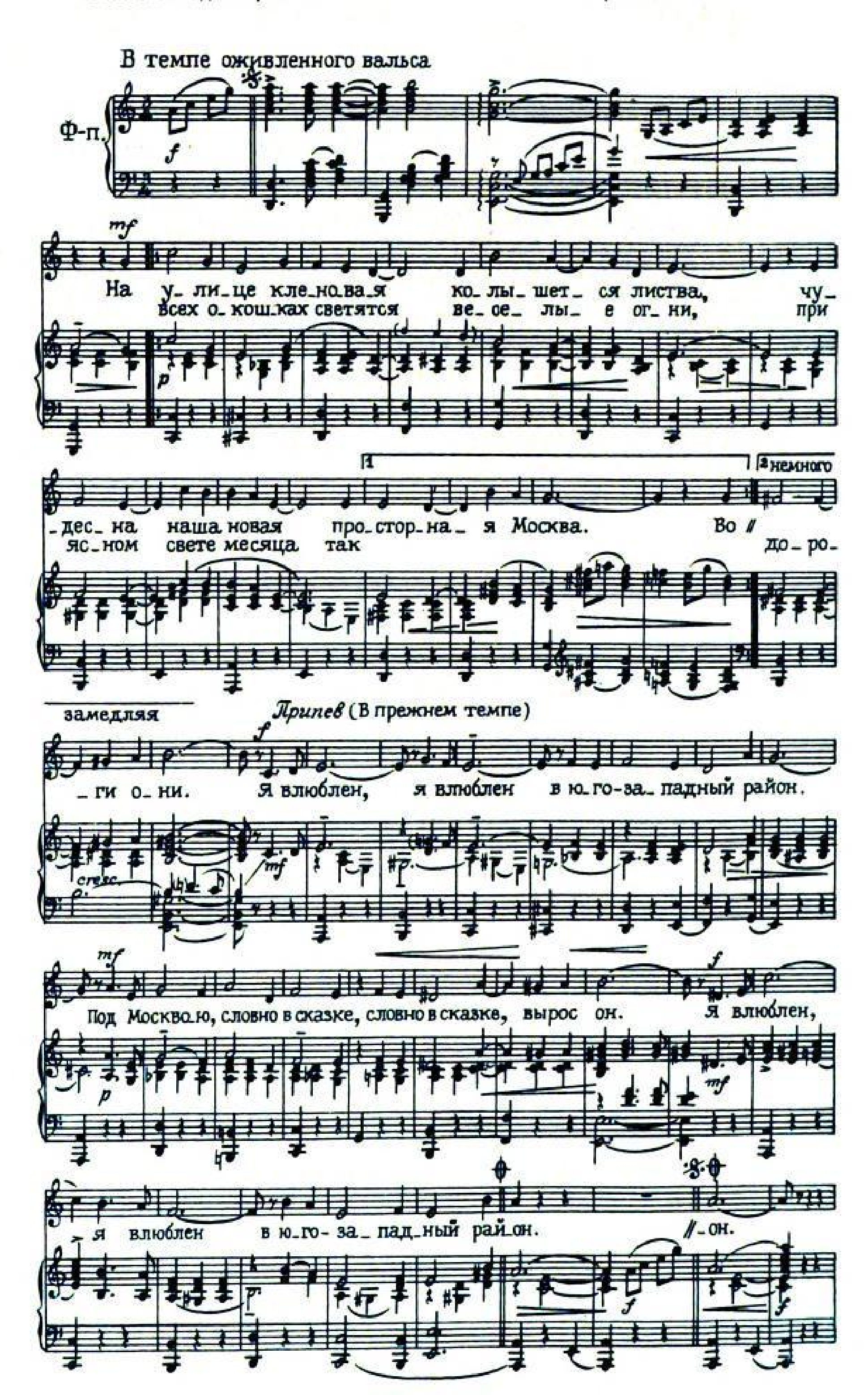
Я влюблен,
я влюблен
в Юго-Западный район.
Под Москвою, словно в сказке,
словно в сказке, вырос он.
Я влюблен, я влюблен
в Юго-Западный район.

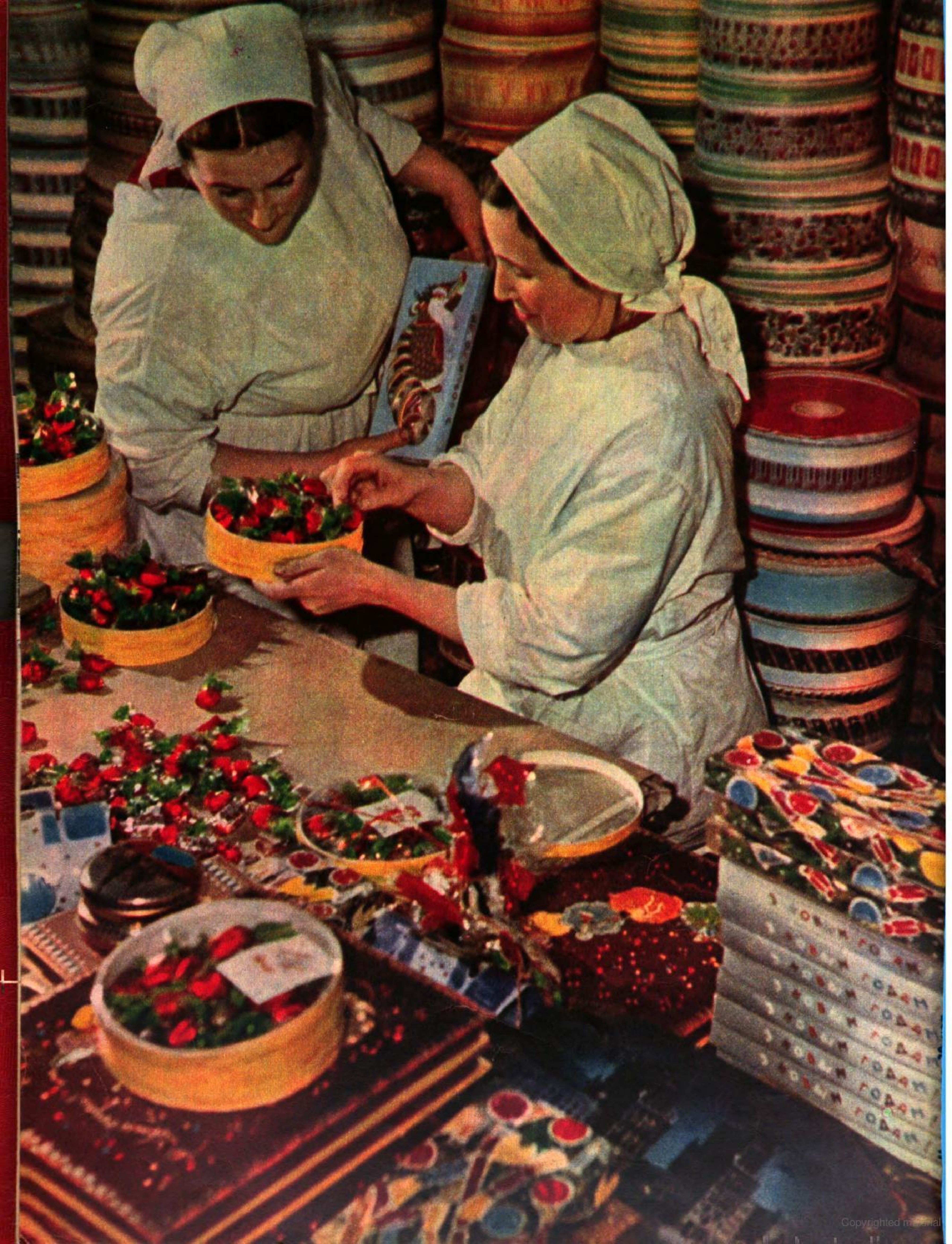
Хорош он днем, и вечером,
и утренней порой,
когда спешит навстречу вам
народ наш трудовой.
В Черемушках
черемуха
душистая цветет.
И звонче голосистая
гармонь моя поет.

Припев.

Здесь ветры льются свежие,
здесь выше небосвод,
моя подруга нежная
в Черемушках живет.
Когда ночами летними
бледнеют фонари,
мы бродим с ней проспектами
до утренней зари...

Припев.

ГОДАМ